

ISSN 1996-0522

СОЦІУМ И ВЛАСТЬ

№ 2 2021

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 25.06.2021 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 9,45. Тираж 500 экз.

Заказ № 132/207.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ**Кабанов Александр Валерьевич**

Социальный конструктивизм:
сущность, истоки, версии
конструктивистского подхода
к знанию..... 7

Aleksandar Fatić

Value identities: Personality
as an ecology of values..... 18

Фатич Александр (Fatić Aleksandar)

Ценность идентичностей:
личность как экология ценностей25

Пеннер Регина Владимировна

Проблема персональной
идентичности в современных
отечественных и зарубежных
философских исследованиях
(на основе аналитики научных
баз данных)..... 36

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- Хосе Баррьентос Растрохо* — доктор философии, профессор (г. Севилья, Испания)
 С. В. Борисов — доктор философских наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Е. В. Грунт — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 Ю. Г. Ершов — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Филип Иванович — Ph.D (г. Подгорица, Черногория)
Виктория Лезьер — доктор философских наук, профессор (г. Форкалькейре, Франция)
 В. Г. Ледяев — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 А. Н. Медушевский — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 В. А. Нехамкин — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 А. В. Павлов — доктор философских наук, профессор (г. Тюмень, Россия)
 В. Д. Попов — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 Г. Л. Тульчинский — доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
 А. С. Чупров — доктор философских наук, профессор (г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов — доктор политических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 А. В. Павроз — доктор политических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
 А. В. Понделков — доктор политических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)
 О. Ф. Русакова — доктор политических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Грегори Саймонс — доктор философии, профессор (г. Упсала, Швеция)
 А. Ю. Сунгуров — доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина — доктор социологических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 Сабина Лисица — доктор, профессор (г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский — доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
 А. В. Ковбан — кандидат юридических наук, доцент (г. Одесса, Украина)
 С. В. Кодан — доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 А. Б. Сергеев — доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Л. М. Байтенова — доктор экономических наук (г. Алматы, Казахстан)
 В. И. Бархатов — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Л. М. Муталиева — кандидат экономических наук (г. Астана, Казахстан)
 И. В. Лаврентьева — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Т. Ю. Савченко — кандидат экономических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 А. Н. Лукин — кандидат культурологии, доцент (г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева — кандидат исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)
 С. С. Смирнов — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Д. В. Тимофеев — доктор исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

**Халуторных Ольга Николаевна,
Максимова Мария Владимировна**
 О прогностических и моделирующих
 функциях социальных утопий
 русских космистов 50

ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ

**Артемова Ольга Васильевна,
Савченко Анастасия Николаевна**
 Тенденции развития городов
 в едином региональном пространстве
 (на примере Челябинской области) 58

**Маслова Татьяна Николаевна,
Нечеухина Надежда Семеновна,
Черненко Алексей Федорович**
 Выбор источника финансирования
 реновации основных средств 73

**ИНФОРМАЦИЯ
для ЧИТАТЕЛЕЙ и АВТОРОВ****Научный журнал
«Социум и власть»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.01 — Онтология и теория познания.
- 09.00.03 — История философии.
- 09.00.04 — Эстетика.
- 09.00.05 — Этика.
- 09.00.07 — Логика.
- 09.00.08 — Философия науки и техники.
- 09.00.11 — Социальная философия.
- 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
- 09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
- 23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
- 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
- 08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
- 08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 107.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**Ершов Юрий Геннадьевич**

Права человека как юридическая фикция и социокультурная ценность.....86

КУЛЬТУРА**Дядык Наталья Геннадьевна**

Искусство второй половины XX — начала XXI веков как визуальная философия.....95

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration
 Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
 PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.
 Passed for printing on 25.06.2021.
 Format 70×108 1/16
 Reference sheet area 9,45. Issues — 500.
 Order № 132/207.
 Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Alexander V. Kabanov

Social constructivism: subject matter,
 origins, versions of the constructivist
 approach to knowledge 7

Aleksandar Fatić

Value identities: Personality
 as an ecology of values 18

Aleksandar Fatić

Value identities: Personality
 as an ecology of values 25

Regina V. Penner

The problem of personal identity
 in modern domestic and foreign
 philosophical research
 (analytics of scientific databases) 36

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- José Barrientos Rastrojo* — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)
S.V. Borisov — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Filip Ivanović — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
V.A. Nekhamkin — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St.Peterburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Graftskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
V.I. Barkhatov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

**Olga N. Khalutornykh,
Maria V. Maksimova**

On the prognostic and modeling
functions of the social utopias
of Russian cosmists.....50

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

**Olga V. Artemova,
Anastasia N. Savchenko**

Tendencies of city development
in a unified regional space
(as exemplified
by the Chelyabinsk region).....58

**Tatiana N. Maslova,
Nadezhda S. Necheukhina,
Alexey F. Chernenko**

Choosing a source of financing
the fixed assets renovation.....73

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 107.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
38909

STATE AND LAW

Yuri G. Ershov

Human rights as a legal fiction
and sociocultural value86

CULTURE

Natalia G. Dyadyk

Art of the second half of 20th —
early 21st centuries
as visual philosophy95

Для цитирования: Кабанов А. В.
Социальный конструктивизм:
сущность, истоки, версии
конструктивистского подхода к знанию //
Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 7—17.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-07-17.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-07-17

УДК 165.7

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ: СУЩНОСТЬ, ИСТОКИ, ВЕРСИИ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ПОДХОДА К ЗНАНИЮ

Кабанов Александр Валерьевич,
Орловский государственный университет
им. И. С. Тургенева,
аспирант кафедры философии, логики
и методологии науки,
магистр философских наук,
Российская Федерация, 302026,
г. Орёл, ул. Комсомольская, 95
E-mail: 02081979.57@mail.ru

Аннотация.

Введение. Социальные исследования науки, начиная с исследований Р. Мертона, сразу стали важной составляющей интеллектуальной и научной жизни западного общества. Свидетельством популярности социальных исследований науки может служить количество периодических изданий, посвящённых этой проблематике: существует свыше 20 изданий, получивших международное признание. При этом отечественные исследования ведутся в гораздо меньшем объёме, и анализ социально-конструктивистских исследований науки в целом ещё не получил должного осмысления в отечественной литературе. Наша статья является попыткой подобного осмысления.

Цель. Проанализировать эволюцию англоязычного социального конструктивизма с момента его зарождения — публикации работы «Социального конструирования реальности» Питером Бергером и Томасом Лукманом в 1966; классифицировать социально-конструктивистские версии науки и выявить их характерные особенности.

Методы. В рамках исследования использовались схема — определение «социальной конструкции» Яна Хакинга, схема «социоисторического кластера» Филиппа Китчера и «объективистская концепция науки» Марии Баграмян.

Научная новизна исследования. Проведённый в исследовании анализ позволяет определить причины популярности социального конструктивизма в англоязычных странах в конце прошлого века (период «научных войн»); определить особенности социальной онтологии и эпистемического статуса научного знания в умеренной версии социального конструктивизма; проанализировать языковые особенности, обусловленные специфической рецепцией континентальной традиции философии, видение науки и её роли в обществе в радикальной версии социального конструктивизма.

Результаты. Основными результатами исследования являются: а) сближение онтологических позиций в аналитических и социально-конструктивистских версиях умеренного типа; б) нежелательные следствия социокультурного подхода к научному объяснению; в) противоречивость риторики радикальной версии социального конструктивизма.

Выводы. Социально-конструктивистские версии науки имеют многие нежелательные следствия, однако даже с учётом всех критических замечаний в их адрес подчёркивается важность социальных исследований науки.

Ключевые понятия:

социальный конструктивизм,
социальная эпистемология,
социальные исследования науки,
постмодернизм.

Введение

Современные социальные исследования науки занимают важное место в англоязычной философии науки [8; 25]. Существует также довольно много отечественных работ в этом направлении. В частности, есть монография Ю. С. Моркиной, посвящённая так называемой «сильной программе» социологии знания, существуют исследования академического капитализма [1], научные работы Л. А. Марковой по истории и основаниям социальной эпистемологии и многие другие. Более того, есть интересные отечественные монографии, в которых анализируется социальный конструктивизм как научная парадигма социогуманитарного знания [2; 4].

Однако область исследований отечественной социальной эпистемологии хоть и включает в себя область исследований западных специалистов, но в значительной мере проработанном виде. В самом деле, рассмотрим англоязычные периодические издания, посвящённые этой тематике. Среди периодических изданий, близких социальной эпистемологии, можно выделить журналы «Social Epistemology» (США), «Episteme» (Великобритания), «Science in Context» (Израиль-США).

Далее, приведём неполный список англоязычных изданий, посвящённых исследованиям в рамках STS (Science and Technology Studies) и близких к ним направлениям: «Social Studies of Science», «Science, Technology & Human Values», «Science & Technology Studies», «Engaging Science, Technology, and Society», «Catalyst: Feminism, Theory», «Technoscience», «Technology in Society; Research Policy», «Minerva: A Journal of Science, Learning and Policy», «Science, Technology and Society», «Science as Culture», «Research Policy», «IEEE Technology and Society Magazine», «Technology and Culture», «Science and Public Policy», «Technology and Society», «International Journal of Technoethics». Очевидны, с одной стороны, популярность социальных исследований науки и техники в англоязычных странах, а, с другой стороны, необходимость подобных отечественных работ, поскольку существует, судя по всему, только одно отечественное специальное издание, посвящённое этой проблематике — «Социология науки и технологии».

Более того, англоязычные работы, посвящённые этой тематике, переведены в очень небольшом количестве и по-прежнему недостаточно осмыслены в отечественной философской и социологической литературе.

Ещё менее осмыслены англоязычные социальные исследования науки конструктивистского типа в контексте «научных войн». Собственно говоря, именно эти факторы определяют актуальность данной работы в первую очередь для философов науки и социологов. Вместе с тем, учитывая огромную роль науки в жизни современного общества, наша статья может представлять интерес и для социальных философов.

1. Социальные исследования науки и социальный конструктивизм. История вопроса

Как известно, сам термин «социальное конструирование» («конструкция») появился в совместной работе Питера Бергера и Томаса Лукмана с соответствующим названием «Социальное конструирование реальности» (с подзаголовком «Трактат по социологии знания» — «A Treatise in the Sociology of Knowledge») в 1966 году. Этот трактат был попыткой объяснения «объективности» или «реальности» социальных установлений («social institutions»); то есть попыткой прояснить их стабильность и «независимость от нашего желания (мы не можем просто отменить социальные установления по собственному желанию)» [7, р. 10].

Бергер и Лукман старались показать, каким образом установления, возникшие как результат случайных интеракций людей, и являющиеся во вполне определённом смысле «сконструированными», в какой-то момент становятся принудительными для всех членов сообщества. Более того, верно следующее утверждение: для всех социализированных людей они (установления) воспринимаются как «внешние и объективные факты жизни» [19, р. 223].

Ретроспективно теория Бергера — Лукмана вовсе не выглядит сколько-нибудь радикальной. Скорее наоборот: многие её положения сегодня воспринимаются как само собой разумеющиеся, а в свете последующих постмодернистских проектов кажутся едва ли не консервативными.

Тем не менее эта теория имела в себе критические импликации. В самом деле, конструктивистский анализ предполагал ошибочность эссенциалистских представлений о природе социально институализированных практик, социальной идентичности и т. д. А это, в свою очередь, означало, что существующие практики, институты (и многое другое из социальной сферы) вовсе не обязаны быть такими, какими они являются на данный момент. Хотя, строго го-

вора, теория Бергера — Лукмана вовсе не утверждала, что существующие практики, сколько-нибудь дефективны или нуждаются в реформировании. Тем более их теория не утверждала, что эти практики, или, другие социальные установления (например, ценность денег), являются иллюзорными.

Однако впоследствии конструктивистскому анализу стали подвергаться многие другие, казавшиеся ранее незыблемыми вещи, как то: научный факт, некоторые научные нормы и ценности, и, наконец, научная истина. То есть, с такой точки зрения, научная истина также может быть сконструирована. Правда, последнее обстоятельство — следствие далеко не только конструктивистских влияний. Для философии науки последней трети двадцатого века, вообще, характерны антиреалистические тенденции (Л. Лаудан, М. Даммит и т. д.).

Очевидно, что сам тезис о конструировании научных фактов, а не их открытия учёными, не мог не вызвать недовольства со стороны последних. То есть по существу многие учёные восприняли самую идею «социального конструирования» научных фактов как обвинение в идеализме, если не в фабрикации ими эмпирических данных. Согласно слегка ироничному замечанию Я. Хакинга [12, р. 60], «учёные не чувствуют достаточного уважения социологов к неумолимым законам природы».

Впоследствии, в 90-е годы прошлого столетия, это приведёт к так называемым «научным войнам» («science wars»), реже используется термин «culture wars»).

Напомним, «научные войны» — это период обострённых дискуссий между, с одной стороны, учёными (чаще всего представителями естественных наук) и, с другой стороны, философами и социологами (в том числе конструктивистами и постмодернистами) о роли науки, научного знания, политики и идеологии в жизни общества. К этому же периоду относится известный скандальный эпизод — так называемый «Sokal hoax». В 1996 году физик-ядерщик Алан Сокал опубликовал в академическом журнале «Social Text» заведомо ложную статью о квантовой механике (якобы политических импликациях в квантовых эффектах), а через три месяца опубликовал статью в журнале «Lingua Franca», где признался в намеренном обмане. По его словам, он хотел проверить строгость рецензирования в культурологических и социологических журналах «леволиберального» толка [19, р. 224]. Как и следовало ожидать, случай с Аланом Сокалом вызвал неоднозначную

реакцию общественности: с одной стороны, явный подлог — однозначное нарушение научной этики; с другой стороны, ангажированность и непрофессионализм редакторов известного журнала несколько обескураживают.

Как замечает Майкл Линч [19, р. 226], «научная война 90-х сошла на нет к началу нового десятилетия без решающей победы какой-либо из сторон. Войны в строгом смысле слова никогда и не было, а основные протагонисты, в конце концов, перестали спорить друг с другом. Возможно, они просто устали слышать одни и те же аргументы и контраргументы». Правда, при этом, как справедливо замечает Хендерсон [13, р. 213], «количество авторов, сочувствующих конструктивистам, сократилось».

В известной работе Яна Хакинга «The Social Construction of What?» [12, р. 2] приводится далеко не полный перечень (24 позиции) конструктивистских работ: «Авторство», «Братство», «Опасность», «Эмоции», «Грамотность», «Гендер», «Природа», «Серийное убийство», «Болезнь», «Постмодернизм» и т. д. Самые интересные для нас — это, конечно, работы, касающиеся знания и науки: «Знание» («Knowledge» — MacKenzie 1981, Myers 1990, Barrett 1992, Torkington 1996), «Кварки» («Quarks» — Pickering 1986), «Факты» («Facts» — Latour and Woolgar 1976), «Глухота» («Deafness» — Hartley and Gregory 1991), «Сознание» («Mind» — Coulter 1979), «Нетрадиционная наука» («Extraordinary Science» — Grunzweig and Maeierhofer 1992, Collins 1982). Вернёмся ненадолго к Алану Сокалу. Сокал в своей пятистраничной скандальной статье для «Social Text» использовал термин «социальная конструкция» всего два раза. В свою очередь, Стэнли Фиш, один из (сочувствующих) исследователей постмодернизма, написал polemический ответ ему, где всего в нескольких абзацах использовал термин «социальная конструкция» и его производные пятнадцать раз [12, р. 3]. Эти цифры говорят сами за себя. Так что популярность социального конструктивизма к концу прошлого и началу нынешнего веков сложно отрицать [16].

Что же такое социальный конструктивизм и в чём причина его популярности в тот период времени (90-е и начало 2000-х)?

2. Причины популярности социального конструктивизма

С большими упрощениями можно утверждать, что существуют три наиболее популярных представления о науке.

Первое, в значительной мере характерное для учёных (в первую очередь, естествоведов), — это представление, согласно которому наука занимается открытием фактов, причём сами факты объективны и принадлежат («находятся в») миру. В основе этой позиции, безусловно, лежит допущение, что мир некоторым образом упорядочен, структурирован, и соответственно задача учёного — этот порядок или структуру обнаружить и каким-либо образом описать. Эту позицию можно было бы назвать научным реализмом.

Брайан Элис [10, р. 173], реалист-эссенциалист, в статье для Routledge Companion to Philosophy of Science ровно это и говорит: «Мир предположительно в высокой степени структурирован. Это моя основная структурная гипотеза». «The world is thus assumed to be a highly structured physical world. This is my basic structural hypothesis». По справедливому, на наш взгляд, замечанию Я. Хакинга [12, р. 60] структурированный мир «... не есть научная гипотеза. Это метафизическое представление».

Более того, позиция научного реализма, как правило, предполагает объективистскую концепцию науки. Следуя М. Баграмян [5] в статье «Relativism about Science», объективистскую концепцию можно сформулировать в семи тезисах:

1. Научный реализм.
2. Научная универсальность. То есть настоящие научные законы не зависят ни от времени, ни от места.
3. Научный метод. Предположительно, существует единственно правильный научный метод.
4. Независимость от контекста. («context-independence»). Существует чёткое различие между контекстом открытия и контекстом обоснования. Социальные, психологические, экономические обстоятельства, повлиявшие («give rise to») на возникновение теории, не должны использоваться при обосновании самой теории.
5. Инвариантность значения. Научные и теоретические термины имеют фиксированные значения, которые не меняются с изменением (развитием) самих теорий.
6. Конвергенция («convergence»). Различные, кажущиеся на данный момент несовместимыми, теории, в конечном счёте, не будут противоречить друг другу в некой единой теории когда-нибудь в будущем.
7. Научное знание кумулятивно. Существует постоянный рост знания во

всех научных областях, поэтому можно говорить о научном прогрессе [5, р. 268].

Схожую концепцию (правда, из четырёх пунктов) предлагает Филипп Китчер [14] с добавлением положения о фаллибилизме.

Очевидно, что далеко не все учёные (и философы) разделяют этот взгляд на науку и мир. Как правило, несогласие с объективистской концепцией науки означает отрицание какого-либо положения (их может быть несколько) из этого списка. К примеру, П. Фейерабенда, автора известной работы с характерным названием «Против метода», явно не устраивало положение (помимо прочих) под номером три — о единственности научного метода. Или можно вспомнить Ричарда Фейнмана: ему приписывают фразу, что учёным нужна философия науки (конечно, объективистского типа), как птицам орнитология.

Далее, у Людвика Флека, учёного-бактериолога, картина мира (и, соответственно науки) была иной. Он писал о возникновении и развитии научных фактов. В данном случае не столько важен даже сам акцентированный конструктивный элемент, сколько иная метафизическая картина мира: мир не есть некое структурное целое, с одной стороны, и едва ли возможно выполнение пункта об инвариантности (фиксированности) значения терминов и концептов, которые этот мир описывают, с другой. В некотором смысле они предполагают друг друга. То есть, по его мнению, первое, и пятое положения ложны.

Схожего взгляда на мир и науку (как правило, с дополнительным отрицанием четвёртого положения) придерживается часть социальных конструктивистов. Это особенно характерно для Эдинбургской «сильной программы» социологии научного знания и ряда проектов в рамках STS — Science and Technology Studies, с их повышенным интересом к научному классифицированию и вопросам семантики (неприятием эссенциализма). По-видимому, эту позицию можно было бы несколько упрощённо охарактеризовать как номинализм.

Таким образом, одной из причин относительно недавних «научных войн» является, мягко говоря, неновая дихотомия «реализм-номинализм».

С другой стороны, целый ряд социальных конструктивистов, имея определённый взгляд на природу открытия, научную истину, при этом, как правило, мало интересуются вопросами реализма и антиреализма. Используя карнаповскую терминологию, можно было бы сказать, что все эти вопросы (реализма, антиреализма и т. д.) являются

внешними по отношению к их теориям. Как замечает Хакинг [12, р. 60], «вполне естественно эту позицию можно было бы охарактеризовать термином Нельсона Гудмена «ирреализм»: ни реализм, ни антиреализм, а, скорее, равнодушие к такого рода вопросам, что, в свою очередь, есть тоже определённая метафизическая позиция». Здесь надо добавить, что и социальные конструктивисты, и учёные предпочитают избегать термина «метафизика».

Эту «ирреалистическую позицию», — её же некоторые исследователи называют постмодернистской, — Ричард Бернштейн, известный американский философ, как-то охарактеризовал «гневом против разума». Схожие мысли были и у П. Фейерабенда в работе с соответствующим названием «Прощай, разум». «Гнев против разума» — это реакция на ядерное и химическое оружие, гонку вооружений, экологические катастрофы и т. д. Соответственно, это и гнев против традиционной науки. И причина «гнева против разума» более глубинная — это как раз тот метафизический взгляд на якобы структурированный мир традиционной науки. То есть, по мнению ряда социальных конструктивистов, «науки как бы пытаются познать сущность творения или сознание Бога. А метафизика конструктивизма отрицает наличие сущности у творения и саму возможность взгляда на мир глазами Бога. Это (метафизика традиционной науки) представляет угрозу конструктивистской картине мира» [12, р. 61].

Феминистские исследования науки, нередко примыкающие к социальным конструктивистам условного «ирреалистического» направления, исходят из схожих представлений; только им не нравится, скорей, патриархальность (в некотором специфическом смысле) традиционной науки и соответствующей метафизики.

И вот именно эти, альтернативные традиционным, представления о науке лежат в основе конструктивистских взглядов и сделали (и отчасти продолжают делать) его (социальный конструктивизм) популярным. И, судя по всему, работа Бергера-Лукмана в некотором смысле лишь позволила концептуализировать уже имеющиеся в науке представления о социальном конструировании.

3. Некоторые особенности и варианты социального конструктивизма

Сначала попытаемся определить саму идею социальных исследований науки. Следуя Ф. Китчеру [14, р. 36], можно утверждать,

что все социальные исследования науки исходят из следующих положений («Социоисторический кластер» — «Socio-Historical Cluster» в терминологии Китчера).

1. Наукой занимаются люди, то есть существа с ограниченными когнитивными способностями; люди принадлежат к социальным группам со сложными структурами и историями.

2. Каждый учёный начинает исследования с некоторым понятийно-категориальным аппаратом («categories and preconceptions»), который был сформирован ранее социальными группами, которым он принадлежал. Иначе говоря, исследователь не начинает работать «с чистого листа».

3. Социальные структуры науки непосредственно влияют на исследование (как на направление исследований, так и на их теоретические результаты).

4. Социальные структуры науки задают своего рода поле исследования — это те вопросы, которые являются значимыми, и те ответы, которые являются допустимыми.

По-видимому, все четыре положения сами по себе не противоречат традиционной объективистской концепции науки. Иными словами, вполне можно (хотя и непросто, по справедливому замечанию Ф. Китчера) быть социальным исследователем науки и научного знания и не являться при этом социальным конструктивистом.

Теперь попробуем проанализировать сам термин «социальный конструктивизм». Вообще говоря, термин «социальный конструктивизм» в философии науки (и в социальной эпистемологии в целом) не является строго определённым. В англоязычной философской литературе подобного рода термины относят к категории «vague terms» (У. В. О. Куайн их называл «oraque terms»). По отчасти справедливому замечанию А. М. Улановского, «отсутствие работ по истории данного направления оставляет свободу для интерпретаций термина» [4, с. 279]. Это замечание справедливо лишь отчасти, потому что существуют англоязычные работы, посвящённые этой тематике. Так, есть довольно объёмная совместная работа (383 с.) Энди Локка и Тома Стронга «Social Constructionism. Sources and Stirrings in Theory and Practice» от 2010 года [18]. Работа включает в себя обширный список философов и учёных, повлиявших на современный социальный конструктивизм (Дж. Вико, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, А. Шютц, Г. Гадамер, Л. Витгенштейн, Гарфинкель, Гидденс, М. Фуко, Г. Бейтсон, К. и М. Герген и многие другие).

При этом следует отметить, что ни Стэнфордская философская энциклопедия, ни целый ряд англоязычных исследователей, в том числе Том Стронг и Энди Локк, не дают определения самого термина «социальный конструктивизм». Есть, правда, интересное исследование Андре Кукла [17] «Social Constructivism and the Philosophy of Science». Но и этот автор не приводит определения (в главе с характерным названием, кстати, «Defining Constructivism» — «Определяя конструктивизм»), а воспроизводит схему «X — есть социальная конструкция тогда, когда выполняются некоторые условия и т. д.» Яна Хакинга из работы «The Social Construction of What?». При этом Андре Кукла выделяет-таки разные типы конструктивизма: семантический, метафизический и т. д.

По мнению автора, социальный конструктивизм можно определить как направление (подход) в эпистемологии и философии науки, согласно которому всякая познавательная деятельность является конструированием (построением) образов, понятий и рассуждений в процессе социальных интеракций; соответственно любое знание для представителей этого подхода является результатом такого рода конструирования.

Однако рассмотрим особенности подхода Я. Хакинга. Хакинг не даёт определения термина «социальный конструктивизм», но пытается определить термин «X есть социальная конструкция» следующим образом.

1. Существование X не является необходимым или же не является необходимым в существующем виде. X, или же существующий X, не предопределён природой вещей; он (X) не является неизбежным («inevitable»). «X need not have existed, or need not be at all as it is. X, or X as it is at present, is not determined by the nature of things; it is not inevitable» [12, p. 6].

Нередко, по мысли Я. Хакинга, добавляются дополнительные посылки:

2. X неудовлетворителен в существующем виде настолько, насколько это возможно. «X is quite bad as it is» [12, p. 6]

3. Было бы лучше без X, или, по крайней мере, X необходимо радикально трансформировать [12, p. 6].

Можно предположить, что наличие только первой посылки достаточно для приверженности социальному конструктивизму, скажем, умеренного типа. Эта позиция характерна для «сильной программы» социологии знания, Фуллера и ряда исследователей из STS (например, С. Сисмондо [24]). Но, что интересно, эта позиция в отношении

онтологии характерна для многих представителей аналитической философии, то есть, сторонников, скорее, традиционной эпистемологии. Это, в первую очередь, Джон Р. Сёрль [22; 23], Э. Сейер [21], Д. Элдер-Васс [9]. Так, по их мнению, социальная конструкция (или «institution» — установление) — это неотъемлемая часть нашей социальной онтологии. По существу, большинство социальных реалий (деньги, собственность, право) являются социально сконструированными, и не включать их в онтологию, по меньшей мере, неразумно.

И в этом смысле нередко встречающаяся дилемма «реализм — социальный конструктивизм» ложна. То есть, правильнее говорить, что некто является социальным конструктивистом (на английском — «social constructivist about ...») в отношении чего-либо (чисел, законов и т. д.). И также, что некто является реалистом (на английском — «realist about ...») в отношении чего-либо (кварков, частиц, молекул и т. д.). И этот некто вполне может быть одним и тем же лицом.

Различия их, скорее, выражаются дилеммой «реализм эссенциалистского типа — номинализм (с определёнными упрощениями)». Так, Эндрю Сейер [9, p. 83] пишет: «...несмотря на то что эссенциализм часто противопоставляется социальному конструктивизму, эссенциалисты с радостью рассматривают вещи, вроде социальных установлений, которые, очевидно, социально сконструированы, но имеют при этом сущность...». Для социальных конструктивистов термин «сущность» (на английском — «essence») неприемлем, поскольку их взгляд на науку близок к воззрениям уже упомянутого нами Людвика Флека.

С другой стороны, и в этом вопросе происходит смягчение позиций. Так, Б. Барнс, представитель «сильной программы» (т. е. антиэссенциалист), в одной из последних своих статей (с характерным названием «Essences in the Sciences», [6, p. 101] видит некоторый смысл в сущностях: «Они (эссенциалистские стратегии) необходимы для сохранения культуры в процессе изменений для стабилизации (эссенциального, сущностного) компонента в нашем знании; компонента, необходимого для взаимопонимания и координации наших действий». То есть, допущение сущностей возможно по прагматическим соображениям: в конечном счёте, они необходимы при обучении, социализации и т. д.

Но каков онтологический статус самого знания (в первую очередь, научного)? И тут неизбежны разногласия: во-первых,

возможна позиция Поппера (а ещё ранее Г. Фреге) о некоем «третьем мире» знания. Надо заметить, что в объективистской концепции науки второе положение об универсальности научных законов (независимости от времени и места) вполне допускает такое прочтение. С другой стороны, не так уж много у теории «третьего мира» сторонников: по-видимому, она (теория) предполагает слишком серьёзные онтологические допущения.

Можно утверждать, что немалое число аналитических философов считает, что знание социально сконструировано, но не в том смысле, как его определил Хакинг. Знание научное (которое по преимуществу пропозициональное — «propositional») социально сконструировано, поскольку есть результат (артефакт) деятельности людей, социальных интеракций, артикулируется в языке, который по самой сути своей социален. С другой стороны, знание не социально сконструировано в смысле Хакинга, поскольку тот самый «X» из его определения, где «X» есть «знание», в некотором смысле предопределён природой вещей.

Так, Сейер [9, р. 91] утверждает: «Конечно, знание и социальные феномены социально сконструированы; но это вовсе не означает, что явления внешнего мира («external phenomena») и социальные установления не могут влиять на наши интерпретации. И тот факт, что мы изучаем социальные конструкции («social constructions»), также не означает, что у этих конструкций нет структурного единства («structural integrity»)». Иными словами, признание социально сконструированного характера явления вовсе не предполагает волюнтаризм, при котором мы можем каким-либо образом пересмотреть (изменить) само это явление».

Умеренный социальный конструктивизм, вообще говоря, тоже не предполагает волюнтаризм в отношении знания. Но по мнению представителей «сильной программы», «X» из определения Хакинга, где «X» есть «знание», вполне мог бы быть другим. Скорее, правильно говорить о плюрализме в отношении знания. И это следствие, во-первых, того факта, что принимается усиленная трактовка «Социокультурного кластера» Китчера. То есть, каузальный подход к науке (объяснение выбора теорий учёными в терминах социальных интересов и т. п.), принимаемый исследователями, размывает традиционное деление факторов на экстерналистские и интерналистские и придаёт знанию случайный характер. Поэтому, на их взгляд, возможны альтернативные матема-

тики (как, кстати, и у О. Шпенглера). Во-вторых, знание в силу социальных факторов (в первую очередь, языка) релятивизировано к средствам описания и предположительно к концептуальной схеме. Отсюда, очевидно, что и эпистемический статус знания отличен от аналитических (и традиционных) версий.

Если же мы принимаем дополнительные две посылки из определения Я. Хакинга, то получаем более радикальные версии конструктивистского типа. Здесь очевидны критические импликации. Собственно, так Хакинг [12, р. 3] и пишет: «Социальные конструктивисты (их работы) критически настроены по отношению к существующему положению дел». «Social construction work is critical of the status quo». То есть, речь здесь идет именно о представителях «ирреалистического» подхода к науке.

При кратком анализе этого (условного) направления необходимо учитывать следующее. Оно (направление) слишком неоднородно и аморфно и, не существует некоего единого согласованного списка, из которого бы однозначно следовала принадлежность кого-либо к этому направлению. При этом очевидно, что оно должно включать себя как учёных — социальных исследователей науки, просто учёных (чаще психологов), работающих в этой парадигме, и философов, близких постмодернизму.

Надо отметить, что при оценке радикальных версий социального конструктивизма (постмодернистских) с континентальным типом рассуждения, для многих аналитиков (традиционных для англоязычных стран философов) всё ещё характерна следующая оценка Джона Пассмора (в данном случае Ю. Хабермаса): «...Его (Хабермаса) теория языка была подвергнута критике со стороны Бар-Хиллела в журнале «Synthese» (1973). Как это часто случается, Хабермас в ответ указывает, что был неправильно понят; если принять во внимание его манеру письма, то это вполне вероятно» [3, с. 129—130]. И, вообще говоря, это объяснимо. В самом деле, как можно понять при традиционном прочтении, к примеру, предложение Донны Хэруей: «В наше мистическое время мы все химеры, теоретизированные и сфабрикованные гибриды из машин и организмов»? «In our time, a mystic time, we are all chimeras, theorized and fabricated hybrids of machines and organisms» [26, р. 183].

Надо отметить, что специфическая «манера письма» последователей радикального типа социального конструктивизма — это не случайная, а характерная их черта.

Своеобразная риторика, во-первых, противопоставляется традиционному научному дискурсу — и это следствие неприятия объективистской концепции науки (т. е. семи пунктов М. Баграмян) и, во-вторых, выполняет, скорее, идеологическую функцию — «критическую в отношении status quo» по словам Хакинга.

Предположительно, можно выделить четыре идейные составляющие в основе постмодернистских проектов: отрицание рационализма, как идейного наследия Просвещения. Далее, это марксистские корни — «традиционный марксистский взгляд на то, что наука в действительности есть наука «буржуазная» и является структурным воплощением капиталистического порядка» [11, р. 31]. В-третьих, крайние феминистские взгляды: наука как воплощение гендерного неравенства. И наконец, мультикультурализм: современная наука есть по преимуществу «западный проект», не учитывающий культурное многообразие.

Обсуждение

Рассмотрим умеренную социально-конструктивистскую версию «сильной программы» социологии знания. Вообще говоря, каузальный подход «сильной программы» в сочетании с принципом симметрии (рассматриваются равным образом и ложные, и истинные теории) позволяет избегать термина «знание». Вместо него используется термин «убеждение» (belief) и, соответственно, «истинное» или «ложное убеждение». По словам Д. Блура, главного представителя «сильной программы», «принцип симметрии необходим, чтобы исключить неестественное понятие «разума» в каузальном объяснении. Но он (принцип) не предполагает исключения натуралистического понятия «разум», будь то психологическое (понятие) или же социальное» [20, р. 297].

Отсюда возникают два вопроса. Во-первых, согласно когнитивным исследованиям, известно, что естественная способность человека рассуждать правильно крайне ограничена, особенно в вероятностных контекстах; тогда на чём основано доверие (на английском языке часто используется термин «epistemically worthy») к рассуждениям и, главное, к результатам учёных?

Во-вторых, чем можно объяснить (эпистемические) успехи науки, будь то научные предсказания или технологические разработки, отрицать которые просто бессмысленно? Очевидно, что Блур, в отличие от представителей традиционных взглядов на

науку, не может апеллировать к рациональной (традиционной) модели объяснения с соответствующим понятием научного метода и нормам исследования. И это уязвимое место не только «сильной» программы, но и всех сторонников психосоциальных (натуралистических) подходов к объяснению в науке.

Далее рассмотрим радикальные версии социального конструктивизма. Очевидно, что в основе всех разнообразных концепций социального конструктивизма лежит одна общая идея — радикальный релятивизм в отношении знания. Собственно говоря, это и есть их самое уязвимое место. Непонятно, например, почему нужно предпочитать именно их подход, если, предположительно, возможен радикальный истинностный плюрализм. В частности можно выбрать классический подход к науке. При этом в пользу классического подхода свидетельствует вся многовековая история науки; напротив, постмодернистские подходы не могут похвастать большим послужным списком в области эпистемологии.

Приверженцы тех версий, в которых отрицается роль и авторитет науки, предположительно, должны иметь определённую стратегию решения глобальных проблем. Но каким образом можно решить какую-либо глобальную проблему — например, проблему глобального потепления? Любое решение проблемы предполагает какой-либо консенсус и какое-либо доверие к экспертному сообществу, но, очевидно, недостижим в подобной ситуации. С другой стороны, своеобразный язык, эндемичный для постмодернистских работ, едва ли способствует достижению консенсуса. Ещё менее он способствует достижению эмансипации, которой постмодернисты так настойчиво добиваются. Скорей, наоборот, такого рода язык только способствует манипулированию. Вообще, как справедливо писал Бертран Рассел в своей «Автобиографии»: «Я полагаю, что, в значительной степени, неясное мышление служит оправданием для жестокости». «I find that much unclear thought exists as an excuse for cruelty» [11, р. 17].

Заключение

В статье мы попытались охарактеризовать истоки англоязычной версии социального конструктивизма, начиная с работы Бергера — Лукмана «Социальное конструирование реальности»; рассмотрели причины необычной популярности социальных

исследований науки конструктивистского типа конце прошлого века. Также мы кратко проанализировали основные варианты социального конструктивизма (умеренная и радикальная версии), их особенности, принципы и недостатки. Однако при всех критических замечаниях, особенно в адрес радикальных версий социального конструктивизма, на наш взгляд, необходимо признать важность социальных исследований науки. Исторические, социологические, философские перспективы, во-первых, могут предложить ценный анализ реальной научной практики; во-вторых, концептуальное и методологическое прояснение теоретических дискуссий; в-третьих, могут прояснить влияние социального давления, так или иначе оказываемого на учёных. Наконец, социальные исследования науки могут содействовать более рациональной научной политике.

1. Касавин И. Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М. : Весь мир, 2016. 264 с.

2. Касавин И. Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешённые проблемы // Эпистемология & философия науки. 2008. Т. 15, № 1. С. 5—14.

3. Пассмор Дж. Современные философы. М. : Идея-Пресс, 2002. 192 с.

4. Улановский А. М. «Новая парадигма» социальных наук: линии развития современного конструктивизма // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+ : Реабилитация, 2010. С. 279—299.

5. Baghramian M. Relativism About Science // The Routledge Companion to Philosophy of Science / eds. M. Curd and S. Psillos. Oxon : Routledge, 2014. P. 268—280.

6. Barnes B. Essences in the Sciences // *Critical Quarterly*. 2011. Vol. 53, № 4. P. 90—102.

7. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York : Penguin Books, 1991. 256 p.

8. Collin F. Science Studies as Naturalized Philosophy. Dordrecht : Springer Science + Business Media, 2011. 247 p.

9. Elder-Vass D. The Reality of Social Construction. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 283 p.

10. Ellis B. Essentialism and Natural Kinds // The Routledge Companion to Philosophy of Science / eds. M. Curd, S. Psillos. Oxon : Routledge, 2014. P. 170—181.

11. Gross P., Levitt N. Higher Superstition: The Academic Left and its Quarrels with Science. Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press, 1994. 413 p.

12. Hacking I. The Social Construction of What? Harvard : University Press, 1999. 261 p.

13. Henderson D. Overview: On Science and Social Epistemology // The Routledge Handbook of Social Epistemology / eds. M. Fricker, P. Graham,

D. Henderson, N. Pedersen. New York : Routledge, 2020. P. 211—219.

14. Kitcher P. A Plea For Science Studies // A House Built on Sand / eds. N. Koertge. New York : Oxford University Press, 1998. P. 39—50.

16. Koertge N. Scrutinizing Science Studies // A House Built on Sand / eds. N. Koertge. New York : Oxford University Press, 1998. P. 1—6.

17. Kukla, A. Social Constructivism and the Philosophy of Science. London : Routledge, 2000. 170 p.

18. Lock A., Strong T. Social Constructionism. Sources and Stirrings in Theory and Practice. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 383 p.

19. Lynch M. The Sociology of Science and Social Constructivism // The Routledge Handbook of Social Epistemology / eds. M. Fricker, P. Graham, D. Henderson, N. Pedersen. New York : Routledge, 2020. P. 243—253.

20. Nola R. Social Studies of Science // The Routledge Companion to Philosophy of Science / eds. M. Curd, S. Psillos. Oxon : Routledge, 2014. P. 291—301.

21. Sayer A. Realism and Social Science. London : SAGE Publications Ltd., 2000. 211 p.

22. Searle J. The Construction of Social Reality. New York : Free Press, 1995. 241 p.

23. Searle J. Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World. New York : Basic Books, 1999. 175 p.

24. Sismondo S. An Introduction to Science and Technology Studies. Oxford : Blackwell Publishing Ltd., 2010. 244 p.

25. The Handbook of Science and Technology Studies / eds. U. Felt, R. Fouche, C. Miller, L. Smith-Dorerr. Cambridge : the MIT Press, 2017. 1159 p.

26. Zammito, J. A Nice Derangement of Epistemes: Post-Positivism in the Study of Science from Quine to Latour. Chicago ; London : University of Chicago Press, 2004. 390 p.

References

1. Kasavin I.T. (2016) Social'naja filosofija nauki i kolektivnaja jepistemologija. Moscow, Ves' mir, 264 p. [in Russ].

2. Kasavin, I.T. (2008). *Jepistemologija & filosofija nauki*, vol. 15, no. 1, pp. 5—14. [in Russ].

3. Passmor Dzh. (2002). *Sovremennye filosofy*. Moscow, Ideja-Press, 192 p. [in Russ].

4. Ulanovskij, A.M. (2010). «Novaya paradigma» social'nyx nauk: linii razvitiya sovremennogo konstruktivizma // Social'naja jepistemologija: idei, metody, programmy. Moscow, Kanon+, Reabilitacija, pp. 279—299. [in Russ.]

5. Baghramian, M. (2014). Relativism About Science // The Routledge Companion to Philosophy of Science. Oxon, Routledge, pp. 268—280. [in Eng].

6. Barnes B. (2011). *Critical Quarterly*, vol. 53, no. 4, pp. 90—102. [in Eng].

7. Berger P., Luckmann T. (1991). The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York, Penguin Books, 256 p. [in Eng].

8. Collin F. (2011). Science Studies as Naturalized Philosophy. Dordrecht, Springer Science + Business Media, 247 p. [in Eng].

9. Elder-Vass D. (2012) The Reality of Social Construction. Cambridge, Cambridge University Press, 283 p. [in Eng].

10. Ellis B. (2014). Essentialism and Natural Kinds // *The Routledge Companion to Philosophy of Science*. Oxon, Routledge, pp. 170—181. [in Eng].
11. Gross P., Levitt N. (1994). *Higher Superstition: The Academic Left and its Quarrels with Science*. Baltimore, MD, Johns Hopkins University Press, 413 p. [in Eng].
12. Hacking I. (1999). *The Social Construction of What?* Harvard, University Press, 261 p. [in Eng].
13. Henderson D. (2020). Overview: On Science and Social Epistemology // *The Routledge Handbook of Social Epistemology*. New York, Routledge, pp. 211—219.
14. Kitcher P. (1998). *A Plea For Science Studies // A House Built on Sand*. New York, Oxford University Press, pp. 39—50. [in Eng].
16. Koertge N. (1998). *Scrutinizing Science Studies // A House Built on Sand*. New York, Oxford University Press, pp. 1-6. [in Eng].
17. Kukla, A. (2000). *Social Constructivism and the Philosophy of Science*. London, Routledge, 170 p. [in Eng].
18. Lock A., Strong T. (2010). *Social Constructionism. Sources and Stirrings in Theory and Practice*. Cambridge, Cambridge University Press, 383 p. [in Eng].
19. Lynch M. (2020). *The Sociology of Science and Social Constructivism // The Routledge Handbook of Social Epistemology*. New York, Routledge, pp. 243—253. [in Eng].
20. Nola R. (2014). *Social Studies of Science // The Routledge Companion to Philosophy of Science*. Oxon, Routledge, pp. 291—301. [in Eng].
21. Sayer A. (2000). *Realism and Social Science*. London: SAGE Publications Ltd, 211 p. [in Eng].
22. Searle J. (1995). *The Construction of Social Reality*. New York, Free Press. 241 p. [in Eng].
23. Searle J. (1999). *Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World*. New York, Basic Books, 175 p. [in Eng].
24. Sismondo S. (2010). *An Introduction to Science and Technology Studies*. Oxford, Blackwell Publishing Ltd, 244 p. [in Eng].
25. *The Handbook of Science and Technology Studies (2017)* / eds. U. Felt, R. Fouche, C. Miller, L. Smith-Doerr. Cambridge, the MIT Press, 1159 p. [in Eng].
26. Zammito, J. (2004). *A Nice Derangement of Epistemes: Post-Positivism in the Study of Science from Quine to Latour*. Chicago, London, University of Chicago Press, 390 p. [in Eng].

For citing: Kabanov A.V.
Social constructivism: subject matter,
origins, versions of the constructivist
approach to knowledge //
Socium i vlast'. 2021. № 2 (88). P. 7—17.
DOI: 10.22394/1996-0522-2021-2-07-17.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-07-17

UDC 165.7

SOCIAL CONSTRUCTIVISM: SUBJECT MATTER, ORIGINS, VERSIONS OF THE CONSTRUCTIVIST APPROACH TO KNOWLEDGE

Alexander V. Kabanov,

Orel State University named after I.S. Turgenev,
Postgraduate Student of the Department
of Philosophy, Logic
and Methodology of Science,
The Russian Federation, 302026,
Orel, ulitsa Komsomolskaya, 95
E-mail: 02081979.57@mail.ru

Abstract

Introduction. Starting from R. Merton's pioneer works, social studies of science have been a major part of Western intellectual and scientific life. The total number of periodicals on the subject, that is over 20, illustrates the point best. Meanwhile Russian social studies of science are far less intensive. Moreover Western studies of social constructivist type still haven't received sufficient coverage in Russian scientific literature. Our article is an attempt to somewhat reverse the situation. The aim of the article is to analyze social constructivism evolution in the English speaking countries starting from Berger and Luckmann's seminal work "The Social Construction of Reality" in 1966; to classify social constructivist versions of science together with their most prominent traits.

Methods. When considering the problem, the author uses Y. Hacking's schematic definition of social construction, P. Kitcher's scheme of "socio-historical cluster" and M. Baghramian's "objectivist conception of science".

Scientific novelty of the research. The analysis provides reasons for social constructivism popularity during the "science wars"; specifies social ontology and epistemic status of scientific knowledge in moderate versions of social constructivism; specifies some discourse peculiarities of radical versions of social constructivism (the consequence of somewhat unusual reception of continental tradition) and its view of the science.

Results. The basic results are: a) certain convergence of ontological positions in analytic and moderate versions of social constructivist type, b) controversial issues of social (historical) approach to scientific explanation and c) controversial issues of postmodern rhetoric in radical versions.

Conclusions. Social studies of science play an important role in science and society, the critical comments towards social constructivist versions notwithstanding.

Keywords:

social constructivism,
social epistemology,
social studies of science,
postmodernism.

For citing: Fatić A. Value identities: Personality as an ecology of values // *Socium i vlast.* 2021. № 2 (88). P. 18—25. DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-18-25.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-18-25

UDC 17.03 + 177.1

VALUE IDENTITIES: PERSONALITY AS AN ECOLOGY OF VALUES

Aleksandar Fatić,

PhD, Full Professor, Institute for Philosophy and Social Theory, University of Belgrade (Serbia). 45 Kraljice Natalije Street, 11000 Belgrade, Serbia. E-mail: fatic@instifdf.bg.ac.rs

Abstract

The paper examines the concept of individual and collective value identities based on an emotionalist understanding of values. The main perspective it discusses is one where emotions are the most important practical instruments for the clarification of individual and collective values. The argument implies that moral emotions are not irrational, but have a logic of their own which can reliably pinpoint the persons' value system; emotions are thus crucial building blocks of an ethics which is able to enhance personal and moral identity. This particular ecology of moral emotions is pivotal in crisis periods, such as the global pandemics, wars or system crashes, either economic, or political, security, diplomatic or cultural. In the current circumstances, where the already shaken individual and collective values throughout the world have been shaken by the Covid 19 pandemic, understanding identities as fundamentally couched in moral emotions may be critical to saving our cultures and our legacies of social and moral capital.

Keywords:
values,
identities,
moral emotions,
empathy,
social/moral capital.

1. The value-clarifying role of moral emotions

The many problems and hurdles we encounter with our moral projections, evaluations and intentions, as well as with responding to morally controversial actions by others, reflect the irreducible emotional character of moral values. At least as much as we need to (cognitively) understand what these values are, we depend on our emotional reactions to values to move us to act passionately and decisively in one or another moral direction. This is what psychology sees as the 'dynamic' role of emotions, and takes it as the building block of various theoretical interpretations of how exactly emotions achieve this dynamic function [10]. As in aesthetic values, the strength and often 'existential meaning' of moral values lie largely in their appeal and ability to move us in certain directions. While in aesthetic perception there may be little room for a rational explanation of why something is perceived as beautiful or ugly, sublime or profane, in moral judgments the emotional appeal of certain values and the emotional reactions to offensive behavior largely dictate the social definition of what is morally acceptable and what is not.

There is, however, philosophically much more to the role of moral emotions than their psychologically recognized dynamic function. They also play an important *cognitive* role with regard to recognizing the value system of a person, group or entire society.

However rationally convincing a moral argument might be it will only be able to elicit emotions if the values which it evokes are sufficiently important to us. The more important the values, the stronger the emotional reaction will be. Thus, rather than being merely the dynamic or motivational side to acting morally based on rational arguments, moral emotions are also unique cognitive windows of insight into *which* actual moral values are the most important to us. Often the moral debate (and sometimes also policy debate) in democratic societies revolves entirely around the emotional capture and articulation of values rather than any rational argument. Perhaps the best and currently most striking example is the painful debate over issues such as the respect of difference versus freedom of expression, which has taken place in Europe after the January 2015 terror attacks in Paris over the satirical caricaturing of Prophet Mohammad by a French cartoon magazine (which has since continued with culturally offensive illustrations being published) [4]. The rationally mutually compatible claims of inter-cultural respect on

the one hand, and reasonable freedom of expression, on the other, have clashed in this case to the point of potentially marking the beginning of an entirely Huntingtanean clash of cultures, which Umberto Eco has poignantly described by saying that 'we are in a war up to our necks' [6].

This particular example shows the emotional side of moral values which can easily be characterized as 'irrational': the abuse of freedom of speech to hurl cultural insults at others by the *Charlie Hebdo* magazine to start with, a violent, criminal response by those offended which followed (the terror attack on the magazine in January 2015 and the killing of its staff members). The outcome appeared particularly discouraging, with, an escalation of the insulting action by the French society by the spiteful printing of a five-fold run of copies of the same caricaturing cartoons of Prophet Mohammad, in order to affirm the editorial liberties in France [12].

The philosophical point of this example, however, does not necessarily hinge on the apparent irrationality of the culture conflict; it is rather in the clear illustration that the tragic event in Paris is of just how crucial moral emotions are both for understanding the importance and role of particular values to particular people (or groups, or cultures), and for moving them to act, even to the point of self-destruction, in the defence of those values. The structure of the emotional articulation and response to values is the same in the case of moral and aesthetic values: the emotions reliably identify the most important values, whether they are in the realm of reverence or the sublime, moral authority or beauty. However, the strength of the emotions tends to be much greater when moral values (and these unavoidably include religious ones, as well) are at stake. Thus, the relevance of moral emotions can hardly be over-emphasized in discussions of practical moral issues such as virtue, tolerance, or respect.

One relatively obvious practical role of moral norms (and the corresponding moral values) is that they restrict spontaneity: where one might spontaneously act selfishly, moral norms require one to show a degree of fellow-feeling and consideration; where one would rather flee the danger, moral norms require them to fight for the right cause (usually corresponding to a general interest). Where one would exercise one's liberties (including the right to free speech) so as to insult others, moral values restrict the intrusion on the integrity and well-being of others. Equally, where one would exercise violence on the weaker or helpless, moral normativity is there to stop them. In

this, most conservative of its roles (which is, of course, not its only role or form), ethics is a sort of fence that keeps us on the rights side of things. In its restrictive function ethics rests on rational moral judgment which, ideally, can control emotions when they would otherwise lead the person to act immorally.

There is, however, a complementary role for ethics, which rests firmly on the person's (or group's) ability to exercise a moral spontaneity which is motivated and fueled by moral emotions, and which goes against any type of rational judgment. Actions of self-sacrifice powerfully illustrate this aspect of ethics which crucially, and in many cases exclusively, depends on the emotional spontaneity of one's moral personality. The person who dives in a foaming sea to rescue a shipwreck victim acts outside any immediate framework of rational moral judgment or calculations of the 'pros' and 'cons' of the action.

In fact, when one considers the active making of sacrifices, one often finds that the less calculated and more immediate the sacrifice, the more practical moral approval it tends to earn. There is something of an implicit expectation that sacrifices should be made 'full-heartedly', without calculation, in order to merit a positive evaluation of character. In acting selflessly, the less rational consideration and more 'automaticity' or spontaneity there is, the more virtuous the actor will tend to be considered. This tendency is reflected in the common phrases 'giving oneself for others *unthinkingly*', or 'acting immediately/without a moment's hesitation'. In fact, most people would agree that there is something more 'heroic' about a person who jumps in the water to assist a drowning victim 'unthinkingly' than about another person who stops, ponders what to do, and then jumps to do the same. The reason we tend to consider the former more virtuous than the latter is that we assume that the former possesses a virtuous emotional spontaneity, whereas the latter appears to act morally desirably by imposing rational moral judgment on one's emotional spontaneity, where the spontaneity itself is not virtuous. In other words, it appears that we tend to value virtuous spontaneity (or the free exercise of positive moral emotions, such as empathy or a sense of solidarity) more than rational moral judgment by itself.

The same ambivalent role of emotions permeates the moral discourse on justice. Much of the legal regulation of the right to use violence in self-defence, for example, is built on the assumption that emotions can play a variety of roles in such situations. On the one hand, one's

'fear for one's life', if it can be established sufficiently credibly, justifies, in many jurisdictions, one's taking measures in self-defence which might result in the assailant's death. Where the evidence of such fear is lacking, the legal consequences of the same type of self-defence typically involve a serious prison sentence [7]. On the other hand, the same jurisdictions regulate the limits to justified self-defence on very rationalistic, even entirely unrealistic grounds. Often one is considered justified in applying force on the assailant only up to the point when an opportunity for escape emerges, and only if the threat is to one's person or the life or limb of another. This means that, for example, if one scratches your car deliberately in front of you, you are not legally justified to confront and detain them with any degree of physicality. While such regulation may seem very nice and civilized, it flies in the face of most people's spontaneous reactions of outrage and anger when someone damages their property deliberately in front of them [7, p. 150—175]. In fact, such regulations arise from a *fear* of what emotions might do, or the extent to which they may lead the person in reacting; thus, the impulse of the regulators is to extinguish any legitimate role for anger in all non-essential situations where one's physical integrity is not immediately at stake. It seems that as society we are both fascinated and frightened by the role emotions play in our behaviour, and in our everyday moral perceptions and motivations.

When positive moral emotions are considered (the emotions which encourage cooperative and socially constructive behaviour), the extent to which they are likely to emerge largely depends on how familiar we are with others. Generally speaking, the more one knows about the circumstances and identity of another person, the more likely it is that one will be able to empathize with and act benevolently towards that person. On a general level, we need rationalistic ethics to regulate our morally relevant behaviour towards the others who are *not* close to us. However, the practicalities of how easily or effectively such rationalistic ethics will actually 'work' often depends on our ability to imagine that we know the people whom we do not know, or to envision parallels between them and the people whom we actually know. In everyday moral discussions it is thus common that we remind others to govern their actions as though they knew the (unfamiliar) people to whom they need to relate. When someone acts recklessly to another, they will often be cautioned by their close peers by saying something of the sort: 'imagine that this is your sister (or mother, or brother), how would

you feel if somebody treated them that way', or 'how would you like it if your friends acted towards you the way you acted towards him/her'. We use the same kind of parallels when we morally educate our children. Whenever the actual motivation to act morally is considered concretely, references tend to be made to or parallels drawn with one's familiar and close relationships. The reason for this is that moral action ultimately rests on moral emotions which are the most effectively exercised in 'organic', immediate and intimate relationships with our close ones, rather than in detached, formal and institutionally mediated relationships with those distant from us.

The more one's character traits, life circumstances and a particular predicament are known to us, the more information we have to empathize with the person. Without empathy, any decision to take a sacrifice, ranging from giving a token amount to charity to donating a kidney, may be difficult to take. The question of empathy, thus, remains central to our discussion of morality.

2. Empathy as an understanding of others

One of the key aspects of empathy is the ability of the empathizing person to distinguish between their own and the feelings of others, with whom they empathize, while at the same time showing an emotional reaction to the discomfort or suffering that others are undergoing. Thus, empathy requires a degree of maturity in understanding our own feelings and those of others. It differs from merely 'taking on' the feelings of others, or succumbing to what is sometimes called 'emotional infection'. In mass psychology it is well known that strong leaders' personalities are able to induce feelings to the mass of followers: people who gather at rallies often start to feel the emotions that emanate from the speakers. They believe that the revolt, enthusiasm or revolutionary drive are their own, while in fact they are merely 'caught' from those who infect the entire group with their own emotions, ambitions and resentments. While most people are susceptible, to some degree, to emotional infection, empathy is only possible where there is no emotional infection. Feeling the emotions of others automatically rules out the possibility of empathy. Thus, empathy is a more independent reaction to the suffering of others than the taking over of their emotions. It recognizes others as distinct individuals and posits certain commonalities between ourselves and them which make it easy for us to feel for them in their pain (not to 'share in' their pain,

though the two are frequently confused). This interpretation, which was initially developed by Max Scheler, is far more discriminating than the Humean interpretation of empathy as 'emotional contagion'. While Hume sees empathy as another's emotion that invades the observer, Scheler makes it very clear that emotional infection and identification with another occur throughout the natural world, among a variety of animals, with no empathy involved. He discusses our capacity for emotional contagion as biological rather than psychological or moral. He thus insists on distinctions between the categories of emotional identification, emotional infection, sympathy (or 'fellow-feeling'), which is closest to empathy, and a variety of other ways to relate to one another's emotions [9]. Even Michael Slote, a key modern sentimental-ist ethicist, appears to miss Scheler's distinction when he insists on the normative ethical capacity of the Humean understanding of empathy as contagion. He realizes that there is something important in the distinction between emotional contagion, or taking over of another's feelings, and feeling for others because they are undergoing suffering with which we can cognitively identify and which we feel we 'understand', though we are aware that it is not our emotion. However, rather than making it clear that such a distinct identity is a requirement for exercising proper empathy, Slote ascribes a conceptual confusion to Hume: he says that Hume erroneously used the concept of 'sympathy' to refer both to empathy and what 'we could consider' sympathy today [11]. Slote devises a sentimental ethics by resorting to the concept of 'moral goodness' which is explained in terms of caring for others: thus, any action that is motivated by caring for others and empathizing with them is morally good and conversely, actions which arise from a disregard of the well-being of others are morally bad. While I do not wish to criticize Slote here at any length (in fact I agree with most of his general argument in lieu of sentimentalism), I do wish to point to the conceptual juncture where he misses Scheler, because I think this is a key juncture which tells us a lot about the normative potential of *relational emotions* and their cognitive role.

Relational emotions arise with regard to the emotions of others which we understand and relate to. Substantive emotions, on the other hand, are our own authentic emotions. It is interesting that one might hold mutually opposed substantive and relational emotions at the same time, such as feeling anxious about an upcoming medical intervention (substantive emotion), and at the same time happy for one's neighbour who sings in front of an open window because

he has fallen in love. Relational emotions are somewhat similar to, but not to be confused with, meta-emotions. The latter are felt with regard to other, primary emotions of the same person: I might feel ashamed of my own fear, depressed about my feeling of guilt, or angry at my own malignant rejoicing at the misfortune of my sporting competitor who cannot challenge me at a contest. Similar considerations apply to moral emotions which determine the modal logic of our decision-making. For example, in integrative psychotherapy, both the emotions involved in certain actions and the meta-emotions involved in the subsequent judgement and appraisal of those emotions play a role in our ability to move between the various modal worlds, or sets of relevant circumstances, from which we may have different vistas on life and on the specific choices we make [2]. Meta-emotions are relevant for ethics because they arise from internalized values, including moral values; however, they are not the same as relational emotions; the latter are felt in relation to the *emotions of others* which we understand and with which we are able to imaginatively identify. Relational emotions create a conceptual space for the positing of moral obligation to others while meta-emotions, which relate to one's own self, do not. Because Slote does not see empathy as rooted in an awareness that the feelings of others that we empathize with are not our feelings (in fact he suggests that in empathy others' feelings become ours) he fails to conceptualize a sentimental ethics in terms of the moral obligation between different persons. He rather resorts to the relatively fuzzy concept of 'moral goodness' which is based on altruism and empathy, and falls short of establishing a moral obligation to act in certain rather than other ways. The problem is logical: if empathy is the basis on which moral goodness is decided, and empathy fuses the identities of the sufferer and the observer by requiring the observer to be invaded by another's feelings, then the awareness of distinct identities and situations of the sufferer and observer is considerably blurred. This alone makes it difficult to clearly posit a moral obligation between two actors whose distinct individualities are not entirely clear to them. The more dramatic the feeling, the less clear the awareness of the distinctness in emotions and perceptions between the two is likely to be.

Scheler, on the other hand, goes to the other extreme by insisting that any kind of emotional reaching out between the observer and the sufferer undermines the possibility of moral obligation and consequently, ethics. This is why he is adamant, seemingly quite counter-intuitively, that however suggestive his ethics,

no ethics of sympathy is possible in principle: sympathy does not allow for a proper conceptualization of duty [9, p. 38].

In order to understand the moral obligation a clear distance must exist between the identity of the moral actor and that of another person towards whom there is a moral obligation. Any fusion of identities between the subject and object of moral obligation cuts this distance short. While in such a situation some 'morally good' things can be done, no clear moral duty is possible. Although he wants to explain emotions in largely biological terms and classify them comprehensively as natural phenomena, Scheler is essentially a German tradition duty-ethicist, and is thus reluctant to allow any room for proper ethics in his account of sympathy, though he is undoubtedly aware of the social dimensions of all of the 'fellow-feeling'-related phenomena which he discusses.

In his generally Humean context of sentimentalism, Slote argues that any type of altruism as morally desirable behaviour involves the capacity for empathy, and claims that this is so a priori 'for anyone with a developed sense of empathy': '<...> it is a priori, I think, that morality depends on altruism, and I shall be arguing that anyone well-acquainted with empathy in their own case and that of others can also see a priori that altruism and morality involve empathy (among other things) [11, p. 18]. While I agree with Slote's direction of argument that empathy is crucial to morality conceived in terms of altruism, and that developing people's morality involves systematically developing their capacity for empathy, I do think that his argument is imprecise because it does not pay sufficient attention to relevant distinctions between the ideas of moral obligation and an overly generalized view of 'moral goodness' that he uses. In fact, it is not entirely clear what Slote means by moral goodness other than that it is generally morally desirable to act altruistically. He does not seem to be content with a type of preference-ethics which in the normative sense falls short of establishing a moral obligation: he argues that sentimentalism could in fact be construed as the last defence of deontology [11, p. 98]. At the same time, however, he does not show how an ethics based on 'natural motives' can really found a deontological moral normativity rather than limiting itself to generally pointing to morally praiseworthy directions of action [11, p. 106].

It seems to me that Hume's treatment of sympathy and empathy as close, almost synonymous concepts are based on good reasons. I am not at all sure that today 'we understand' sympathy and empathy as such different con-

cepts as Slote suggests. He insists that empathy is feeling another's emotions rather than 'feeling for' others [11, p. 15]. He considers the former 'empathy' and the latter 'sympathy'. This is a crucial misconception which both Hume and Scheler have good reasons to give wide berth to in developing their arguments. Although Scheler conceives of empathy sharply differently from Hume (in terms of the awareness of a difference in feelings between the observer and the sufferer), neither treats empathy and sympathy as clearly distinct concepts. They merely conceive them differently in terms of what empathy/sympathy means, however both see them, by my lights correctly, as close, almost synonymous notions. Once we understand that empathy (as well as sympathy) is a relational emotion with regard to the emotions we know others feel, we are able to posit a moral obligation and moral duty towards another which arise from our *understanding of what others feel* and our awareness that 'moral goodness' (which we can then freely understand as moral duty or obligation) requires us to try to remedy another's situation if we can.

If I feel the grief of a mother who has lost her child in a terrorist bombing, I am crushed by the feeling; I am both incapacitated to act and unaware of my own feelings which are pushed into the background. There is no room for perceiving a moral obligation towards the mother. However, if I empathize with the mother while being fully aware that the grief is hers, not mine, I am able to understand a moral duty to help her survive the grief: I am then able to try to comfort her, move her to a safe place, help her deal with the funeral, the social and existential aspects of the event. I am only able to be a moral actor in terms of moral obligation or duty if my identity and my feelings are clearly separate from hers. Whether this is called empathy or sympathy is not all that relevant, and this is likely the reason neither Hume nor Scheler made any effort to distinguish between the two.

The above is the same distinction that Martin Hoffman makes when he discusses the emotional and cognitive development of children, who first react to the distress of others (crying) by possibly confusing it with their own distress (once one baby in a room with babies starts to cry, many other babies will automatically cry as well), but as they grow up they learn that the distress of other children is not their own distress, while still showing what Hoffman calls 'empathic disturbance' by the distress of others. Like Scheler, Hoffman makes it very clear that a developed empathy involves a clear awareness of one's identity as

distinct from that of the person empathized with. He sees emotional development largely in terms of acquiring a capacity for empathy as an emotional reaching out to others without violating the boundary between one's own and another's feelings by emotional contagion [5].

The key difference between empathy and emotional contagion is in the responsibility that remains with the person who empathizes with others, while it disappears when one becomes emotionally infected by another. Being invaded by feelings of the grieving mother partially relieves me of a responsibility to relate to her pain in an active, altruistic way. I might or might not be able to assist her; what emotional infection does necessarily involve is my 'plugging into' her pain: any moral action which might ensue is merely contingent. Empathy, on the other hand, keeps me in the position of responsibility for another: I remain aware that her feelings are crushing for her, and I am able to impose on myself a sense of moral duty or obligation to do something altruistic for her. It is this *active* element of altruism that requires a sense of responsibility; this sense, in turn, requires a clear delineation of my feelings from hers. The normative moral question here is: should I feel empathy for others and act accordingly (this will automatically make me an altruistic person)? If I should, then I must understand others sufficiently, I must know enough about them and the way they perceive their experiences. I must see them as similar to myself sufficiently to understand them, while at the same time keeping them at a sufficient distance in terms of their identity to be able to sense a moral obligation to them as distinct personalities with experiences and circumstances which are different from mine.

The formulation of the normative statement that I should be empathetic and altruistic leads me to the question where I can happily agree with Slote's general argument, namely the question of whether and how we can enhance empathy. One obvious way to do so is to establish the pre-requisites for *learning* empathy.

3. Learning empathy: Why emotions are not 'irrational'

The feature of empathy that it is opposed to emotional infection is key to understanding the rational aspect of empathy: like most emotions, contrary to general belief, empathy is not entirely 'irrational'. Specific emotions have their own logic and their own particular relationship with values; they help us to understand when a value that is important to us is at stake. Thus, emotions help identify important

value-aspects of one's own identity and generate impetus to act to address any issues with such values. One might not always rationally know that some values are important to them; one might not always rationally understand key aspects of who one really is. Where one might rationally think that certain values are more or less important to them than they really are, the emotional responses (especially the negative emotions when such values are threatened) help correct the perception. Thus, emotions are crucial cognitive avenues to a better understanding of our own identity. Hence, therapeutic approaches which see intense, disturbing emotions as a problem and strive to place them under control by the use of pharmaceuticals may actually make it more difficult for the person to understand their identity sufficiently to effectively deal with outstanding issues in one's life. Emotion's 'tag' or mark the most important values whether we are aware of them or not: in order for an experience to trigger an emotion, a high-ranking value in the person's value-system must be either affirmed (pleasurable emotions) or deterred (displeasing emotions). Such emotions, as dynamic factors, allow us to 'switch' between the different modal worlds in making our everyday decisions. Thus pleasing or displeasing emotions are the core factors of our psychodynamics [1].

This cognitive aspect of emotions is particularly relevant for ethics when empathy is considered. Empathy is possible only where one is able to sufficiently understand the life and plight of others; thus, the more emotionally and cognitively transparent communities are, the more likely it is that people will empathize with one another. While empathy has undeniable dynamic qualities in that it can motivate action in solidarity with others and can generally strengthen motivation for all kinds of collective action, its cognitive value is often under-appreciated [3].

Unlike substantive emotions, which carry their own psychic energy arising from their immediate presence in our mind and their ability to colour our perception, even a sense of ourselves, thus needing no particular knowledge other than the immediate awareness of the emotion as our own, relational emotions require a prior cognitive understanding of a situation which is different from our own emotional state. This is why substantive emotions cannot be a proper foundation for ethics, while relational emotions can.

The rational extension of this insight is in the issue of how moral sentiments, specifically empathy, can be developed culturally, how they can be ingrained more effectively, or how

people can be socialised into such sentiments, or taught to feel them more strongly and more often [8]. This is what developmental psychology studies as moral development, which is directly linked to the learning of emotions. The very process of emotional learning rules out any idea that emotions are irrational and contradictory to reason — the idea that so much traditional philosophy has taken for granted through the division of ‘faculties’, perhaps due to the influence of the Cartesian tradition on the western thought. Descartes’ *cogito* can be viewed as a Husserlian ‘phenomenological reduction’ of the attributes and appearances of existence, or self-existence, to a basic, irrefutable truth of me thinking, thus, necessarily, existing, without having to consider anything else to prove the fact of existence. However, it is also a celebration of thought and rationality, and this latter meaning of it has caused the largest part of the western philosophical tradition to assume that the ‘I think’, or more precisely, ‘I reason’, is somehow fundamentally different from, and superior to, the ‘I feel’ of everyday life.

While the sense of emotional relationship to everyday life experiences may be viewed in primarily ethical terms, namely as contributing to, or detracting from, the quality of life, it also plays an important epistemic role. Our moral emotions make us aware of the ecology of values within which it only becomes possible for us to articulate our identities. To understand who I am, I first must position myself within a normative framework of values, and to assess my own individuality I must be able to relate it to certain conceptions of ideal virtue, or sin, of solidarity, empathy, and other important values which define the moral ideal of my community. Even if these ideals are the so-called negative values, characteristic of what some call “the post-heroic age”, such as tolerance, restraint or resilience (the virtues which emerge only when affirmative values are denied, or militated against by our current circumstances), we are able to learn about our identities based on the moral emotions that we experience against the bedrock of such defining values for our community. When we speak of the political right, or the political left, our discourse is often imprecise and for external observers, who are not immediate participants in the discourse, it may seem arbitrary. The reason is that when people discuss ideology, they primarily address their relational moral emotions about values such as justice, equality, rule of law, individual dignity, solidarity, etc. Such emotions do not conform to strict conceptual divides, but nevertheless they serve an important epistemic role, and this is reflected

in the fact that, although we may not be able to clearly define what this means, we are generally well aware of what ideals typically stand for what ideologies. Equality seems to be a prodigious feature of the value ecosystem of the leftist ideology, not because the so-called right ideologies do not recognise the importance of equality, but because those who associate themselves with the left ideologies tend to argue passionately for equality. Similarly, the right ideology appears to be automatically associated with values such as individual liberty and market competition, not because some other ideology does not take those values on-board as well, but because the investment of moral emotionality, of what Robert Solomon calls “passion” for values in the public discourse of a particular ideology is particularly strong with regard to those particular values. The way we feel about moral values and the way we express these emotions teaches both ourselves and others about where we stand on the social spectrum of beliefs, or in the general ecology of values of our society.

The Covid 19 pandemic of 2020 and 2021 (to continue for an unknown period, as it appears at the time of writing of this article) has challenged communities in several important ways which highlight the need to rely on our individual and group ecologies of moral emotions and values which these emotions point to. The virus has torn down numerous social practices (including the sociality itself, in its immediate aspect, not facilitated by electronic communications and not dampened by social and physical distancing). As a result, the pandemic has cancelled many physical, procedural and institutional ways for us to orient ourselves in new and challenging situations. The new reality exhibits itself not only in most of the western world’s civilisation staying at home for protracted periods of time, being subjected to curfews and lockdowns, and moving to working from home, but also in more emotionally changed existential and border experiences, such as dying alone, without friends and family, in isolated hospital wards surrounded by staff in scaffolders whose faces one cannot see. Families now face situations where they cannot say goodbye to their loved ones who have deceased from the Coronavirus, and instead they attend funerals where they only see a sealed coffin and must maintain a distance between the few others allowed at the funeral, all of whom wear masks. This is a profound change to how we had been used to experience not only life, work and play, but also death.

In the changed circumstances, such as the ones induced by the current pandemic, values

are tested, especially the moral and social values, which are relational by nature and by structure. It seems that in such circumstances we are deprived of everything other than the moral values and the emotions we can express based on these values to show who we are in testing life situations. Thus, the intellectual cultivation of our values and the emotional articulation of our perceptions of and reactions to these values are all the more important. It appears that the epistemology of values, or more precisely the epistemic interpretation and articulation of both our individual ecologies of values and moral emotions as their affective counterparts are among the few remaining beacons of identity that are left to us when social practices, institutions and procedures are threatened. Thus, it appears that philosophy is the last defence against civilisational demise illustrated by global crises, such as the one associated with the global meltdown of established social practices induced by the current Covid 19 crisis.

Acknowledgments: This article has been completed with the support of the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

References

1. Fatić A. (2019) *Romanian Journal of Philosophy (Revue Romaine de Philosophie)*, no. 63 (2), pp. 351—364 [in Eng].
2. Fatić A. (2020) *Synthesis Philosophica*, no. 35 (2), pp. 289—293 [in Eng].
3. Fatić A., Zagorac I. (2016) *Philosophia*, no. 44 (4), pp. 1419—1438 [in Eng].
4. Freedland J. (2016) *The Guardian*, no. 15, January [in Eng].
5. Hoffmann M.L. (2000). *Empathy and Moral Development*. Cambridge, Cambridge University Press [in Eng].
6. Islamic State like Nazism, Italian philosopher Umberto Eco says (2015). *Japan Times*, 9 January [in Eng].
7. Miller R. (2011) *Facing Violence: Preparing for the Unexpected*. Wolfboro, YMAA Publication Center [in Eng].
8. Nussbaum M.C. (2013) *Political emotions: Why love matters for justice* Harvard, Belknap Press [in Eng].
9. Scheler M. (1954) *The nature of sympathy*. Translated by Peter Heath. London, Routledge and Kegan Paul [in Eng].
10. Scherer K. (2009). *Cognition and Emotion*, no. 27 (7), pp. 1307—1351 [in Eng].
11. Slote M. (2010). *Moral sentimentalism*. Oxford, Oxford University Press, pp. 25—30 [in Eng].
12. Up to 3 million copies of new Charlie Hebdo edition to carry cartoon of Prophet Mohammad (2015). *The Independent*, 13 January [in Eng].

Для цитирования: Фатич А.

Ценность идентичностей:
личность как экология ценностей //
Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 18—25.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-18-25.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-18-25

УДК 17.03 + 177.1

ЦЕННОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ЛИЧНОСТЬ КАК ЭКОЛОГИЯ ЦЕННОСТЕЙ

Фатич Александр (Fatić Aleksandar),

доктор философии, профессор,
Институт философии и социальной теории,
Белградский университет (Сербия).
45 Kraljice Natalije Street, 11000 Belgrade, Serbia.
E-mail: fatic@instifdf.bg.ac.rs

Аннотация

В статье исследуется концепция ценности индивидуальной и коллективной идентичностей, основанная на понимании ценностей с позиции эмоций. Основная точка зрения, представленная в статье, заключается в том, что эмоции являются наиболее важным практическим инструментом для прояснения индивидуальных и коллективных ценностей. Аргументируется, что моральные эмоции не являются чем-то иррациональным, напротив, они имеют собственную логику, которая может точно охарактеризовать систему ценностей человека. Таким образом, эмоции являются важнейшими строительными блоками этики, способной укрепить личную и моральную идентичность. Эта особая экология моральных эмоций имеет решающее значение в периоды кризиса, такие как глобальные пандемии, войны или системные сбои, будь то экономические или политические, связанные с вопросами безопасности, дипломатические или культурные. В нынешних обстоятельствах, когда уже пошатнувшиеся индивидуальные и коллективные ценности во всем мире были еще более расшатаны пандемией Covid-19, понимание идентичности, находящей фундаментальное выражение в моральных эмоциях, может иметь решающее значение для спасения нашей культуры и ее социального и морального капитала.

Ключевые понятия:

ценности,
идентичность,
моральные эмоции,
эмпатия,
социальный / моральный капитал.

Для цитирования: Фатич А.
 Ценность идентичностей:
 личность как экология ценностей //
 Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 26—35.
 DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-26-35.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-26-35

УДК 17.03 + 177.1

ЦЕННОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ЛИЧНОСТЬ КАК ЭКОЛОГИЯ ЦЕННОСТЕЙ¹

Фатич Александър (Fatić Aleksandar),

доктор философии, профессор,
 Институт философии и социальной теории,
 Белградский университет (Сербия).
 45 Kraljice Natalije Street, 11000 Belgrade, Serbia.
 E-mail: fatic@instifdf.bg.ac.rs

Аннотация

В статье исследуется концепция ценности индивидуальной и коллективной идентичностей, основанная на понимании ценностей с позиции эмоций. Основная точка зрения, представленная в статье, заключается в том, что эмоции являются наиболее важным практическим инструментом для прояснения индивидуальных и коллективных ценностей. Аргументируется, что моральные эмоции не являются чем-то иррациональным, напротив, они имеют собственную логику, которая может точно охарактеризовать систему ценностей человека. Таким образом, эмоции являются важнейшими строительными блоками этики, способной укрепить личную и моральную идентичность. Эта особая экология моральных эмоций имеет решающее значение в периоды кризиса, такие как глобальные пандемии, войны или системные сбои, будь то экономические или политические, связанные с вопросами безопасности, дипломатические или культурные. В нынешних обстоятельствах, когда уже пошатнувшиеся индивидуальные и коллективные ценности во всем мире были еще более расшатаны пандемией Covid-19, понимание идентичности, находящей фундаментальное выражение в моральных эмоциях, может иметь решающее значение для спасения нашей культуры и ее социального и морального капитала.

Ключевые понятия:
 ценности,
 идентичность,
 моральные эмоции,
 эмпатия,
 социальный / моральный капитал.

1. Ценностно-разъясняющая роль моральных эмоций

Многие проблемы и препятствия, с которыми мы сталкиваемся в своих моральных прогнозах, оценках и намерениях, а также при ответе на морально противоречивые действия других, являются следствием высокого эмоционального накала моральных ценностей. Хотя бы в той мере, в какой нам нужно (когнитивно) понимать, что это за ценности, мы зависим от наших эмоциональных реакций на них, которые побуждают нас действовать страстно и решительно в том или ином моральном направлении. Это то, что психология рассматривает в качестве «динамической» роли эмоций, строительного блока для различных теоретических интерпретаций того, как именно эмоции реализуют свою динамическую функцию [10]. Как и в случае с эстетическими ценностями, сила и зачастую «экзистенциальный смысл» моральных ценностей во многом заключаются в их привлекательности и способности побуждать нас к движению в определенном направлении. В то время как в эстетическом восприятии не столь велико пространство для рационального объяснения того, почему что-либо воспринимается как прекрасное или безобразное, возвышенное или низменное, в моральных суждениях эмоциональная привлекательность определенных ценностей и эмоциональные реакции на оскорбительное поведение в значительной степени продиктовано социальной санкцией относительно того, что приемлемо с позиции морали, а что нет.

Однако с философской точки зрения роль моральных эмоций гораздо шире, чем их динамическая функция, выявленная психологией. Они также играют важную когнитивную роль в распознавании системы ценностей как отдельного человека, так и социальной группы или общества в целом.

Каким бы рациональным ни был моральный аргумент, он сможет вызывать эмоции только в том случае, если ценности, к которым он апеллирует, действительно важны для нас. Чем важнее ценности, тем сильнее будет эмоциональная реакция. Таким образом, моральные эмоции — это не просто динамическая или мотивационная сторона нравственного поведения, основанного на рациональных аргументах, но и уникальные когнитивные «окна интуиции» (*windows of insight*), в которых фактические моральные ценности предстают нам как наиболее важные. Часто моральные дебаты (а иногда и политические дебаты) в демократических

¹ Перевод с англ. выполнен С. В. Борисовым.

общества целиком и полностью базируются на эмоциональной захваченности ценностями и попытке их артикуляции, а не каких-либо рациональных аргументах. Пожалуй, лучшим и наиболее ярким примером этого в настоящее время являются болезненные споры по таким вопросам, как уважение культурных различий и свобода выражения мнений, которые имели место в Европе после террористических атак в январе 2015 года в Париже, произошедших из-за сатирической карикатуры на пророка Мухаммеда, размещенной в французском журнале комиксов (который до сих пор продолжает публиковать оскорбительные в культурном отношении иллюстрации) [4]. Рационально вполне совместимые притязания на межкультурное уважение, с одной стороны, и разумная свобода выражения мнений, с другой, в данном случае вступили в противоречие до такой степени, что ярко обозначили «столкновение цивилизаций», по Хантингтону, которое Умберто Эко проиллюстрировал остроумной фразой, что «мы оказались в войне по самую шею» [6].

Этот конкретный пример демонстрирует эмоциональную сторону моральных ценностей, которую можно легко охарактеризовать как «иррациональную»: злоупотребление свободой слова с целью нанесения культурных оскорблений другим со стороны журнала *Charlie Hebdo*, в первую очередь, и жестокая криминальная реакция обиженных и последовавший за этим теракт в январе 2015 года, повлекший убийство сотрудников журнала. Результат выглядел особенно ошеломляющим на фоне эскалация оскорбительных действий со стороны французского общества, связанной с печатью пятикратного тиража тех же самых карикатур на пророка Мухаммеда, как подтверждение редакционной свободы во Франции [12].

Философский смысл этого примера, однако, не в очевидной иррациональности культурного конфликта; это скорее наглядная иллюстрация того, что трагическое событие в Париже показывает, насколько существенны моральные эмоции как для понимания важности и роли определенных ценностей для конкретных людей (или групп, или культур), так и для побуждения их к действию, вплоть до самоуничтожения в защиту этих ценностей. Структура эмоциональных реакций одинакова как в отношении моральных, так и эстетических ценностей: эмоции четко идентифицируют самые важные ценности, независимо от того, относятся ли они к сфере уважения или восхищения, морального авторитета или

красоты. Однако сила эмоций, как правило, намного выше, когда на карту поставлены именно моральные ценности (а к ним также можно отнести и ценности религиозные). Таким образом, важность моральных эмоций трудно переоценить при обсуждении таких практических моральных вопросов, как добродетель, терпимость или уважение.

Пожалуй, наиболее очевидная практическая роль моральных норм (и соответствующих моральных ценностей) состоит в том, что они ограничивают проявление спонтанности: там, где возможны спонтанные эгоистические действия, моральные нормы требуют от человека проявлять некоторую степень сочувствия и внимания; там, где кто-то предпочел бы убежать от опасности, моральные нормы требуют, чтобы он боролся за правое дело (обычно продиктованное интересами общества). Там, где кто-то будет пользоваться своими свободами (включая право на свободу слова), чтобы оскорбить других, моральные ценности ограничивают посягательство на честь и достоинство других. Точно так же, когда кто-то применяет насилие к более слабым или беспомощным, моральная нормативность их останавливает. В этой самой консервативной из своих ролей (конечно, не единственной) этика является своего рода преградой, которая удерживает нас на стороне прав человека. В своей ограничительной функции этика основывается на рациональном моральном суждении, которое в идеале может контролировать эмоции, тогда как в противном случае они бы заставили человека действовать безнравственно.

Однако существует дополнительная роль этики, которая твердо зиждется на способности человека (или группы) проявлять моральную спонтанность, которая мотивируется и подпитывается моральными эмоциями, и которая противоречит любому типу рациональных суждений. Действия самопожертвования убедительно иллюстрируют этот аспект этики, который во многих случаях исключительно зависит от проявления эмоциональной спонтанности нравственной личности. Человек, который ныряет в морскую пучину, чтобы спасти жертву кораблекрушения, действует вне каких-либо непосредственных рамок рационального морального суждения или расчетов «за» и «против» такого действия.

Фактически, рассматривая активную жертвенность, часто обнаруживается, что чем она менее расчетлива и более незамедлительна, тем большее моральное одобрение она, как правило, получает. Есть что-то

вроде неявного ожидания того, что жертвы следует приносить «искренне», без расчета, только тогда это будет иметь ценность. Чем меньше в бескорыстном действии рациональности и больше «безотчетности» или спонтанности, тем более добродетельным будет выглядеть действующее лицо. Эта тенденция отражается в распространенных фразах «не раздумывая (*unthinkingly*) отдавать себя другим» или «действовать незамедлительно / без колебаний». Фактически, большинство людей согласятся, что есть что-то более «героическое» в том человеке, который прыгает в воду, чтобы помочь тонущей жертве, «не раздумывая», чем в том, который медлит, тщательно обдумывает ситуацию и лишь потом прыгает, чтобы, по сути, осуществить то же самое. Причина, по которой мы склонны считать первое более добродетельным, чем второе, состоит в том, что мы предполагаем, что первый обладает добродетельной эмоциональной спонтанностью, тогда как последний, кажется, желая действовать морально, как бы навязывает своей эмоциональной спонтанности рациональное моральное суждение, в то время как сама его спонтанность может не являться добродетельной. Другими словами, похоже, что мы склонны ценить добродетельную спонтанность (или свободное проявление положительных моральных эмоций, таких как эмпатия или чувство солидарности) больше, чем рациональное моральное суждение как таковое.

Та же амбивалентная роль эмоций пронизывает моральный дискурс о справедливости. Например, большая часть норм права, регулирующих применение насилия в целях самообороны, построена на предположении, что эмоции могут играть в таких ситуациях разную роль. С одной стороны, «страх за свою жизнь», если он может быть установлен достаточно достоверно, оправдывает во многих юрисдикциях меры самообороны, которые могут привести к смерти нападавшего. При отсутствии доказательств такого страха правовые последствия такого же типа самообороны обычно предполагают серьезное обвинение, ведущее к тюремному заключению [7]. С другой стороны, те же самые юрисдикции регулируют пределы оправданной самообороны на очень рациональных, а порой даже совершенно нереалистичных основаниях. Как правило, считается оправданным применение силы к нападавшему начиная только с того момента, когда уже нет возможности спасения, и только в том случае, если от него исходит реальная угроза или вашей жизни, или ва-

шему здоровью. Это означает, например, что, если кто-то умышленно царапает вашу машину на ваших глазах, вы не имеете юридических оснований противодействовать этому, применяя ту или иную степень физического воздействия на него. Хотя такое регулирование отношений может показаться весьма миролюбивым и цивилизованным, оно бросает вызов большинству людей, наделенных спонтанной реакцией возмущения и гнева, когда кто-то умышленно и открыто наносит ущерб их собственности [7, p. 150—175]. Видимо, подобные правила возникают из-за *страха* перед тем, что могут вспыхнуть неконтролируемые эмоции, или что эти эмоции могут вызвать у человека опасную спонтанную реакцию; таким образом, регулирующие органы стремятся устранить любую оправданную (*legitimate*) роль гнева во всех несущественных ситуациях, когда физической неприкосновенности человека ничего не грозит. Кажется, что как общество в целом, так и каждый из нас одновременно очарованы и напуганы той ролью, которую эмоции играют в нашем поведении, а также в наших повседневных моральных представлениях и мотивах.

Когда рассматриваются положительные моральные эмоции (эмоции, которые поощряют совместное, социально конструктивное поведение), степень вероятности их возникновения во многом зависит от того, насколько мы знаем других людей. Вообще говоря, чем больше человек знает об обстоятельствах жизни и личности другого человека, тем больше вероятности, что он сможет сочувствовать этому человеку и действовать по отношению к нему доброжелательно. На более глобальном уровне нам нужна такая рационалистическая этика, чтобы мы могли регулировать наше морально значимое поведение также по отношению к тем, кто нам *не* близок. Однако практические аспекты того, насколько легко или эффективно такая рационалистическая этика будет «работать», часто зависят от нашей способности представить, что мы понимаем людей, которые нам не знакомы, или увидеть параллели между ними и людьми, которых мы действительно знаем. Таким образом, в повседневных дискуссиях о морали мы советуем другим руководить своими действиями так, как если бы они знали (тех незнакомых) людей, с которыми им нужно общаться. Когда кто-то действует безрассудно по отношению к другому, его близкие часто предупреждают его, говоря что-то в этом роде: «Представьте, что это ваша сестра (или мать, или брат), как бы вы себя чувст-

воваля, если бы кто-то обошелся с ними так же», или «Хотели бы вы, чтобы ваши друзья поступали по отношению к вам так же, как вы поступали с ними». Мы используем такие же параллели, когда воспитываем наших детей. Всякий раз, когда реальная мотивация к моральным поступкам рассматривается конкретно, обычно делаются ссылки на знакомые и близкие отношения или проводятся параллели с ними. Это происходит потому, что моральное действие в конечном счете основывается на моральных эмоциях, которые наиболее эффективно проявляются в «естественных», непосредственных и интимных отношениях с нашими близкими, а не в отстраненных, формализованных и институционально опосредованных отношениях с теми, кто нам не близок.

Чем больше нам известно о чьих-либо чертах характера, жизненных обстоятельствах и конкретном затруднительном положении, тем больше у нас информации, чтобы сопереживать этому человеку. Без эмпатии любое решение принести жертву, от раздачи символической суммы на благотворительность до пожертвования почки, очень трудно осуществить. Таким образом, вопрос эмпатии занимает центральное место в обсуждении морали.

2. Эмпатия как понимание других

Одним из ключевых аспектов эмпатии является способность сопереживающего человека различать свои собственные чувства и чувства других, которым он сопереживает, и в то же время проявлять свою эмоциональную реакцию на дискомфорт или страдания, которые испытывают другие. Таким образом, эмпатия требует определенной степени зрелости в понимании наших собственных чувств и чувств других. Это отличается от того, чтобы просто «проникнуться» (*taking on*) чувствами других или поддаться тому, что иногда называют «эмоциональной инфекцией». В психологии массового сознания хорошо известно, что личности лидеров способны вызывать сильные чувства у массы своих последователей: людьми, собирающимися на митингах, часто овладевают эмоции, исходящие от выступающего. Они верят, что бунт, энтузиазм или революционное стремление являются их собственными чувствами, в то время как на самом деле они просто «захвачены» теми, кто заражает толпу своими эмоциями, амбициями и негодованием. Хотя большинство людей в той или иной степени подвержены эмоциональной инфекции, эмпатия возможна только там,

где эмоциональной инфекции нет. Захваченность эмоциями других автоматически исключает возможность эмпатии. Таким образом, эмпатия — это скорее независимая реакция на страдания других, чем безраздельное подчинение их эмоциям. Она признает других как независимых людей и устанавливает определенные общие черты между нами и ними, что позволяет нам легко чувствовать их боль (но не «разделять» (*share in*) их боль, хотя эти два понятия часто путают). Эта интерпретация, первоначально разработанная Максом Шелером, является гораздо более отчетливой, чем юмовская интерпретация эмпатии как «эмоционального заражения» (*emotional contagion*). В то время как Юм рассматривает эмпатию как чужую эмоцию, вторгающуюся в наблюдателя, Шелер ясно дает понять, что эмоциональное заражение и идентификация с другим человеком происходят в естественном мире, также среди множества животных, однако в этом нет эмпатии. Шелер рассматривает нашу способность к эмоциональному заражению как биологическую, а не психологическую или моральную. Таким образом, он настаивает на различии между категориями эмпатии и эмоциональной идентификации, эмоциональной инфекции, симпатии (или «сочувствия» (*fellow-feeling*)), которая наиболее близка к эмпатии, и множеством других способов взаимосвязи эмоций [9]. Даже Майкл Слот, ведущий современный сентименталистский этик, похоже, упускает из виду отличительные черты эмпатии, выявленные Шелером, когда он настаивает на этической нормативности юмовского понимания эмпатии как заразительности (*contagion*). Он отдает себе отчет, что есть что-то важное в различии между эмоциональным заражением или подчинением чувствам другого человека и чувством, что другие претерпевают страдания, которые мы можем когнитивно идентифицировать, чувствовать, что мы их «понимаем», хотя и осознаем, что это не наши эмоции, а эмоции других людей. Однако вместо того, чтобы прояснить, что такая отчетливая идентичность является требованием для проявления надлежащей эмпатии, Слот приписывает Юму концептуальную путаницу: он говорит, что Юм ошибочно использовал понятие «симпатия» для обозначения эмпатии, того, как «нам следует сегодня называть» симпатию [11]. Слот разрабатывает сентименталистскую этику, прибегая к концепту «моральной добродетели», которая трактуется им в терминах заботы о других: таким образом, любое действие, мотивированное

заботой о других и эмпатией к ним, является морально хорошим, и, наоборот, действия, возникающие из пренебрежения благополучием других — это плохо с моральной точки зрения. Хотя я не хочу здесь сколь-нибудь подробно критиковать Слота (фактически, я согласен с большей частью его общих аргументов кроме сентиментализма), я все же хочу указать на концептуальный момент, который он упустил в трактовке Шелера, но я думаю, что этот ключевой момент многое открывает в понимании нормативного потенциала *эмоций отношений* и их познавательной роли.

Эмоции отношений возникают по поводу эмоций других людей, которых мы пытаемся понять и с которыми чувствуем связь. С другой стороны, есть сущностные (субстанциальные) эмоции, то есть наши собственные подлинные эмоции. Интересно, что человек может одновременно удерживать взаимно противоположные субстанциальные эмоции и эмоции отношений, например, испытывать тревогу по поводу предстоящего медицинского вмешательства (субстанциальная эмоция) и в то же время радоваться за своего влюбленного соседа, поющего серенады под окном. Эмоции отношений в чем-то похожи на метаэмоции, но не следует их путать. Последние переживаются в отношении других, первичных эмоций, испытываемых тем же самым человеком: мне может быть стыдно за свой страх, я подавлен чувством вины или стыжусь своего злобного ликования по поводу неудач моего спортивного конкурента, который не может бросить мне достойный вызов на соревнованиях. Аналогичные соображения применимы к моральным эмоциям, которые определяют модальную логику принятия решений. Например, в интегративной психотерапии играют существенную роль как эмоции, связанные с определенными действиями, так и метаэмоции, участвующие в последующем суждении и оценке данных эмоций, что определяет нашу способность маневрировать между различными модальными мирами или набором соответствующих обстоятельств, связанных с разными взглядами на жизнь и на тот конкретный выбор, который мы осуществляем [2]. Метаэмоции важны для этики, потому что они обусловлены внутренней системой ценностей, включая моральные ценности; однако это не то же самое, что эмоции отношений; последние возникают в связи с *эмоциями других людей*, которые мы понимаем и с которыми мы можем мысленно себя отождествлять. Эмоции отношений создают концептуальное пространство для

постулирования моральных обязательств перед другими, в то время как метаэмоции человека относятся только к нему самому. Поскольку Слот не считает, что эмпатия коренится в осознании того, что чувства других, которым мы сопереживаем, не являются нашими чувствами (наоборот, он допускает, что при эмпатии чувства других становятся нашими), он не может концептуализировать сентименталистскую этику с точки зрения моральных обязательств между разными людьми. Поэтому он прибегает к расплывчатой концепции «моральной добродетели», основанной на альтруизме и эмпатии, не в состоянии установить моральное обязательство действовать только таким, а не иным способом. Проблема здесь чисто логическая: если эмпатия является основой, на которой зиждется моральная добродетель, и эмпатия объединяет личности страдающего и наблюдателя, следовательно, наблюдатель должен быть захвачен чужими чувствами, но тогда осознание различия личностей и ситуаций страдающего и наблюдателя размывается. Уже одно это затрудняет четкую формулировку морального обязательства между двумя действующими лицами, чьи индивидуальные особенности не ясны им самим. Чем драматичнее чувство, тем менее ясным может быть осознание различия эмоций и их восприятий.

Шелер со своей стороны доходит до другой крайности, настаивая на том, что любое эмоциональное общение между наблюдателем и страдающим подрывает саму возможность моральных обязательств и, следовательно, этики. Вот почему он непреклонен относительно того, что, по-видимому, противоречит интуиции, как бы ни была содержательна его этика, что никакая этика сострадания невозможна в принципе: сострадание не допускает надлежащей концептуализации долга [9, р. 38].

Чтобы понять моральное обязательство, должна существовать определенная дистанция между личностью, совершающей моральное действие, и личностью другого человека, по отношению к которому существует моральное обязательство. Любое слияние идентичностей между субъектом и объектом морального обязательства сокращает эту дистанцию. Хотя в такой ситуации возможны некоторые «морально оправданные» дела, ясное осознание морального долга невозможно. Несмотря на то, что Шелер хочет объяснить эмоции, используя главным образом биологические термины и всесторонне классифицируя их как естественные проявления, он, по сути,

остаётся приверженцем традиционной этики немецкой философии, в которой нет места для надлежащего описания сочувствия (сострадания), хотя он, несомненно, осознаёт значимость социального аспекта всех обсуждаемых им феноменов, связанных с «сочувствием».

В русле юмовского контекста сентиментализма Слот утверждает, что любой тип альтруизма как морально желательного поведения включает в себя способность к эмпатии, поскольку это априори «для любого, у кого развито чувство эмпатии»: «...я думаю, что мораль априори зависит от альтруизма, и я утверждаю, что любой, кто хорошо знаком с эмпатией на своем собственном и чужом опыте, также может априори видеть, что альтруизм и мораль включают эмпатию (среди прочего)» [11, р. 18]. Хотя я согласен с аргументом Слота о том, что эмпатия, понимаемая в терминах альтруизма, имеет решающее значение для морали, и что развитие нравственности людей включает в себя систематическое развитие их способности к эмпатии, я все же думаю, что его аргумент неточен, поскольку в нем недостаточно внимания уделяется соответствующим различиям между идеями морального долга и чрезмерно общим взглядом на «моральное благо». На самом деле не совсем понятно, что Слот подразумевает под моральным благом, кроме того, что в целом морально желательно действовать альтруистически. Он, похоже, не доволен просто этикой предпочтений, которая в нормативном смысле не соответствует моральному обязательству: он утверждает, что сентиментализм на самом деле может быть истолкован как последняя опора деонтологии [11, р. 98]. В то же время, однако, он не показывает, как этика, основанная на «естественных мотивах», может действительно быть основой деонтологической моральной нормативности, а не ограничиваться общим указанием на нравственно похвальную интенцию [11, р. 106].

Мне кажется, что трактовка Юмом симпатии (сострадания) и эмпатии как близких, почти синонимичных понятий основана на вполне понятных причинах. Я вовсе не уверен, что сегодня «мы уже понимаем» симпатию и эмпатию как разные концепты, как полагает Слот. Он настаивает на том, что эмпатия — это способность чувствовать чужие эмоции как свои собственные, а не наше «чувство», возникающее по отношению к эмоциям другого [11, р. 15]. Первое он считает «эмпатией», а второе — «симпатией». Это серьезное заблуждение, кото-

рого и Юм, и Шелер смогли избежать при разработке своих аргументов. Хотя Шелер понимает эмпатию совершенно иначе, чем Юм (с позиции осознания разницы чувств наблюдателя и страдающего), ни один из них не рассматривает эмпатию и симпатию как четко различимые понятия. Они просто воспринимают их по-разному с точки зрения того, что означает эмпатия / симпатия в том или ином контексте, однако оба видят эти понятия, что с моей точки зрения верно, как близкие, почти синонимичные. Как только мы поймем, что эмпатия (как и симпатия) — это эмоция отношения к эмоциям, которые испытывают другие, мы можем постулировать моральное обязательство и моральный долг по отношению к другому, которые в таком случае возникают из нашего *понимания того, что чувствуют другие*, и нашего осознания, что эта «моральная добродетель» (которую мы можем затем свободно понимать как моральный долг или обязательство) требует от нас попытки исправить ситуацию другого, если это возможно.

Если я чувствую горе матери, потерявшей ребенка в результате теракта, меня подавляет это чувство. Я неспособен действовать и не осознаю своих собственных чувств, которые отодвинуты на второй план. Здесь нет места для понимания моего морального долга по отношению к этой матери. Однако, если я сочувствую матери, полностью осознавая, что это ее горе, а не мое, я могу понять свой моральный долг помочь ей пережить горе: тогда я могу попытаться утешить ее, переместить ее в безопасное место, помочь ей организовать похороны, учесть все социальные и экзистенциальные аспекты этого события. Я могу быть нравственно действующим лицом с позиции морального долга или обязательства, только если моя личность и мои чувства явно отделены от ее личности и чувств. Назвать это эмпатией или симпатией (состраданием), не так уж важно, и в этом, вероятно, причина того, что ни Юм, ни Шелер не предпринимали никаких попыток устанавливать различие между этими понятиями.

Все, о чем говорилось выше, можно отнести и к тому различию, которое проводит Мартин Хоффман, рассматривая эмоциональное и когнитивное развитие детей, которые сначала реагируют на страдания других (плач), возможно, путая их со своими собственными страданиями (как только один ребенок в комнате младенцев начинает плакать, другие младенцы также автоматически начинают плакать), но по мере

взросления они узнают, что страдания других детей — это не их собственные страдания, при этом проявляя то, что Хоффман называет «эмпатической обеспокоенностью» (*empathic disturbance*) страданиями других. Как и Шелер, Хоффман ясно дает понять, что развитая эмпатия предполагает четкое осознание своей идентичности, отличие от той личности, которой сопереживают. Он рассматривает эмоциональное развитие как обретение способности к эмпатии в смысле эмоционального обращения к другим без нарушения границ между своими собственными чувствами и чувствами другого, что может возникнуть посредством эмоционального заражения [5].

Ключевое различие между эмпатией и эмоциональным заражением заключается в том, что у человека, который сопереживает другим, проявляется ответственность, которая исчезает, когда один эмоционально заражает другого. Ощущение захваченности чувствами скорбящей матери частично освобождает меня от обязанности реагировать на ее боль активным, альтруистическим образом. Я могу помочь, а могу не помогать ей. Эмоциональная инфекция обязательно связана с моей «закупоркой» (*plugging into*) в ее боли: любое моральное действие, которое может последовать за этим, случайно. Эмпатия, наоборот, удерживает меня в состоянии ответственности за другого: я по-прежнему осознаю, что ее чувства подавляют ее, но я могу или отказаться чувством морального долга или обязательства и сделать для нее что-то альтруистическое. Именно этот *активный* элемент альтруизма требует ответственности; а это чувство, в свою очередь, требует четкого отделения моих собственных чувств от чувств другого. Нормативный моральный вопрос здесь таков: должен ли я, испытывая эмпатию к другим, предпринять соответствующие действия (что автоматически и делает меня альтруистом)? Если да, то я должен достаточно понимать других, я должен достаточно знать их и знать о том, что они испытывают. Я должен видеть в них сходство с собой, чтобы понять их, и в то же время держать их на достаточном расстоянии от себя и смотреть на них с позиции их собственной идентичности, чтобы иметь возможность почувствовать моральный долг перед ними как отдельными личностями со своим опытом и обстоятельствами, отличными от моих.

Формулировка нормативного заявления о том, что я должен проявлять эмпатию и альтруизм, подводит меня к вопросу, в от-

ношении которого я вполне согласен с общим аргументом Слота, а именно к вопросу о том, можем ли мы развивать эмпатию и как это сделать. Один из очевидных способов сделать это — создать предпосылки для *обучения* эмпатии.

3. Обучение эмпатии: почему эмоции не являются «иррациональными»

Особенность эмпатии, заключающаяся в том, что она противоположна эмоциональной инфекции, является ключом к пониманию ее рационального аспекта: как и большинство эмоций, вопреки общему мнению, эмпатия не является полностью «иррациональной». У каждой эмоции своя логика и свои особые отношения к ценностям; эмоции помогают лучше осознать тот момент, когда та или иная важная для нас ценность поставлена на карту. Таким образом, эмоции помогают выявить важные для личности ценностные аспекты и побудить ее к действиям, направленным на преодоление любых препятствий, мешающих утверждению этих ценностей. Человек не всегда может рационально обосновать важность некоторых ценностей; он не всегда может рационально объяснить ключевые аспекты своей личности, свою аутентичность. Там, где появляется возможность рационального обоснования большей или меньшей важности тех или иных ценностей, эмоциональные реакции (особенно отрицательные эмоции, когда ценности под угрозой) корректируют процесс восприятия. Таким образом, эмоции являются решающим когнитивным путем к лучшему пониманию нашей собственной личности. Следовательно, терапевтические подходы, которые рассматривают сильные, беспокоящие эмоции как проблему и их стремятся контролировать с помощью фармацевтических препаратов, могут фактически затруднить человеку понимание своей личности, которое необходимо, чтобы он сам достаточно эффективно решал свои жизненные проблемы. Существует эмоциональный «тег» или метка наиболее важных ценностей вне зависимости от того, осознаем мы их или нет: для того, чтобы определенный опыт вызывал определенную эмоцию, необходимо либо подтверждение ее высокой значимости в системе ценностей человека (приятные эмоции), либо ее сдерживание (неприятные эмоции). Эмоции в силу своей динамики, позволяют нам «переключаться» между разными модальными мирами, принимая повседневно-

ные решения. Таким образом, приятные или неприятные эмоции являются основными факторами нашей психодинамики [1].

Этот когнитивный аспект эмоций особенно важен для этики и особенно в контексте понимания эмпатии. Эмпатия возможна только тогда, когда некто способен в достаточной мере понимать жизнь и тяжелое положение других людей. Таким образом, чем более прозрачны в эмоциональном и когнитивном плане те или иные сообщества, тем более вероятно, что люди в них сочувствуют друг другу. Но несмотря на то, что эмпатия обладает неоспоримыми динамическими качествами, поскольку она мотивирует солидарность, а значит может усиливать мотивацию всех видов коллективных действий, ее познавательная ценность часто недооценивается [3].

В отличие от субстанциальных эмоций, которые несут в себе собственную психическую энергию, связанную с их непосредственным присутствием в нашем сознании и их способностью окрашивать наше восприятие, даже самовосприятие, следовательно, не нуждающихся в подкреплении каким-либо знанием, кроме непосредственного осознания эмоции как нашей собственной, эмоции отношений требуют предварительного когнитивного понимания ситуации, которая отличается от нашего собственного эмоционального состояния. Вот почему субстанциальные эмоции не могут быть надлежащим основанием этики, в то время как эмоции отношений могут.

Рациональное углубление этого понимания заключается в ответе на вопрос, как моральные чувства, в частности эмпатия, могут развиваться в культуре, как они могут быть более эффективными, или как, базируясь на них, может быть выстроен процесс социализации, и как можно научиться чувствовать их более отчетливо [8]. Это то, что психология развития подразумевает под развитием нравственности, которое напрямую связано с обучением эмоциям. Процесс эмоционального обучения исключает саму мысль о том, что эмоции иррациональны и находятся в противоречии с разумом — мысль, которую классическая философия принимала как должное посредством разделения «способностей», возможно, под влияния картезианской традиции. *Cogito* Декарта можно рассматривать как гуссерлианскую «феноменологическую редукцию» атрибутов и явлений существования или самосуществования к основной, неопровержимой истине о том, что я мыслю, следовательно, существую, без необходимости рассматривать что-либо еще

для доказательства факта собственного существования. Так или иначе, это прославление мысли и рациональности, обусловившее большую часть западной философской традиции, вело к утверждению, что в нашей повседневной жизни «я мыслю», или, точнее, «я рассуждаю», принципиально отличается и превосходит «я чувствую».

Хотя чувство эмоционального отношения к повседневному жизненному опыту можно рассматривать в первую очередь с этической точки зрения, а именно как способствующее улучшению или ухудшению качества жизни, оно также играет важную эпистемическую роль. Наши моральные эмоции приводят нас к осознанию экологии ценностей, в рамках которых мы можем выражать свою идентичность. Чтобы понять, кто я такой, я сначала должен позиционировать себя в системе нормативных ценностей, а чтобы оценить свою индивидуальность, я должен уметь соотносить ее с определенными концепциями добра и зла, солидарности, сочувствия и других важных ценностей, которые определяют моральные идеалы моего сообщества. Даже если эти идеалы являются так называемыми отрицательными ценностями, характерными для (как именуют некоторые) «пост-героической эпохи», например, толерантность, самообладание или стойкость (добродетели, которые проявляются только тогда, когда положительные ценности отвергаются в условиях неблагоприятных обстоятельств или противостоят им), мы можем узнать о своей идентичности, только основываясь на моральных эмоциях, которые мы испытываем вопреки изменчивым ценностям нашего сообщества. Когда мы говорим о «политике правых» или о «политике левых», наш дискурс часто бывает неточным и для внешних наблюдателей, которые не улавливают контекста, он может показаться произвольным. Причина в том, что когда люди обсуждают идеологию, они в первую очередь обращаются к своим моральным эмоциям по поводу таких ценностей, как справедливость, равенство, верховенство закона, личное достоинство, солидарность и т. д. Такие эмоции не соответствуют строгим концептуальным дефинициям, но, тем не менее, они играют важную эпистемическую роль, заключающуюся в том, что, хотя мы не можем четко определить их смысл, мы, как правило, хорошо понимаем, какие идеалы обычно соответствуют какой идеологии. Равенство кажется отличительной чертой экосистемы ценностей левой идеологии не потому, что так называемые правые

идеологии не признают его важность, а потому, что те, кто ассоциирует себя с левыми идеологиями, как правило склонны страстно отстаивать именно равенство. Точно так же правая идеология, по-видимому, автоматически ассоциируется с такими ценностями, как свобода личности и рыночная конкуренция, не потому, что какая-то другая идеология их не принимает, а в силу вложенной в них моральной эмоциональности, того, что Роберт Соломон называет «страстью», поскольку ценности в публичном дискурсе определенной идеологии именно в этих аспектах обретают особую силу. То, как мы относимся к моральным ценностям и как мы выражаем их эмоционально, учит нас самих и других тому, в каком социальном спектре убеждений или какой экологии ценностей нашего общества мы находимся.

Пандемия Covid-19 2020—2021 годов (которая будет продолжаться неопределенное время, как выяснилось на момент написания этой статьи) бросила вызов обществу именно в таких важных направлениях, которые усиливают необходимость полагаться на нашу индивидуальную и групповую экологию моральных эмоций и те ценности, на которых сфокусированы эти эмоции. Эпидемия разрушила множество социальных практик (включая саму социальность в ее непосредственном аспекте, не опирающуюся на электронные средства коммуникации и не предполагающую социальную и физическую дистанцию). В результате пандемия лишила нас многих привычных физических, процедурных и институциональных способов ориентироваться в жизненных ситуациях. Новая реальность проявляется не только в том, что большая часть представителей цивилизации западного мира остается дома в течение длительного времени, живет в условиях комендантского часа и изоляции, переходя на работу из дома, но также в эмоционально измененных экзистенциальных и пограничных переживаниях, обусловленных возможностью смерти в одиночестве, без друзей и семьи, в изолированных больничных палатах, в окружении персонала в защитных костюмах, лица которых невозможно увидеть. В настоящее время семьи сталкиваются с ситуацией, когда они не могут проститься со своими близкими, умершими от коронавируса, вместо этого на похоронах они видят только запечатанный гроб, а собравшиеся, соблюдая дистанцию, общаются друг другом с масками на лицах. Это серьезное изменение нашего привычного восприятия не только жизни, работы и досуга, но и смерти.

В изменившихся обстоятельствах, наподобие тех, которые вызваны пандемией, проходят проверку те ценности, особенно моральные и социальные, которые по своей природе и структуре являются ценностями отношений. Кажется, что в нынешних обстоятельствах мы лишены всего, кроме этих моральных ценностей и связанных с ними эмоций, которые мы можем выразить, чтобы показать, кто мы есть в данных жизненных ситуациях. Таким образом, интеллектуальная забота о наших ценностях и эмоциональная артикуляция их восприятия, становятся все более важными. Похоже, что эпистемология ценностей или, точнее, эпистемологическая интерпретация и артикуляция их как нашей индивидуальной экологии ценностей, а также моральных эмоций как их аффективных аналогов, являются одними из немногих оставшихся маяков идентичности, которые всегда будут с нами даже когда социальные практики, институты и процессы изменяются до неузнаваемости. Таким образом, похоже, что философия — это последняя защита от упадка цивилизации, вызванного глобальными кризисами, такими как кризис, связанный с повсеместным крахом устоявшихся социальных практик в связи с пандемией Covid-19.

Благодарности: статья написана при поддержке Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербия.

1. Fatić A. Integrative psychotherapy: The philosophical integration of psychotherapy // *Romanian Journal of Philosophy (Revue Romaine de Philosophie)*. 2019. № 63 (2). P. 351—364.

2. Fatić A. The modal logic world of integrative philosophical counseling I // *Synthesis Philosophica*. 2020. № 35 (2). P. 289—293.

3. Fatić A., Zagorac I. The methodology of philosophical practice: Eclecticism and/or integrativeness? // *Philosophia*. 2016. № 44 (4). P. 1419—1438.

4. Freedland J. Charlie Hebdo's refugee cartoon isn't satirical. It's inflammatory // *The Guardian*. 2016. 15 January.

5. Hoffmann M.L. *Empathy and Moral Development*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

6. Islamic State like Nazism, Italian philosopher Umberto Eco says // *Japan Times*. 2015. 9 January.

7. Miller R. *Facing Violence: Preparing for the Unexpected*. Wolfboro: YMAA Publication Center, 2011.

8. Nussbaum M.C. *Political emotions: Why love matters for justice* Harvard: Belknap Press, 2013.

9. Scheler M. *The nature of sympathy*. Translated by Peter Heath. London: Routledge and Kegan Paul, 1954.

10. Scherer K. The dynamic architecture of emotion: Evidence for the component process model // *Cognition and Emotion*. 2009. № 27 (7). P. 1307—1351.

11. Slote M. *Moral sentimentalism*. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 25—30.

12. Up to 3 million copies of new Charlie Hebdo edition to carry cartoon of Prophet Mohammad // *The Independent*. 2015. 13 January

For citing: Fatić A. Value identities: Personality as an ecology of values // *Socium i vlast*. 2021. № 2 (88). P. 26—35. DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-26-35.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-26-35

UDC 17.03 + 177.1

VALUE IDENTITIES: PERSONALITY AS AN ECOLOGY OF VALUES

Aleksandar Fatić,

PhD, Full Professor, Institute for Philosophy and Social Theory, University of Belgrade (Serbia). 45 Kraljice Natalije Street, 11000 Belgrade, Serbia. E-mail: fatic@instifdf.bg.ac.rs

Abstract

The paper examines the concept of individual and collective value identities based on an emotionalist understanding of values. The main perspective it discusses is one where emotions are the most important practical instruments for the clarification of individual and collective values. The argument implies that moral emotions are not irrational, but have a logic of their own which can reliably pinpoint the persons' value system; emotions are thus crucial building blocks of an ethics which is able to enhance personal and moral identity. This particular ecology of moral emotions is pivotal in crisis periods, such as the global pandemics, wars or system crashes, either economic, or political, security, diplomatic or cultural. In the current circumstances, where the already shaken individual and collective values throughout the world have been shaken by the Covid-19 pandemic, understanding identities as fundamentally couched in moral emotions may be critical to saving our cultures and our legacies of social and moral capital.

Keywords:

values,
identities,
moral emotions,
empathy,
social/moral capital.

Для цитирования: Пеннер Р. В. Проблема персональной идентичности в современных отечественных и зарубежных философских исследованиях (на основе аналитики научных баз данных) // Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 36—49. DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-36-49.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-36-49

УДК 101.2

ПРОБЛЕМА ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (НА ОСНОВЕ АНАЛИТИКИ НАУЧНЫХ БАЗ ДАННЫХ)

Пеннер Регина Владимировна,

Южно-Уральский государственный университет
доцент кафедры философии,
старший научный сотрудник
научно-образовательного центра
практической и прикладной философии,
кандидат философских наук, доцент.
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Аннотация

Введение. Согласно устоявшемуся мнению специалистов в социально-гуманитарных науках (прежде всего, философов-постмодернистов и социальных конструкционистов), человек рассеивает свой Я в современном мире: пространствах реальных (профессии, статусы) и виртуальных (аккаунты, профили). В рассеивании человека в пространстве разных порядков каждое «новое» Я приобретает относительную автономию (след моего Я в сети, что присутствует вне зависимости от моего к нему отношения), и вместе с тем остается та связь, что как бы удерживает Я с его цифровыми образами и «отпечатками». Основные вопросы статьи: в каком отношении и в отношении к чему возможен разговор об идентичности современного человека; что принципиально значимого дают нам сегодня исследования идентичности человека; на чем останавливают свое внимание те, кто задаются вопросами об идентичности человека в цифровую эпоху? С целью разрешения поставленных вопросов обратимся к научным статьям из отечественных и зарубежных журналов. В этой статье представлена аналитика публикаций из баз данных Scopus и РИНЦ, в которых поставлена проблема персональной идентичности человека.

Цель. Проанализировать философские труды по тематике идентичности человека и обобщить основные идеи, представленные в этих работах.

Методы. В исследовании были использованы общенаучные методы — анализ и синтез,

индукция, дедукция, абстрагирование. Анализ научных публикаций осуществлялся, прежде всего, на основе метода интерпретации и системного подхода. В качестве метода применялся контент-анализ, однако он использовался в пределах реализации рабочей цели. Публикации были отобраны на основании исследования авторами различных аспектов идентичности и разницы в интерпретации феномена.

Научная новизна исследования. Представлен и обоснован тезис, согласно которому проблематика персональной идентичности актуальна в современных философских и иных научных исследованиях, что, прежде всего, связано с поиском современными исследователями моделей устойчивой идентичности.

Результаты. Анализ материалов из научной базы Scopus позволил утверждать, что проблематика идентичности выходит из антропологического контекста и обретает новые технико-технологические рамки (например, исследователи ставят вопрос об идентичности цифровых данных, о цифровой идентификации в контексте денежных операций). Вместе с тем антропологический срез идентичности остается в сфере внимания ученых. Так он обнаруживается в контексте нарративов, текстов человека о самом себе, что размещены в интернете. В этом контексте представлена концепция «Person Life View» (М. Шлехтман) как вариант целостного взгляда человека на свое Я. В свою очередь, анализ отечественных материалов позволяют сделать вывод о том, что представители социально-гуманитарных наук в своих исследованиях стремятся к преодолению динамического взгляда на человека (что представлен в концепциях ускользающей идентичности или отсутствующего Я), находящаяся в поисках моделей «устойчивой» идентичности.

Выводы. Задаваясь вопросом о персональной идентичности современного человека, можно прийти к выводу, что граница между непосредственно человеческим (сознание и телесность, к примеру) и технико-технологическим (интернет и предметный мир) с каждым днем все более дестабилизируется. Это предопределяет направление исследования. Перед современными авторами, которые в том числе публикуют результаты своих работ в журналах, входящих в научные базы данных, в заявленном контексте стоит не только проблема обоснования идентичности человека как теоретического концепта, отображающего современную ситуацию, но и задача поиска моделей, в которых реальный человек способен воплотить идею устойчивой идентичности в своей повседневности.

Ключевые понятия:

человек,
идентичность,
персональная идентичность,
цифровая эпоха,
рассеивание,
аналитика исследований,
научные базы данных.

Введение

Сквозь разные призмы видения мы имеем разные имена актуальной нам реальности: информационное общество [76; 77], время после постмодерна [31], цифровая эпоха [44; 53]. Обозначенные исследования по-своему расставляют акценты в выражении специфики бытия современного человека. Возможно, некий инвариант во всех трех именах можно выявить через сопоставление: меняет ли изменяющийся окружающий мир самого человека? В какой степени происходят эти изменения? Актуально ли вопрошание человека в трансформирующейся действительности о своем Я? В каких направлениях и с помощью каких форматов человек может двигаться к ответам на предшествующий вопрос?

Группа философов из Томска в работе «Парадокс эго-идентичности: от человека до нации» для обозначения сути парадокса обращаются к сопоставлению идентичности человека с самождественностью вещи. Воспользуемся этой аналогией, сравним самождественность зерна, что сеют, с идентичностью сеятеля. Зерно есть тождественное самому себе, только себе и ни одному иному предмету, в том числе, любому другому зерну. Не так все просто складывается с сеятелем. Можно сформулировать некоторые предикаты, что в той или иной степени фиксируют его Я. Само слово «сеятель» предполагает существование некоего человека, который занимается сельскохозяйственной или фермерской деятельностью. У этого человека есть имя, возраст, семейное положение, друзья и интересы. Каждый из этих предикатов отображает ту или иную грань в позиционировании сеятеля. По мысли Г. Г. Антух и соавторов, тождественность сеятеля может находиться на поверхности, ибо те статусы, что он носит, и те роли, что он исполняет, конституируют содержание его ответа на вопрос, кто Я. Более сложный вариант представляет та ситуация, когда имя, возраст и профессия являются недостаточными для понимания сеятелем своего Я. В этой ситуации возможно отращивание от какой-то уникальности Я и выход в логическую универсальность: «... прежде вопроса «Кто я есть?» должен быть тот, кто об этом спросит, и этот кто-то есть Томас. Если такового «я — Томаса» нет, то и вопроса о существовании несуществующего «я — Томаса» по всем принципам логического вывода быть не должно» [2, с. 49]. Иными словами, само Я нашего сеятеля, с одной стороны, предшествует вопрошанию о нем, с другой же стороны, оно может быть акту-

ализировано только в мысли этого сеятеля, ставившего это Я под вопрос.

Ситуация современности вносит свои коррективы в процесс определения нашим сеятелем своего Я. Постструктуралисты (Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Лакан) разработали концепт номада, идентичность которого не включена в социальные и культурные рамки, она как бы ускользает от Я и не приходит к не-Я; она не способна пустить корни в наличной ей социальной и культурной ситуации [43]. У номада не то, что нет идентичности, но его идентичность как будто ускользает от регламентации внешнего. Нельзя утверждать, что сеятель — носитель ускользающей идентичности, ведь даже род его деятельности указывает на оседлый (Ж. Делез, Ф. Гваттари) или агротический (А.В. Шляков) характер его бытия. Вместе с тем наш сеятель существовал не в X-XIII вв., в эпоху расцвета феодализма, когда внешние роли распределялись в отношении человека к земле как собственности; он обитает в XXI в., когда все большее распространение и влияние получает информация как новый объект собственности [52]. Распространение влияния информации в современном мире тесно связано с распространением интернета. Как и любому другому человеку, интернет не чужд сеятелю; в интернете мы можем обнаружить его профили и аккаунты; в Интернете он творит копии своего (или своих) Я по образу и подобию оригинала (реального сеятеля, обладающего не только информацией, но и телом и сознанием) [6]. В этом случае более корректно утверждать не об ускользании идентичности сеятеля, а о ее рассеивании в мире реальном и виртуальном.

Прежде чем приходить к конкретным выводам о характере персональной идентичности в цифровую эпоху, важно провести аналитику современных материалов, в той или иной степени обращаясь к заданной проблематике. Кажется, что только русскоязычными материалами здесь не обойтись. Стоит попытаться сфокусировать внимание на социально-гуманитарной тематике материалов и на конкретных философских исследованиях, чтобы попытаться удержать представление о современном человеке как субъекте целостном, не фрагментированном на телесное, техническое или психоэмоциональное измерения.

Следует отметить, что под персональной идентичностью в статье понимается сохранение и воспроизводство единства ценностей, самосознания и деятельности человека в контексте трансформации внешнего мира.

Как покажут аналитические данные в следующих пунктах, в современном научном дискурсе проблематика идентичности человека представлена достаточно широко. Важным в статье представляется отображение не только смысловых пластов, конструируемых самими исследователями вокруг феномена идентичности, но и тех дискурсивных рамок, в которых фигурирует идентичность как термин в статьях и других научных материалах. Из всего массива материала, что был собран в научных базах данных, я использую незначительный процент. В этот процент вошли публикации, наиболее релевантные проблематике статьи. Основной вопрос статьи: как представлена тема персональной идентичности человека в современном социально-гуманитарном дискурсе; какие альтернативы предложены современными философами на идеи философов-постмодернистов о текучей идентичности или социальных конструкционистов об отсутствующем Я.

Персональная идентичность как проблема: аналитика публикаций Scopus

Сосредоточим внимание на материалах из базы данных Scopus. Такой выбор обусловлен несколькими причинами: с одной стороны, это ведущая международная база научно-исследовательских материалов; с другой, все больше отечественных исследований появляются на страницах журналов, включенных в Scopus. Интеграция отечественных исследований в мировое научное пространство через Scopus есть само по себе явление неоднозначное. Вместе с тем фактически сегодня мы обращаемся к базе материалов Scopus, потому что это «крупнейшая в мире универсальная реферативная база» (по версии разработчика и владельца Scopus издательской корпорации Elsevier) [69], где представлена широкая география актуальных исследований.

Несмотря на то, что журналы из БД Scopus издаются на разных языках, единый рабочий язык — английский. Поэтому встает вопрос о корректном переводе темы исследования на английский язык. В проблематике данного исследования ключевым является термин идентичность. У русскоязычной «идентичности» есть несколько эквивалентов в английском языке. Наиболее частотным является «identity». Это вполне обосновано: оба термина имеют единое этимологическое начало, латинское «identitas», что может быть переведено как

«тождественность». Таким образом, в основе запроса по ключевым словам фигурировала именно «identity». Вместе с тем помимо «identity» в английском языке есть слова, что близки по значению русскоязычной «идентичности»: «oneness» (единство, тождество, идентичность), «sameness» (одинаковость, идентичность). Поэтому в итоговой аналитике представлены не только результаты по частотному слову — «identity», но и результаты по его синонимам — «oneness», «sameness» — которые указывают на иные грани в постановке проблемы идентичности современного человека.

Общий запрос в поисковой системе Scopus по ключевому слову «identity» дал следующие результаты:

- общее количество документов по ключевому слову — 530 388;
- хронология документов — 1856 — 2021 гг. (верхний показатель указывает на те материалы, что отправлены в печать). Причем в 2019 г. зафиксирован наибольший суммарный показатель по количеству опубликованных документов — 34 110;
- по типу документов в запросе представлены статьи (400 784 документа или 75,6 % от общего количества документов), материалы конференций (38 658 документа или 7,3 %), обзоры и рецензии (35 470 документов или 6,7 %), главы книг (30 808 документов или 5,8 %) и книги (13 185 документов или 2,5 %). Суммарная доля иных типов документов составляет 2,1 %; туда входят заметки (3139 документов), редакционные статьи (2755 документов), письма (1593 документа) и др.;
- география документов представлена преимущественно Соединенными Штатами Америки (173 963 документов), Великобританией (62 225 документов) и Китаем (32 509 документов). Также в список вошли Германия (25 712 документов), Австралия (24 021 документ), Франция (19 873 документа), Япония (15 556 документов), Италия (14 902 документа) и Индия (14 303 документа). Россия в этом списке представлена с 7206 документами;
- по отраслям знания документы распределены следующим образом — 21 % — общественные науки (175 296 документов), 12,3 % — искусство и гуманитарные науки (103 219 документов), 9,4 % — биохимия, генетика и молекулярная

биология (78 452 документа), 9,2 % — медицина (76 751 документ), 6 % — психология (49 894 документа), 5,5 % — компьютерные науки (45 953 документа), 5,4 % — агрокультура и биологические науки (45 201 документ); 4,8 % — математика (40 408 документов), 3,6 % — инжиниринг (29 827 документов) и 3,3 % — иммунология и микробиология (27 733 документа). В другом (19,5 %) — бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет, физика и астрономия, экология и др. В отдельную группу материалы по философии не выделены;

- интерес представляет распределение документов по финансирующему спонсору. National Natural Science Foundation of China National Natural Science Foundation of China (Национальный фонд естественных наук Китая) — 9495 документов, National Science Foundation (Национальный научный фонд, США) — 8665 документов, National Institutes of Health (Национальный институт здоровья, США) — 8606 документов. В этом списке присутствуют отечественные организации: Российский фонд фундаментальных исследований — 804 документа, Российский научный фонд — 289 документов, Министерство образования и науки Российской Федерации — 151 документ;
- особый интерес представляет аналитика по авторам публикаций: Т. Ким (Kwangwoon University, Сеул, Южная Корея) — 416 документа по запросу. Причем в сферу интересов Т. Кима входят теория чисел, алгебра и математика. А. Хэслем (The University of Queensland, Брисбен, Австралия) — 173 документа; сфера интересов — не столь удивляющая из специфики запроса психология. В. Сусило (University of Wollongong, Вуллонгонг, Австралия) — 146 документов; и вновь необычная для запроса сфера интересов автора — вычислительные и информационные технологии.

Уже количественная аналитика публикаций дает материал для осмысления. Данные по отраслям знания и по авторам публикаций демонстрируют то, что контекст, в котором фигурирует термин «идентичность», расширяется по смыслу. Иными словами, сегодня речь идет не только об идентичности человека, группы или нации, но также об идентичности цифровых данных (кибер-

безопасность и криптология) [74], о проблеме многочленов (алгебра, математика) [60], о вопросах цифровой идентификации в контексте денежных цифровых операций (криптовалюта и блокчейн) [70]. На основе этих данных можно сделать предварительное заключение о том, что техническая трансформация реальности, с одной стороны, формирует запрос на осмысление человеком новых феноменов и инструментов, что он встраивает в свое повседневное бытие; с другой стороны, проблематика идентичности выходит из антропологического контекста и обретает новые технико-технологические рамки.

Вместе с тем вернемся к человеку, обратившись к тем материалам из БД Scopus, что релевантны теме заявленной работы.

К примеру, в исследовании от 2013 г. психиатр из Швейцарии Д. Солбергер обращается к философской составляющей идентичности вследствие нескольких причин: 1) в философском контексте термин «идентичность» имеет более длительную историю, нежели в психологическом и психиатрическом дискурсах; 2) философский дискурс указывает на разные значения идентичности; 3) философские концепции идентичности могут быть использованы в психиатрии при работе с пациентами с конкретными диагнозами (DSM-5) [71]. В статье Д. Солбергер использует разные философские источники, от «Критики чистого разума» И. Канта до «Я-сам как другой» П. Рикера. Через работу с философскими книгами автор фокусирует внимание на пограничном расстройстве личности, лечение которого предполагает обращение к идентичности пациента. По сути, в своей работе Д. Солбергер тоже развивает прикладной аспект идентичности, только делает он это не в чуждой технической среде, а в контексте конкретного запроса психиатров. Следует отметить, что статья Д. Солбергера как пограничный материал, т. е. как то, что располагается между философским и психологическим, психиатрическим дискурсами по вопросу об идентичности человека, не является единственной; статьи К. Йоргенсена [59] и Г. Гласа [57] посвящены сходной тематике.

В свою очередь, Р. Родогно ставит проблему персональной идентичности в контексте сетевого общения. Он не без основания утверждает, что философское вопрошание об идентичности, как правило, оторвано от повседневности человека. Вместе с тем, именно живой человек, такой экземпляр из повседневности, в своем существовании реализует то, что впоследствии

может привлечь внимание философа. Например, в какой-то момент времени человек как бы «ре-идентифицируется» [65]. Р. Родогно выдвигает тезис о том, что интернет оказывает влияние на персональную идентичность. «Сетевые контексты новы и своеобразны, поскольку позволяют длительное бестелесное и анонимное взаимодействие с другими». В заключительном разделе статьи автор размышляет над тем, что если онлайн коммуникация приводит человека к «развоплощению» и «анонимности», то насколько связаны и остаются ли связанными онлайн и офлайн идентичности человека. К вопросу об идентичности человека в сети подходит и группа итальянских философов [45]. В своей статье они выдвигают тезис о том, что «существует преемственность между автономной и сетевой идентичностью и что обычно последняя способствует изменению первой». Наконец, они ориентируются на поиск тех способов, что помогают человеку осмыслить себя в условиях информационных «пузырей».

В вопросе об идентичности современного человека, пользующегося сетью «интернет», философы прямо или косвенно обращаются к анализу нарративов, сотворенных человеком текстов о своем Я в сети. Об этом работы М. Шлехтман [66], К. Маккензи и К. Аткинс [61]. В них авторы смещают фокус осмысления идентичности с метафизических проблем на вопросы прикладного и практического планов: почему жизнь стоит того, чтобы ее прожить; менеджмент персональной идентичности; быть на распутье; утрата идентичности; как изменить прошлое; как собрать себя в настоящем. В этом контексте все-таки особое место занимает еще одна работа М. Шлехтман «Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life» («Остаться в живых: персональная идентичность, практические проблемы и единство жизни») [67]. В ней автор обращается к «проблемности» философского конструкта идентичности как нечто теоретически целого, не приложимого, тем не менее, к реальному человеку, к его практическим запросам. Отсюда она выходит к концепции «Person Life View» (взгляд на жизнь человека), что может помочь человеку собрать воедино различные аспекты своего бытия, от биологического тела и функций организма до социальной природы и ролей в обществе.

В особую группу публикаций можно выделить работы, что подходят к вопросу о персональной идентичности с позиции нейронаук и нейроэтики. Так, в 2016 г. в свет

вышла «Настольная книга по нейроэтике», в которой целый раздел был посвящен вопросу о связи нейроэтики и идентичности [51]. Биоэтик Ф. Бейлис отмечает, что современные технологии, прежде всего, имеют телесную направляющую, восстановление или улучшение функций организма. В свою очередь, современные нейротехнологии могут отрицательно сказаться на сознании человека, осмыслении пациентом своего Я. Отсюда интерес нейроученых разного профиля, от биологии до этики, к проблеме идентичности. В том же цикле работ статья К. Тобиа, в которой автор обращается к вопросу об идентичности в контексте размышлений о когнитивных улучшениях/ухудшениях как ответ человека на внешние вызовы. Если философия работает с мыслительными экспериментами, то нейронауки обращаются к конкретным кейсам из настоящего и прошлого. Таким кейсом для К. Тобиа стал неврологический анализ по делу Финеаса Гейджа, у которого после тяжелой травмы головы (1848 г.) были зафиксированы изменения в эмоциональных состояниях, что привело близких и друзей пострадавшего к тезису «это больше не Гейдж» [72]. В этом же ряду работа У. Глэннона и К. Инайхена по вопросу о девайсах, используемых при неврологических и психических расстройствах, о связи этих устройств с сохранением идентичности пациентов [56].

Психология, в свою очередь, подходит к вопросу об идентичности с позиции конструкта. В этом русле статья Э. Шубах и ее коллег по проблеме региональной идентичности молодых людей [68]; работа Т. Круиса и коллег по поиску теоретической модели, что лучше отображает связь между социальной активностью современного человека, уровнем его стресса и благополучием его жизни [64]; статья Д. Бакстера о теории аспектов как выражения партикулярной или временной идентичности [50]. Наконец, в эмпирическом исследовании психологов из Польши под руководством Е. Тополевска-Сиджик была продемонстрирована взаимосвязь между чертами личности и способами формирования идентичности [73]. Результатом этого эксперимента стал тезис о том, что на идентичность человека оказывают непосредственное влияние сознательность и открытость опыту.

Отмечу и то, что тема идентичности из материалов Scopus появляется не только на страницах книг и научных статей. В пространстве новых и новейших энциклопедий поднимается вопрос о философских аспектах идентичности. Так, например, Х. Нунан

в «Энциклопедии языка и лингвистики» разводит понятия идентичности и тождества [62]. Тождество существует в мире чисел; идентичность — в мире людей. Для тождества характерна постоянность, становящаяся закономерностью (закон Г. Лейбница); идентичность неустойчива, относительна. Эта неустойчивость идентичности, ее изменчивость во времени остается предметом научных дискуссий. В свою очередь, Г. Нуннер-Винклер задается вопросом о возможностях «стабилизировать» идентичность. Если постмодернистские теории отрицают самоидентичность человека, то современные теории, по ее мнению, ищут механизмы и модели для формирования устойчивой идентичности человека [63].

Наконец, вернемся к синонимам «identity», «sameness» и «oneness». В сравнении результаты по обоим ключевым словам уступают предыдущему запросу: запрос на «sameness» дал 2358 документов (первая публикация датирована 1927 г.); «oneness» — всего 943 документа (хотя первая публикация датирована 1925 г.). Неудивительно то, что аналитика по авторам публикаций выдала психологов [47] и психиатров [58]. Сосредоточусь на том, что отлично от результатов по «identity». Специфика документов по запросу «oneness» имеет ярко выраженный духовный характер: статьи Л. Эдингера-Шенца о единстве веры и ее влияния на удовлетворение от жизни [54], Д. Аскуна и Ф. Сетина о единстве в поведении индивидов и групп [46] или, например, Дж. Дженга о концепте «единства» в культурной традиции Китая [75]. Более того, среди результатов есть работы по теологии: статья Д. Бейкера о пятидесятниках и баптистах [48] или работа С. Бартона по вопросу об отношении католической церкви к смешанным бракам [49]. Очевидно, что подобное отличие предопределено смысловыми границами самого понятия «oneness». То, что не очевидно, но интересно, дал один из результатов по запросу на «sameness»: совместная работа П. Эссед и Д. Голдберга о «культурном клонировании» [55]. Сама идея введения строго биологического термина «клонирование» в дискурс культуры весьма любопытна. Привлекают внимание и выводы, к которым пришли авторы; они предположили, что клонирование как «репродукция того же самого (sameness)» в контексте культуры одновременно порождает и ликвидирует социальную несправедливость (здесь многое зависит от культурного контекста).

Проблематика персональной идентичности в статьях Российского индекса научного цитирования

В своей новой статье Ф. И. Гиренок сравнивает две стратегии в исследовании человека [9]. Если М. Хайдеггер включил человека в бытие и подчинил первое второму, то Ж. Деррида вывел человека в сферу субъективности и сменил вектор влияния, поставив онтологию в зависимое положение. В контексте обозначенной темы не столько важно, что предшествует другому, онтология или антропология, сколько то, как изменения внешнего затрагивают человека и его вопрошание о своей идентичности. Ф.И. Гиренок заключил, что современная философия перенаправила свое внимание с внешнего человеку на его внутренний мир. Отсюда и смена философских интересов: с того, что есть и что возможно, на то, что невозможно (призраки Ж. Дерриды). Из работ Ж. Дерриды Ф.И. Гиренок берет «мазки» в осмыслении призраков: «этот не-объект, это неприсутствующее присутствие, это здесь-бытие отсутствующего или уже исчезнувшего, не имеет отношения к знанию» [9, с. 68]. Оно не имеет отношение ни к знанию, ни к опыту человека. Это своеобразный симулякр, который, тем не менее, более живой, нежели любое живое. Призраки нарушают самоидентичность реальности и, вместе с тем, утверждают бытие человека вместе с призраками, такое бытие, что «имеет прошлое, которое не ведет к настоящему, и будущее, которое независимо от настоящего» [9, с. 70]. Отсюда вывод: человек «всегда больше одного» [9, с. 70]. В этом выводе ощущается не прямая, косвенная близость призраков Ж. Дерриды и Ф. И. Гиренка с лабиринтом идентичностей Е. О. Труфановой: идентичность я не есть устоявшаяся модель, но некий призрак единства и тождества, в котором постоянно блуждает Я, изредка поднимаясь на обзорную площадку [38].

Тем не менее, для начала обратимся к некоторым количественным показателям в отношении отечественных исследований идентичности. Поисковой сервис <https://elibrary.ru/> на запрос «идентичность» выдает 39 495 публикаций, причем 19 182 документов из общего числа публикаций — по тематике «Философия». Иными словами, около половины всех документов из РИНЦа (48 %) отображают философское понимание проблемы идентичности. Уже в этом отображается значительное отличие

тематики документом в сравнении с теми, что размещены в БД Scopus: вектор отечественных исследований имеет ярко-выраженный социально-гуманитарный характер, в котором значительное пространство отводится философской рефлексии.

В 2008—2009 гг. Институтом философии РАН в содружестве с журналами «Вопросы философии», «Политический класс» и газетой «Российская газета» был объявлен конкурс философских трактатов по темам: «Человек в лабиринте идентичностей» и «Человечество на распутье: образы будущего» [18]. Тематика конкурса указывает на то, что в конце 2000-х гг. человек как бы заблудился в своей (-их) идентичности (-ях). Отсюда 18 документов из общего количества публикаций в своем названии используют оборот «лабиринт идентичностей». Из них две работы наиболее релевантны теме статьи. В докладе Д.А. Леонтьева, прочитанного им на Круглом столе «Личность как автопроект» и впоследствии опубликованном в «Философских науках», автор использует термин «лабиринт» по большей части как абстрактную метафору. Его интерес расположен не столько в пространстве выражения этого сочетания, сколько в поиске некоего постоянного Я, скрывающегося за множественными идентичностями. Отсюда проблема материала — в разных контекстах (прежде всего, социальных) на поверхность всплывают разные Я-образы. Отчасти это указывает на то, что Я, сливаясь с группой, бежит (по аналогии с «бегством от свободы» Э. Фромма) от своей свободы, ответственности, идентичности. Поэтому Д. А. Леонтьев задает вопрос, что есть внутреннее Я, опора внутри меня, что остается постоянным, несмотря на непрерывную смену моих личин, указывающих на принадлежность к той или иной социальной группе. За ответом на этот вопрос Д.А. Леонтьев обращается к М.М. Бахтину: основание внутри меня есть «моя единственная точка в мире, то место в мире, которое я занимаю, и которое не занимает никто другой. Это единственное место, из которого я исхожу, а другие его находят. Это центр поступка, это центр, вокруг которого архитектурно выстраивается мир, это точка отсчета мира» [20, с. 9]. Внешний мир и мои внешние идентичности выстраиваются от некоего неподвижного центра, что можно именовать внутренним миром Я. Вновь обращаясь к М. М. Бахтину, Д. А. Леонтьев находит имя для этой точки отсчета внутри Я — «не-алиби-в-бытии» — как доказательство того, что Я есть в мире; это положение является результатом мое-

го свободного выбора; Я несет ответственность за свои поступки, совершенные из этого положения.

Кажется, что Е. О. Труфанова четче прорабатывает метафору лабиринта. Для нее лабиринт не является призрачной аналогией; это вполне осмысляемый конструкт, отображение того, что человек блуждает по своему Я. Здесь важен один из тезисов статьи: «Часто говорят о различных идентичностях человека, но это не совсем верно. Существует множество идентификаций, идентичность же — одна» [38, с. 13]. Другое дело, что идентифицировать себя человек может через нечто внешнее, опираясь на внешние уровни идентификации. Именно опора на социальное внешнее выступала смыслообразующим элементом в поиске человеком собственного Я на протяжении длительного времени. Е. О. Труфанова презентует исторический аспект в вопросе идентификации человека в следующей ретроспективе: древний человек осмыслял себя через род и семью; появление и распространение письменности (Древняя Греция, Древний Рим) способствует формированию индивидуальной идентичности; человек в эпоху Средневековья определял себя через социальную функцию, что он реализует в обществе; эпоха Возрождения создала идеал человека, самостоятельно выбирающего и конструирующего себя, такого титана мысли и дела; идея самостоятельной личности утверждается в эпоху Просвещения в движении представителей романтизма за свободу самоопределения; капиталистическое общество, в свою очередь, порождает кризис идентичности, ее расколотость на внешнее и внутреннее, профессиональное и личное. Отсюда Е. О. Труфанова формулирует проблему эскапизма как возможность убежать из повседневного мира в мир фантазий, где конструирование Я возможно за пределами строгой регламентации внешнего. Здесь идея «протеевской» идентичности (Р. Дж. Лифтон), отображение нестабильного, постоянно изменяющегося Я как ответ на пертурбации во внешнем.

Е. О. Труфанова отказывает современному человеку в выходе из лабиринта (эта позиция имеет эпистемологическую значимость в контексте данной работы): «пока человек жив, он находится в поиске. Его идентичность постоянно претерпевает изменения, она является живым, беспрестанно развивающимся организмом, потому выход из лабиринта идентичности невозможен — лабиринт постоянно разрастается и уводит нас все глубже в свои дебри.

И лишь иногда мы имеем возможность подняться на смотровую площадку, окинуть взором простирающийся до бесконечности лабиринт и, увидев уже знакомые нам переходы, повороты и тупики, сказать: «Это все Я!» [38, с. 22]. Но существование в конкретных рамках лабиринта не всегда и не для всех комфортно. Существуют варианты избежать или преодолеть этот дискомфорт. Таким вариантом остается эскапизм как поиск временного убежища в реализации Я таким, каким нельзя это Я реализовать в мире повседневном. Еще в 2010 г. Е. О. Труфанова называла интернет «пространством эскапизма». Однако в своем недавнем докладе на Международной научной конференции «Бренное и вечное: мифология цифровой цивилизации», инициированной и проведенной НГУ, она высказала тезис о том, что актуальный интернет, требующий идентификации от пользователя (реальные имя, фото, в крайнем случае — удостоверение личности), теряет эскапистскую привлекательность [21]. В этом с Е. О. Труфановой заочно согласился Е. Г. Ефимов, выразив свободу в социальных сетях посредством аналогии со спальней подростка: место Я в интернете есть пространство личное и, вместе с тем, фиксированное; на полках Я размещает свои книги и альбомы, развешивает плакаты любимых групп, но эти полки и стены созданы для Я другим (например, обязательные строки, что нужно заполнить для создания своего профиля в социальной сети) [12].

Уже в работах, что ближе дню сегодняшнему, Е. О. Труфанова смещает фокус внимания с лабиринта на социальные конструкции [38]; о том же тема ее диссертационного исследования [37]. Социальные конструкционисты как бы разрушают единство Я, дробят человека на его роли и темена, под которыми закреплены эти роли в социальных, прежде всего, дискурсивных практиках. В своих работах Е. О. Труфанова стремится к преодолению конструкционистского взгляда на человека, в пределе утверждающего «отсутствующее Я», посредством создания модели «расширенного» субъекта [37, с. 87, 255].

Позволю себе представить еще не упоминавшиеся отечественные исследования по проблематике идентичности как составные элементы для внешнего «конструкта» Я, в контексте которого человек находится в поиске целостности:

1. Национальная, государственная и региональная идентичность. Эта составляющая не утрачивает актуальности, ибо

кризис коллективной идентичности до сих пор не преодолен. События, разворачивающиеся сегодня на постсоветском пространстве, выступают тому подтверждением. Отсюда вопрошание исследователей о наполнении понятий «национальная» и «государственная» идентичность и проведения границ между ними [11]; о том, есть ли у граждан современного российского государства национально-государственная идентичность [15]; о путях консолидации российского общества [39]; о специфике региональной идентичности: городской [8] и сельской [28]; об отдельных национальных проектах, разворачиваемых на постсоветском пространстве [13]; о личном выборе и его результатах в контексте национальной идентичности [42].

2. Проблема идентификации в мире техники и технологии. Д. В. Соломко с коллегами ставит вопрос о возможности человека и человеческого в технизированном мире [3; 25]. Авторы протраивают экологический вектор в человеческом бытии, когда удерживаются и поддерживаются природное (исходное) и техническое начала в человеке. В свою очередь, А. О. Лемпий не столько утверждает разные начала в человеке, сколько фиксирует и осмысляет влияние гаджета на «я сам» [19]. В своих размышлениях автор обращается к феноменологии телесности (по М. Мерло-Понти и Ж. Бодрийяру) в легитимации идеи Номо Technicus с измененной чувствительностью. В этой же группе работ отмечу статью Д. А. Устюжановой, где природа интернет-медиа осмысляется в бинарных оппозициях [40]. Анализ медиа выводит автора на тезис о том, что для пользователей новых медиа открываются большие возможности для конструирования своего нарратива. В свою очередь, Е. Ю. Погорельская ставит под вопрос саму возможность говорения о природе человека в современном научно-техническом контексте [29].

3. Духовная идентичность. З. В. Мичурина рассматривает идею духовной идентичности посредством обращения к классикам отечественной и зарубежной философии, Г. Гегелю, В. С. Соловьеву, Н. Я. Данилевскому [22-24]. Некоторые исследователи рассматривают идентичность в контексте проблемы формирования религиозного сознания [7, 33]. Другие акцентируют внимание на специфике идентичности в современной духовной культуре страны [16].

4. Профессиональная идентичность. Большая часть работ по профессиональной идентичности имеет педагогическую

направленность. В их числе статьи О. О. Поляковой и М. П. Лушкиной [30], В. И. Стычковой и М. Г. Резниченко [32], А. Р. Аракеловой и А. Ю. Багияна [4]. Одни исследователи размышляют об идентичности в конкретной профессии: врачи [26], учителя [27], военнослужащие [10] и журналисты [1]. Другие задаются вопросом об идентичности в контексте размышлений о прошлом [5], настоящем [17] и будущем [41].

Выводы

1. Тема идентичности не «ушла» из научного дискурса, преимущественно социально-гуманитарного, несмотря на «пророчества» философов-постмодернистов и социальных конструкционистов.

2. Феномен идентичности «технизирется». Можно выделить два вектора в этом процессе: вовне — идентифицируются цифровые системы и гаджеты, которыми пользуется человек в своем повседневном бытии; вовнутрь — трансформируется идентичность человека в цифровом мире.

3. Современные медиа, прежде всего, социальные сети предоставляют пользователям новые возможности для создания нарративов о своих Я посредством текста, фото- и аудиовизуальных материалов, исследователям — соответственно материал для последующей работы с этими нарративами.

4. Идентичность современного человека можно уподобить лабиринту, который сложно зафиксировать, увидеть (лабиринт как призрак), но который, тем не менее, есть и который требует от субъекта все большей активности в выборе фундамента для лабиринта и направления в прокладывании его путей.

5. Если постмодернисты конструировали динамические модели идентичности (номадизм), а конструкционисты обосновывали Я как иллюзию, то современных исследователей интересует поиск моделей устойчивой идентичности.

6. Направление поиска исследователями конкретных вариантов устойчивой идентичности (психология и психиатрия) с последующей концептуализацией этих вариантов (философия).

2. Антух Г. Г., Гукова А. В., Петренко А. Н. Парадокс эго-идентичности: от человека до нации // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 47—58.

3. Апухтина Н. Г., Дыдров А. А., Емченко Е. П., Соломко Д. В. Экологизация человека как диалог ценностей сохранения и изменения // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 102—111.

4. Аракелова А. Р., Багиян А. Ю. Особенности использования аутентичных материалов в преподавании иностранного языка и формировании профессиональной идентичности студентов // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2019. № 12. С. 134—140.

5. Белова Н. А. Профессиональная идентичность советского учителя (часть 1) // Вестник антропологии. 2018. № 4 (44). С. 104—111.

6. Богданова В. О., Александрова Л. Д. Игры с идентичностью в мире сетевых коммуникаций // Социум и власть. 2019. № 6 (80). С. 39—45.

7. Вагнер А. К., Горбунова А. М. Проблема формирования религиозной идентичности в пространстве межкультурной коммуникации современного общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 33 (324). С. 47—50.

8. Вендина О. И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2012. № 5. С. 27—39.

9. Гиренок Ф. И. О двух философских стратегиях в исследовании человека // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 66—71.

10. Данилов С. И. Военно-профессиональная идентичность и ее роль в психологической защите личности военнослужащего // Инициативы XXI века. 2017. № 1—2. С. 87—91.

11. Ефименко В. Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «гражданская идентичность» // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 250—254.

12. Ефимов Е. Г. Идентичность в социальных Интернет-сетях (теоретические аспекты) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12-2 (38). С. 72—75.

13. Жанбосинова А. С. Национальная стратегия Казахстана: гражданская идентичность или этническая идентичность — время выбора // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. Т. 3. № 3. С. 183—200.

14. Зиновьева Л. Е. К вопросу об исследовании городской культурной идентичности // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 33 (324). С. 39—41.

15. Золов В. В. Национально-государственная идентичность без государства и государство без национально-государственной идентичности // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 12 (16). С. 7.

16. Клименко Н. С., Зберовский А. В. Гендерная идентичность и национальная идентичность в современной духовной культуре России // Вест-

1. Авдонина Н. С., Койбина Д. С. Ценностный аспект образования в контексте формирования профессиональной идентичности будущих журналистов // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5. № 2. С. 212—217.

ник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 39. С. 49—53.

17. Колянов А. Ю. Профессиональная идентичность журналиста в условиях гибридной медиасистемы // *Дискурс*. 2020. Т. 6. № 4. С. 62—72.

18. Конкурсы Института философии РАН. URL: <https://iphras.ru/page18921100.htm> (дата обращения: 11.03.2021).

19. Лемпий А. О. Я сам и мой гаджет: к вопросу о влиянии персональной техники на идентичность личности // *Ideas. Philosophical Journal*. 2014. № 2. С. 24—29.

20. Леонтьев Д. А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // *Философские науки*. 2009. № 10. С. 5—10.

21. Международная научная онлайн-конференция «Бренное и вечное». URL: <https://www.povsu.ru/dept/26939158/i.1513223/?id=90789> (дата обращения: 11.03.2021).

22. Мичурина З. В. Идея духовной идентичности России в философии В.С. Соловьева // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2017. № 1 (50). С. 165—170.

23. Мичурина З. В. Проблема духовной идентичности России в трудах П. Я. Чаадаева и Н. Я. Данилевского // *Общество: философия, история, культура*. 2017. № 8. С. 65—68.

24. Мичурина З. В. Феномен национально-духовной самобытности в русской и немецкой классической философии // *Общество: философия, история, культура*. 2019. № 8 (64). С. 34—37.

25. Невелева В. С., Соломко Д. В. Человек и технизированный мир: экологический вектор философского осмысления // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2020. № 2. С. 181—191.

26. Петрова Р. Г. Кризис профессиональной идентичности у молодых врачей // *Управление устойчивым развитием*. 2019. № 2 (21). С. 77—82.

27. Плешакова А. Ю., Романцев Г. М. Формирование профессиональной идентичности в европейских образовательных системах (к проблеме заимствования опыта) // *Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании : материалы 23-й Междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. Е. М. Дорожкина, В. А. Федорова*. М., 2018. С. 652—657.

28. Плотичкина Н. В. Сельская идентичность как «идентичность с местом» // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. 2019. № 34. С. 34—38.

29. Погорельская Е. Ю. Природа человека в эпоху технической революции // *Социум и власть*. 2020. № 5 (85). С. 20—31.

30. Полякова О. О., Лушкина М. П. Особенности профессиональной идентичности современных студентов // *Вестник Мордовского университета*. 2011. № 2. С. 69—73.

31. Рубцов А. В. Архитектоника постмодерна. Время // *Вопросы философии*. 2011.

32. Стычкова В. И., Резниченко М. Г. Профессиональная идентичность как фактор формирования профессиональной мобильности // *Инженерное образование*. 2016. № 20. С. 248—251.

33. Сыпачева Т. А. Идентичность как субстанциональная основа формирования религиозного сознания // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 33 (324). С. 42—46.

34. Трубина Е. Г. Философия в антропологии: беря понятия из жизни // *Этнографическое обозрение*. 2018. № 5. С. 59—77.

35. Трубина Е. Г. Философия и «нефилософская» антропология: эпистемологические привелегии и присвоения (введение) // *Этнографическое обозрение*. 2018. № 5. С. 5—12.

36. Труфанова Е. О. Субъект в мире социальных конструкций // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2018. Т. 1. № 2. С. 24—36.

37. Труфанова Е. О. Субъект и познание в мире социальных конструкций : диссертация на соискание научной степени доктора философских наук, М., 2018.

38. Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // *Вопросы философии*. 2010. № 2. С. 13—22.

39. Тульчинский Г. Л. Доверие и гражданская идентичность как факторы консолидации российского общества // *Философские науки*. 2012. № 11. С. 76—88.

40. Устюжанина Д. А. Двойственная природа новых медиа в онлайн-пространстве // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2019. № 2. С. 204—218.

41. Фадеева О. А. Дискурс профессионального знания: профессиональное становление и формирование профессиональной идентичности будущего специалиста // *Высшее образование сегодня*. 2016. № 4. С. 2—5.

42. Шакурова М. В. Российская идентичность как личностный результат: опыт размышления // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2013. № 7 (82). С. 23—26.

43. Шляков А. В. Феномен номадизма в культуре постмодерна : дис. на ... д-ра филос. наук, Тюмень, 2019.

44. Abowha G. Library and information science students as budding information scientists in the digital age // *Library Philosophy and Practice*. 2019. P. 2632.

45. Arfini S., Botta Parandera L., Gazzaniga C., Maggioni N., Tacchino A. Online Identity Crisis Identity Issues in Online Communities // *Minds and Machines*. 2020.

46. Aşkun D., Çetin F. How Do We Demonstrate Oneness as a Behavior? Operationalizing Oneness Through Scale Measurement // *Journal of Spirituality in Mental Health*. 2017. No. 19 (1). P. 34—60.

47. Atran S., Gómez Á. What motivates devoted actors to extreme sacrifice, identity fusion, or sacred values? // *The Behavioral and brain sciences*. 2018. No. 41. P. e193.

48. Baker J. 'One Lord, one faith, one baptism?' Between trinitarian ecumenism and oneness Pentecostals // *Journal of Pentecostal Theology*. 2020. No. 29 (1). P. 95—112.

49. Barton S.C. Sanctification and Oneness in 1 Corinthians with Implications for the Case of 'Mixed Marriages' (1 Corinthians 7.12-16) // *New Testament Studies*. 2017. No. 63 (1). P. 38—55.

50. Baxter D.L.M. Temporary and Contingent Instantiation as Partial Identity // *International Journal of Philosophical Studies*. 2018. No. 26 (5). P. 763—780.

51. Baylis F. Neuroethics and identity // *Handbook of Neuroethics*. Springer Netherlands, 2015. P. 367—372.

52. Berestova T.F. The properties of information as a potential of its hierarchic functioning and diversity of its types // *Scientific and Technical Information Processing*. 2013. No. 40 (1). P. 39—45.

53. Berlyavskiy L.G., Kolushkina L.Y., Nepranov R.G., Pozdnishov A.N. Human Rights in the Digital Age // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020. No. 87. P. 916—924.

54. Edinger-Schons L.M. Oneness Beliefs and Their Effect on Life Satisfaction // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2019.

55. Essed P., Goldberg D.T. Cloning cultures: The social injustices of sameness // *Ethnic and Racial Studies*. 2002. No. 25 (6). P. 1066—1082.

56. Glannon W., Ineichen C. Philosophical Aspects of Closed-Loop Neuroscience // *Closed Loop Neuroscience*. Elsevier Inc., 2016. P. 259—270.

57. Glas G. Person, personality, self, and identity: A philosophically informed conceptual analysis // *Journal of Personality Disorders*. 2006. No. 20 (2). P. 126—138.

58. Gotham K., Bishop S.L., Hus V., Krieger A., Lord C. Exploring the relationship between anxiety and insistence on sameness in autism spectrum disorders // *Autism Research*. 2013. No. 6 (1). P. 33—41.

59. Jørgensen C.R. Invited essay: Identity and borderline personality disorder // *Journal of Personality Disorders*. 2010. No. 24 (3). P. 344—364.

60. Kim T., Kim D.S. Identities for degenerate Bernoulli polynomials and Korobov polynomials of the first kind // *Science China Mathematics*. 2019. No. 62 (5). P. 999—1028.

61. Mackenzie C., Atkins K. Practical identity and narrative agency. Routledge Taylor & Francis Group, 2008. 296 p.

62. Noonan H.W. Identity and Sameness: Philosophical Aspects (Book Chapter) // *Encyclopedia of Language & Linguistics*. 2006. P. 492—495.

63. Nunner-Winkler G. Personal Identity: Philosophical Aspects (Book Chapter) // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Second Edition. 2015. P. 742—749.

64. Praharsio N.F., Tear M.J., Cruwys T. Stressful life transitions and wellbeing: A comparison of the stress buffering hypothesis and the social identity model of identity change // *Psychiatry Research*. 2017. No. 247. P. 265—275.

65. Rodogno R. Personal identity online // *Philosophy and Technology*. 2012. No. 25 (3). P. 309—328.

66. Schechtman M. Stories, lives, and basic survival: A refinement and defense of the narrative view // *Narrative and Understanding Persons*: Royal Institute of Philosophy Supplement. 2007. No. 60. P. 155—178.

67. Schechtman M. Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life // *Oxford Scholarship Online*. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199684878.001.0001/acprof-9780199684878> (дата обращения: 11.03.2021).

68. Schubach E., Zimmermann J., Noack P., Neyer F.J. Me, Myself, and Mobility: The Relevance of Region for Young Adults' Identity Development // *European Journal of Personality*. 2016. No. 30 (2). P. 189—200.

69. Scopus. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Scopus> (дата обращения: 11.03.2021).

70. Sin E.S., Naing T.T. Digital identity management system using blockchain technology // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2021. No. 1166. P. 895—906.

71. Sollberger D. On identity: From a philosophical point of view // *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. 2013. No. 7 (1). P. 29.

72. Tobia K.P. Personal Identity, Direction of Change, and Neuroethics // *Neuroethics*. 2016. P. 9 (1). P. 37—43.

73. Topolewska-Siedzik E., Ciecuch J., Strus W. Personality underpinnings of identity: The role of metraits and traits in identity formation modes // *Self and Identity*. 2019. No.18 (5). P. 529—549.

74. Zhao Z., Wu G., Guo F., Wang B., Hu Y. Black-Box Accountable Authority Identity-Based Revocation System // *Computer Journal*. 2020. No. 63 (4). P. 525—535.

75. Zheng Z. Love and the Paradoxes of Unity: Zhu Xi's Debate with Followers of Cheng Hao over "perceptual Oneness" // *Frontiers of Philosophy in China*. 2017. No. 12 (3). P. 429—449.

76. Ziemba E. The holistic and systems approach to the sustainable information society // *Journal of Computer Information Systems*. 2013. No. 54 (1). P. 106—116.

77. Ziemba E. The Contribution of ICT Adoption to the Sustainable Information Society // *Journal of Computer Information Systems*. 2019. No. 59 (2). P. 116—126.

References

1. Avdonina N.S., Koibina D.S. (2020). *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 5, no. 2, pp. 212—217. [in Rus].

2. Antukh G.G., Gukov A.V., Petrenko A.N. (2020). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofija. Sociologija. Politologija*, no. 55. [in Rus].

3. Apuhtina N.G., Dydrov A.A., Emchenko E.P., Solomko D.V. (2019) *Socium i vlast'*, no. 1 (75), pp. 102—111. [in Rus].

4. Arakelova A.R., Bagiyana A.Yu. (2019). *Professional'naja kommunikacija: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki*, no. 12, pp. 134-140. [in Rus].

5. Bogdanova V.O., Aleksandrova L.D. (2019). *Socium i vlast'*, no. 6 (80), pp. 39—45. [in Rus].

6. Belova N.A. (2018). *Vestnik antropologii*, no. 4 (44), pp. 104—111. [in Rus].

7. Vagner A.K., Gorbunova A.M. (2013). *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 33 (324), pp. 47—50. [in Rus].

8. Vendina O.I. (2012). *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija geograficheskaja*, no 5, pp. 27—39. [in Rus].

9. Girenok F.I. (2020). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 457, pp. 66—71. [in Rus].

10. Danilov S.I. (2017). *Iniciativy XXI veka*, no. 1—2, pp. 87—91. [in Rus].

11. Efimenko V.N. (2013). *Teorija i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 11, pp. 250—254. [in Rus].

12. Efimov E.G. (2013). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kulturologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12-2 (38), pp. 72—75. [in Rus].

13. Zhanbosinova A.S. (2016). *Rossijskie regiony: vzgljad v budushhee*. Vol. 3, no. 3, pp. 183—200. [in Rus].

14. Zinovieva L.Ye. (2013). *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 33 (324), pp. 39—41. [in Rus].

15. Zolov V.V. (2012). *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, no. 12 (16), pp. 7. [in Rus].
16. Klimentko N.S., Zberovskij A.V. (2017). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 39, pp. 49—53. [in Rus].
17. Koljanov A.Ju. (2020). *Diskurs*, vol. 6, no. 4, pp. 62—72. [in Rus].
18. Competitions of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Available at: <https://iphras.ru/page18921100.htm>, accessed 11.03.2021. [in Rus].
19. Lempij A.O. (2014). *Ideas. Philosophical Journal*, no. 2, pp. 24—29. [in Rus].
20. Leont'ev D.A. (2009). *Filosofskie nauki*, no. 10, pp. 5—10. [in Rus].
21. International scientific online conference «Dirty and Eternal». Available at: <https://www.novsu.ru/dept/26939158/i.1513223/?id=90789>, accessed 11.03.2021. [in Rus].
22. Michurina Z.V. (2017). *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*, no. 1 (50), pp. 165—170. [in Rus].
23. Michurina Z.V. (2017). *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura*, no. 8, pp. 65—68. [in Rus].
24. Michurina Z.V. (2019). *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura*, no. 8 (64), pp. 34—37. [in Rus].
25. Neveleva V.S., Solomko D.V. (2020). *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija*, no. 2, pp. 181—191. [in Rus].
26. Petrova R.G. (2019). *Upravlenie ustojchivym razvitiem*, no. 2 (21), pp. 77—82. [in Rus].
27. Pleshakova A.Yu., Romancev G.M. (2018). *V sbornike: Innovacii v professional'nom i professional'no-pedagogicheskom obrazovanii*. Moscow, pp. 652—657. [in Rus].
28. Plotichkina N.V. (2019). *Sborniki konferencij NIC Sociosfera*, no. 34, pp. 34—38. [in Rus].
29. Pogorel'skaja E.Ju. (2020). *Socium i vlast'*, no. 5 (85), pp. 20—31. [in Rus].
30. Polyakova O.O., Lushkina M.P. (2011). *Vestnik Mordovskogo universiteta*, no. 2, pp. 69—73. [in Rus].
31. Rubcov A.V. (2011). *Voprosy filosofii*. [in Rus].
32. Stychkova V.I., Reznichenko M.G. (2016). *Inzhenernoe obrazovanie*, no. 20, pp. 248—251. [in Rus].
33. Sypacheva T.A. (2013). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 33 (324), pp. 42—46. [in Rus].
34. Trubina E.G. (2018). *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 59—77. [in Rus].
35. Trubina E.G. (2018). *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 5—12. [in Rus].
36. Trufanova E.O. (2018). *Cifrovoy uchenyj: laboratoriya filozofa*, vol. 1, no. 2, pp. 24—36. [in Rus].
37. Trufanova E.O. (2018). Sub'ekt i poznanie v mire social'nykh konstrukcij. Thesis. Moscow. [in Rus].
38. Trufanova E.O. (2010). *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 13—22. [in Rus].
39. Tul'chinskij G.L. (2012). *Filosofskie nauki*, no. 11, pp. 76—88. [in Rus].
40. Ustyuzhanina D.A. (2019). *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija*, no. 2, pp. 204—218. [in Rus].
41. Fadeeva O.A. (2016). *Vysshee obrazovanie segodnya*, no. 4, pp. 2—5. [in Rus].
42. Shakurova M.V. (2013). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 7 (82), pp. 23—26. [in Rus].
43. Shlyakov A.V. (2019). Fenomen nomadizma v kul'ture postmoderna. Thesis. Tyumen'. [in Rus].
44. Abowha G. (2019) *Library Philosophy and Practice*, 2019, pp. 2632. [in Eng].
45. Arfini S., Botta Parandera L., Gazzaniga C., Maggioni N., Tacchino A. (2020) *Minds and Machines*. [in Eng].
46. Aşkun D., Çetin F. (2017) *Journal of Spirituality in Mental Health*, no. 19 (1), pp. 34—60. [in Eng].
47. Atran S., Gómez Á. (2018) *The Behavioral and brain sciences*, no. 41, p. e193. [in Eng].
48. Baker J. (2020) *Journal of Pentecostal Theology*, no. 29(1), pp. 95—112. [in Eng].
49. Barton S.C. (2017) *New Testament Studies*, no. 63(1), pp. 38—55. [in Eng].
50. Baxter D.L.M. (2018) *International Journal of Philosophical Studies*, no. 26 (5), pp. 763—780.
51. Baylis F. (2015) Neuroethics and identity // *Handbook of Neuroethics*. Springer Netherlands, pp. 367—372. [in Eng].
52. Berestova T.F. (2013) *Scientific and Technical Information Processing*, no. 40 (1), pp. 39—45. [in Eng].
53. Berlyavskiy L.G., Kolushkina L.Y., Nepranov R.G., Pozdnishov A.N. (2020) *Lecture Notes in Networks and Systems*, no. 87, pp. 916—924. [in Eng].
54. Edinger-Schons L.M. (2019) *Psychology of Religion and Spirituality*. [in Eng].
55. Essed P., Goldberg D.T. (2002) *Ethnic and Racial Studies*, no. 25 (6), pp. 1066—1082. [in Eng].
56. Glannon W., Ineichen C. (2016) Philosophical Aspects of Closed-Loop Neuroscience // *Closed Loop Neuroscience*. Elsevier Inc., pp. 259—270. [in Eng].
57. Glas G. (2006) *Journal of Personality Disorders*, no. 20 (2), pp. 126—138. [in Eng].
58. Gotham K., Bishop S.L., Hus V., Krieger A., Lord C. (2013) *Autism Research*, no. 6 (1), pp. 33—41. [in Eng].
59. Jørgensen C.R. (2010) *Journal of Personality Disorders*, no. 24 (3), pp. 344—364. [in Eng].
60. Kim T., Kim D.S. (2019) *Science China Mathematics*, no. 62 (5), pp. 999—1028. [in Eng].
61. Mackenzie C., Atkins K. (2008) Practical identity and narrative agency. Routledge Taylor & Francis Group, 296 p. [in Eng].
62. Noonan H.W. (2006) Identity and Sameness: Philosophical Aspects (Book Chapter) // *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Pp. 492—495. [in Eng].
63. Nunner-Winkler G. (2015) Personal Identity: Philosophical Aspects (Book Chapter) // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Second Edition. Pp. 742—749. [in Eng].
64. Praharso N.F., Tear M.J., Cruwys T. (2017) *Psychiatry Research*, no. 247, pp. 265—275. [in Eng].
65. Rodogno R. (2012) *Philosophy and Technology*, no. 25 (3), pp. 309—328. [in Eng].
66. Schechtman M. (2007) *Narrative and Understanding Persons: Royal Institute of Philosophy Supplement*, no. 60, pp. 155—178. [in Eng].
67. Schechtman M. (2014) Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life. Available at: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199684878.001.0001/acprof-9780199684878>, accessed 11.03.2021. [in Eng].
68. Schubach E., Zimmermann J., Noack P., Neyner F.J. (2016) *European Journal of Personality*, no. 30 (2), pp. 189—200. [in Eng].

69. Scopus. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Scopus>, accessed 11.03.2021. [in Rus].

70. Sin E.S., Naing T.T. (2021) *Advances in Intelligent Systems and Computing*, no. 1166, pp. 895—906. [in Eng].

71. Sollberger D. (2013) *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, no. 7 (1), p. 29. [in Eng].

72. Tobia K.P. (2016) *Neuroethics*, no. 9 (1), pp. 37—43. [in Eng].

73. Topolewska-Siedzik E., Ciecuch J., Strus W. (2019) *Self and Identity*, no. 18 (5), pp. 529—549. [in Eng].

74. Zhao Z., Wu G., Guo F., Wang B., Hu Y. (2020) *Computer Journal*, no. 63 (4), pp. 525—535. [in Eng].

75. Zheng Z. (2017) *Frontiers of Philosophy in China*, no. 12 (3), pp. 429—449. [in Eng].

76. Ziembra E. (2013) *Journal of Computer Information Systems*, no. 54 (1), pp. 106—116. [in Eng].

77. Ziembra E. (2019) *Journal of Computer Information Systems*, no. 59 (2), pp. 116—126. [in Eng].

For citing: Penner R.V. The problem of personal identity in modern domestic and foreign philosophical research (analytics of scientific databases) // *Socium i vlast'*. 2021. № 2 (88). P. 36—49. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-2-36-49.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-36-49

UDC 101.2

THE PROBLEM OF PERSONAL IDENTITY IN MODERN DOMESTIC AND FOREIGN PHILOSOPHICAL RESEARCH (ANALYTICS OF SCIENTIFIC DATABASES)

Regina V. Penner,

South Ural State University
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Senior Researcher, Scientific and Educational Center for Practical and Applied Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
The Russian Federation, 454080,
Cheliabinsk, pr. Lenina, 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Abstract

Introduction. According to the well-established opinion of specialists in social sciences and humanities, a person diffracts his selves in the modern world: real spaces (professions, statuses) and virtual (accounts, profiles). In the diffraction of a person through spaces of different order, each “new” self acquires relative autonomy (a trace of the self in the network, which is present regardless of the attitude to it), and at the same time there remains the connection that, as it were, keeps the self with his digital images and “prints”. The main questions of the article are: in what relation and in relation to what is it possible to talk about the identity of a modern person; what fundamentally significant do the researches on human identity give us today; what do those who ask questions about personal identity in the digital age focus their attention on? In order to answer these questions, let us turn to scientific articles from domestic and foreign journals. This article presents the analytics of publications from Scopus and RSCI databases, in which the problem of personal identity is posed.

The purpose of the article is to analyze scientific publications on human identity and summarize the main ideas presented in those publications.

Methods. The research is based on general scientific methods, analysis and synthesis, induction, deduction, and abstraction. The author analyzes scientific publications on the basis of the interpretation method and a systematic approach method. Content analysis was used as a method, but it was used within the scope of the purpose. The publications were selected on the basis of the authors' research of various aspects of identity and the difference in interpreting the phenomenon.

Results. Analysis of Scopus publications made it possible to assert that the problem of identity is moving out of the anthropological context and acquiring new technical and technological frameworks (for example, scholars are raising the problem of the digital data identity, digital identification in the context of online transactions). At the same time, the anthropological view of identity remains. It is found for instance in the context of narratives, texts of a person about self that are posted on the Internet. In this context, the concept of “Person Life View” (M. Schechtman) is presented as a variant of a person's holistic view of the self. The analysis of domestic publications makes it possible to conclude that representatives of social sciences and humanities in their research strive to overcome the dynamic view of a person (dissolving of identity or an absent self), are in search of models of “stability” of identity.

Conclusion. Posing the question about the personal identity of a modern person, it seems that the border between the directly human (consciousness and body, for example) and the technical and technological (the Internet and the objective world) is becoming more and more destabilized every day. This predetermines the direction of the research. Contemporary scholars, who publish the results of their work in journals included in scientific databases, are faced not only with the problem of substantiating human identity as a theoretical concept that reflects the modern situation, but also with the problem of finding models in which a person is able to embody the idea of “stability” of identity in the everyday life.

Keywords:
person,
identity,
personal identity,
digital age,
diffraction,
research analytics,
scientific databases.

Для цитирования: Халуторных О. Н., Максимова М. В. О прогностических и моделирующих функциях социальных утопий русских космистов // Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 50—57. DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-50-57.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-50-57

УДК 101.1:316.334.56

О ПРОГНОСТИЧЕСКИХ И МОДЕЛИРУЮЩИХ ФУНКЦИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ УТОПИЙ РУССКИХ КОСМИСТОВ

Халуторных Ольга Николаевна,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, доцент кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления; Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент. Российская Федерация, 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект 27/4. E-mail: Olganik@yandex.ru

Максимова Мария Владимировна,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, магистрант 1-го года обучения кафедры экономики и управления в космической отрасли факультета космических исследований, бакалавр политических наук. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 52. E-mail: maria.mcsimova@yandex.ru

Аннотация.

Введение. Статья посвящена анализу утопического направления русского космизма и его влияния на советскую космонавтику и развитие общества СССР. Данная философская теория создавалась в период, который позволил инкорпорировать прикладные аспекты утопии в научно-технический прогресс и тем самым воплотить ряд шагов на пути освоения космического пространства.

Авторами выработаны критерии и параметры оценивания утопической составляющей теорий русского космизма, что позволило вывести этот конструкт на более высокий уровень абстракции и тем самым создать рабочую модель для проведения подобных исследований в контексте других утопических моделей.

Цель. Показать влияние утопии русского космизма на развитие космонавтики в СССР, выработать эмпирические критерии оценивания данного феномена.

Достижение цели потребовало решения следующих **задач:**

- 1) рассмотрение и анализ сути утопии космизма;
- 2) выработка параметров оценивания влияния утопии на развитие социальной системы;
- 3) использование выработанных параметров для оценки воздействия утопических идей на развитие системы советской космонавтики.

Методы. Выработка теоретической модели для оценивания социальных утопий, а также рассмотрение и анализ утопии космизма потребовали использования структурно-функционального и системного анализа. Исследование проводилось в рамках синергетической парадигмы.

Научная новизна исследования. В статье концептуализировано понятие утопии. Показано, что большинство определений утопии как социально-политического идеала сосредотачивается на ограничениях её существования: утопия не может быть воплощена, часто носит ненаучный характер, не соотносится с реальным положением системы, т. е. определения утопии часто сводятся к формату негативных. Авторы полагают: влияние утопии на социум, как правило, носит положительный характер.

Отмечено, что наряду с ограничениями утопизм обладает определёнными уникальными сущностными чертами, качественно влияющими на реализацию социальных проектов. Утопия в системном понимании выступает в качестве комплекса идей, оказывающего влияние на развитие системы, являясь одновременно внутренним (так как создается искусственно и осознанно самими элементами системы) и внешним фактором влияния. В отличие от платоновского эйдоса, проекцией которого является действительность, утопия создаётся индуктивным путём, но после своего создания вновь «спускается» на уровень реальности, так как начинает оказывать влияние на ту социальную модель, в которой была создана.

Результаты. В статье рассмотрены прогностические и моделирующие функции социальных утопий русских космистов. Доказано, что одна из сущностных функций утопий русского космизма заключается в формировании идеального типа, к которому в исторической перспективе начинает стремиться реальная общественная система. Убедительно демонстрируется: утопия выступает когнитивной опорой и неизбежно формирует канву, по которой начинает двигаться социум, определяя утопическую модель в качестве аттрактора, хотя при создании утопии не всегда формулируется подобная цель. Данная взаимосвязь позволяет провести оценку степени влияния утопических идей на формирование реальности в каждом конкретном случае, что, в свою очередь, обеспечивает возможность ответить на вопрос, как и в какой степени участвует утопический идеальный тип в определении характеристик и параметров реальной общественной системы.

Выводы. Обнаружено, что социальная утопия космистов как когнитивный концепт является важным действенным фактором влияния на развитие космической отрасли СССР. Принятые в исследовании параметры позволяют описать меру её влияния как одновременно внутреннего и внешнего фактора на развитие социума, в который она имплементируется. Констатируется справедливость восприятия утопии космистов как конструкта с определённым жизненным циклом, основной частью которого является период функционирования. За этот временной период утопическая теория может оказывать значительное влияние на действительное развитие общества с различных сторон.

Ключевые понятия:

утопия, русский космизм, утопическая модель общества, общественное развитие, освоение космоса.

Идеи перестройки природы человека, создания справедливого общества, совершенной формы жизни всегда занимали лучшие умы человечества. Развитие социума не может происходить без учёта утопических проектов, так как «...в обществе есть всегда определенный носитель действующих сил, который становится их реальным субъектом, и этот “кто-то” руководствуется в своих действиях некоторыми идеальными моделями, даже если его сознание не выходит за пределы повседневной практики» [16, с. 96]. Целесообразно отметить, что «все пекущие об утопии сходятся в том, что это некий социальный идеал, отражающий потребности и интересы конкретных общественных групп» [5, с. 6]. Однако в данном определении не просматривается прогностическая и моделирующая функции утопии. Прогностические и моделирующие функции утопии могут быть проявлены при концептуализации характерных параметров утопических конструктов и анализе степени их влияния на реальную общественную систему.

В качестве параметров оценивания утопии космистов предполагается использовать параметры, значение которых можно определить в качественных переменных:

- способность утопии к формированию новой мировоззренческой парадигмы;
- возможность воплощения прикладных концептов, составляющих утопию;
- способность утопии к сокращению количества вариантов развития социальной системы.

Данные параметры, по мнению авторов, позволяют оценить, как, в какой форме и насколько идеи утопической концепции русского космизма изменили действительность.

Первый параметр показывает качественную величину трансформационного воздействия идеи на императивы развития общества, в котором развивалась данная утопия. Мировоззренческая парадигма формирует ценностный и гносеологический базис, на который будут имплементироваться ответы на текущие вызовы: как и каким образом система ответит на внешнее воздействие и вернётся в состояние равновесия, если была из него выведена, по каким законам она будет развиваться в случае отсутствия серьёзных внешних раздражителей [13, с. 7].

Способность элементов системы создать общественный идеал порождает специфическое состояние реальности. «Для него [общественного идеала] важна включенность в

практическую деятельность на правах конструкта, фиксирующего наряду с общечеловеческой, исторически-конкретную систему ценностей, корректирующую поведение социального субъекта (отдельного индивида, социальной группы, масс) в соответствии со своим временем). ...Это состояние [реальности] связано с готовностью последней войти в новый исторический цикл (состояние “исторической вилки”, точка бифуркации)» [16, с. 98]. Результат исследования с использованием этого параметра позволит также ответить на вопрос, какие ценности были инкорпорированы в систему и как изменилось — и изменилось ли — восприятие основного объекта утопии.

Второй параметр показывает, насколько утопия способна осуществлять переход из виртуальной плоскости в реальность, насколько велика её теоретическая и практическая обоснованность. Если утопия носит проективный характер, она должна обладать рядом признаков, которые позволят ей выстроить некий каркас для собственного предполагаемого существования, перенести часть своих элементов из «идеальной» сферы в научно-техническую. То, что на момент создания утопии считалось недостижимым, под влиянием вдохновлённых ею исследований может перейти в реальность. «Действительно, постоянно происходит не только аккумуляция новых эмпирических данных, но и сами принципы и теории претерпевают кардинальные изменения, так что нечто, считавшееся научным ранее, может перестать быть таковым, и наоборот» [5, с. 7]. Так, В. В. Лыткин и В. Ю. Панов считают, что «утопические идеи в философии русского космизма имеют определенную динамику развития в сторону научной концепции и технократической реальности» [10, с. 94]. Данный параметр позволяет ответить на вопрос: может ли утопия создавать реальные проекции после ретродуктивного «спуска» обратно к реальности?

Третий параметр раскрывает прогностические возможности утопии. По своей сути, утопия моделирует желаемую конструкцию общественного устройства, и влияние утопии характеризуется возможностью создания для развивающейся системы жёстких детерминирующих рамок. Эти рамки способствуют сужению «коридора возможностей» и уменьшению количества точек бифуркации для системы. Фактически утопия принимает одновременно прогностическую и детерминирующую функцию, ведь единожды предложенный паттерн социального развития неизбежно заложит

когнитивные ограничения на восприятие будущего. Из представления о будущем утопия делает желаемый образец. В. Л. Василькова характеризует возможности утопии следующим образом: «Многие исследователи обращают внимание на совпадение ретроспективного и проспективного характера утопий, на устойчивое воспроизводство в утопическом сознании мотивов начального и конечного состояния общества как идеальных состояний миропорядка» [2, с. 412]. Этот параметр также позволяет выявить аттрактивные свойства утопии: высокая жёсткость является детерминацией, ведущая развитие системы к обозначенному образцу (аттрактивность, «выход на «то же самое» при любых начальных условиях») [2, с. 38]. «Посредством эмпирической интерпретации обеспечивается наблюдаемость предсказываемых утопией ситуаций, верифицируемость теории развития общества» [20]. Возможность утопии выступать в роли аттрактора, который понимается как «асимптотически удаленная цель системы» [12, с. 38] предполагает допущение, что утопия становится инструментом, способным вызывать самоорганизацию общественной системы.

Утопия космизма и новая мировоззренческая парадигма

Космизм как направление появился задолго до первых практических успехов космонавтики. Идеалы социального развития, выстроенного на «научной вере», абсолютизации знаний отражены в учениях как зарубежных (А. фон Гумбольдт, Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден, А. Уайтхед, С. Александер, Л. Клагес и др.), так и отечественных (Н. Федоров, В. Ф. Одоевский, К. Э. Циолковский, А. Чижевский, В. И. Вернадский и др.) авторов [15]. Так, в 1837 г. В. Ф. Одоевским впервые была высказана идея о необходимости освоения космического пространства для решения сырьевых проблем Земли [10, с. 75]. Космос в таком приложении видится не столько целью, сколько средством для решения глобальных проблем, что выводит утопию космизма из ряда других утопий на иной уровень: некий объект, в данном случае космическое пространство, представляющийся фантастическим и недостижимым на момент создания утопической теории космистов, не является её самоцелью. В концепции Н. Ф. Федорова [17] космос также является средством для решения концептуализированной им глобальной проблемы

будущего: перенаселения Земли вследствие воскрешения всех когда-либо умерших людей.

В представлении К. Э. Циолковского освоение космоса является закономерной ступенью развития цивилизации [22]. Дальнейшие вехи, в частности отказ от материальной формы существования, переход в состояние «лучистой энергии», невозможны без освоения космического пространства и небесных тел. К. Э. Циолковский положил начало теоретической космонавтике, ставя утопическую цель, но созданные им концептуальные представления о космических аппаратах и их характеристиках были воплощены в жизнь. Так, в работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами» [21] он определил последовательность шагов, необходимых для воплощения практической, материальной части идеального будущего. Многие из его выкладок значительно опередили время: например, Ю. А. Гагарин после полёта в космос в 1961 г. говорил, что реальное ощущение невесомости практически полностью совпадает с описанным К. Э. Циолковским. Похожая ситуация сложилась с идеями его последователей в теоретической и практической космонавтике: В. П. Глушко, С. П. Королёва, Я. И. Перельмана, Ф. А. Цандера и других.

Одной из основных черт русского космизма как направления философской мысли является восприятие космоса как неотъемлемого атрибута будущего развития человечества, среды, в которой цивилизация будет развиваться в обозначенных в разных концепциях рамках [1]. Помимо этого, как пишет И. А. Емельянова, «ценность философских и научных идей русских космистов состоит не только в изучении взаимодействий человечества и космоса, но главным образом в формировании антропокосмического мировоззрения» [3, с. 24]. В результате космос и Вселенная становятся частью мировоззренческой парадигмы поколения, космос проникает в массовую культуру и его освоение не видится более принципиально недостижимым [11].

Интересно, что само собой разумеющимся для космистов является не только освоение космического пространства как часть пути к достижению метафизических целей, но и планетарная общность человеческой цивилизации — и эта идея значительно повлияла не только на систему советской космонавтики, но и на представления о будущем человечества вообще. «В технократической утопии К. Э. Циолковского содержится научно обоснованная аргументация

развития универсума, хотя его учение об обществе будущего и носит утопический характер» [10, с. 94]. По сути, единая цивилизация планеты Земля как концепция возникает сразу при переходе на макроуровень восприятия, когда в представлениях философов появляется идея о взаимодействии человечества с космосом, с некими более крупными множествами, в которые включены человечество и Земля. Глобальные проблемы человечества ещё не были осознаны в тот период, однако это не помешало концептуализировать «ответ» без определённого «вызова»: человечество должно объединиться. С этой точки зрения раскрывается следующая грань парадигмального сдвига, вызванного возникновением философии космизма: «антропос» в антропокосмическом мировоззрении понимается не только как биологический вид, но и как планетарная общность индивидов. Эта идея характерна не только для русского космизма: такие же выкладки можно обнаружить в работах западных космистов (например, П. Т. де Шардена). Именно к этому лейтмотиву восходят научно-фантастические произведения второй половины XX века («Марсианские хроники» Р. Брэдли, «Конец детства» А. Кларка, «Приход ночи», «Лжец», «Сами боги» А. Азимова, «Чужак в чужой стране», «Луна — суровая хозяйка» Р. Хайнлайна на западе и «Полдень, XXII век», «Далёкая Радуга» А. и Б. Стругацких, «Туманность Андромеды», «Час быка» И. А. Ефремова, «Гость из бездны», «Гианзя» Г. С. Мартынова, повести К. Булычёва и многие другие). Однако, провозглашаемые утопией космистов идеалы всепланетарного единства, существование универсальной ноосферы, разумное развитие человечества так и не были воплощены в жизнь. Так, С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий считают, что «...человечество в шестидесятые годы (XX в. — прим. авт.) неверно прошло точку бифуркации. Оно не изменило вовремя императивов развития. Общие цели и стабильное будущее оказались принесены в жертву сиюминутным политическим выгодам и предрассудкам ушедшей эпохи» [6, с. 5].

Таким образом, влияние утопии космизма на развитие реальной социальной системы с позиции первого параметра можно охарактеризовать следующим образом: идейно организационная структура советской космонавтики создавалась людьми, принявшими космическое (и антропокосмическое) мировоззрение, инкорпорировавшими ценность познания космоса в

свою картину мира, основывавшими свои взгляды на теоретических и философских работах К. Э. Циолковского и его последователей. Это позволяет признать высокую способность социальной утопии космизма к формированию новой мировоззренческой парадигмы: антропокосмический подход вошёл практически в бытовое сознание людей и в некоторых случаях повлиял на формирование идентичности (противопоставление микрокосма Земли и населяющих её людей макрокосму Вселенной).

Воплощение прикладных концептов утопии космизма

Рассматривая влияние утопии космизма с точки зрения воплощения его прикладных составляющих, целесообразно сфокусироваться на технологических паттернах, позаимствованных из утопии в реальную космонавтику. Естественно-научный космизм в учениях К. Э. Циолковского и его последователей уникален тем, что единожды разработанная философская теория сразу же стала «обрастать» техническими подробностями, нацеленными на её достижение. Уже в «Исследовании мировых пространств реактивными приборами», как упоминалось выше, приводилась последовательность шагов, необходимых для осуществления метафизической экспансии человеческой цивилизации — и около половины этих шагов были осуществлены в той или иной технологической форме. «Своеобразие взглядов Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского и В. И. Вернадского состоит в том, что они стремились достичь симбиоза утопических и научных идей. Идеал будущего состояния социо-природного универсума дается ими в единстве со стратегией его достижения, то есть проективно, с присущими им верой в неограниченную мощь научного знания и культивированием науки» [10, с. 94].

Среди воплощённых в реальность технологических проектов стоит упомянуть такие феномены, как ракеты на жидком топливе, принцип многоступенчатости, ракетные поезда, газотурбинные двигатели, оптимальные траектории спуска ракеты, газовые рули для управления полётом и изменения траектории движения центра масс ракеты, использование компонентов топлива для охлаждения оболочки космического аппарата при вхождении в атмосферу Земли, концепция орбитальных станций, регенерация воды и воздуха и многое другое. Именно К. Э. Циолковский разработал одну из ключевых формул практической

космонавтики, получившую его имя — «формула Циолковского», которая связывает максимальную скорость ракеты в идеальных условиях с массой топлива.

Таким образом, говоря о втором параметре оценки влияния утопии на реальность, можно сделать вывод, что множество прикладных идей русского космизма были воплощены в действительности. Акцентуация на космосе как одновременно на объекте и пространстве конструирования будущего и достижения научно-технического прогресса создали устойчивую базу для воплощения футуристических идей космистов.

Утопия космизма и детерминация развития социальной системы

Анализ утопии космизма через призму третьего параметра позволяет оценить её прогностическую и детерминирующую силу. Так, «...атрибутивным свойством общественного идеала является его способность включаться в мотивацию человеческой деятельности и в этом качестве стать механизмом корректировки хода исторических событий» [16, с. 97]. С этой точки зрения космизм задал организационные рамки развития космонавтики не только с ценностной (мировоззренческой) и прикладной точек зрения, но и с организационной. В первом и втором случае можно говорить о частичной реализации: качественная оценка утопии с помощью этих параметров выявила высокие показатели влияния на социальную систему. Однако, с точки зрения организационной модели, утопия космизма реально детерминировала развитие системы достаточно недолгое время, отчасти в связи с обилием внешних факторов, дестабилизировавших её состояние (Великая Отечественная война 1941—1945 гг., создание биполярной политической модели мира и т. д.), отчасти в связи с относительно быстрым отказом от ключевых парадигмальных идей утопии, а именно от идеи планетарной общности. Необходимо отметить, что моделирующее и детерминирующее воздействие космизма было достаточно эффективным в определённый промежуток времени, связанный с фактическим началом космической эры [14]. Политические приоритеты задачи освоения космоса, которые ставились советским правительством, массовая культура некоторое время находились под влиянием идей космистов. Подобная ситуация складывалась и в западном обществе. Общий энтузиазм, подкреплённый реальными успехами кос-

мической отрасли, на определённый период (60-е годы XX в.) позволил утопии детерминировать развитие общества, и тем самым частично воплощать себя. На этом примере наблюдается интересный рекурсивный механизм: чем большее пространство занимает утопия в аксиологическом базисе социальной системы, тем большее культурное и политическое значение она принимает и посредством этого получает больше возможностей для воплощения. Данный процесс напоминает паттерны биологического мира со стремлением жизни к мультипликации в подходящих для этого условиях, что, в свою очередь, подтверждает целесообразность исследования утопий с использованием междисциплинарных и трансдисциплинарных инструментов.

Таким образом, рассматривая утопию космизма через призму третьего параметра, становится возможным качественно охарактеризовать утопию космизма как идею, способную сужать коридор возможностей для развития системы при наличии благоприятных условий, которые порождаются внешним политическим, научно-техническим, культурным и социальным контекстом, а также возможностью утопии трансформировать ценностный базис системы. Это отражает тот факт, что космизм обладает значительными аттрактивными свойствами.

Заключение

Анализ утопии русского космизма с помощью выработанных параметров позволил оценить возможность утопии изменять императивы развития целой системы через призму мировоззрения, научно-технического прогресса и детерминирования модели развития. Сила космизма заключается в технократической составляющей, которая позволяла утопии некоторое время поддерживать себя в силу релевантности научно-техническому прогрессу и научным приоритетам. Однако ценностные приоритеты, выделенные космизмом, оказались слабее амбиций политических структур реального общества. Таким образом, русский космизм видится как «сильная» утопия, способная при определённых условиях на частичное самовоплощение.

Рассмотрение русского космизма с точки зрения формирования мировоззренческой парадигмы показало, что утопия спровоцировала появление среди советских людей особого взгляда на космос и предложила идею планетарной общности. Если говорить о воплощении прикладных

концептов, стоит упомянуть, что основоположниками русского космизма была создана теоретическая база советской космонавтики, а их последователи воплотили эти идеи на практике: например, стержнем практической советской космонавтики стали ракеты на ЖРД, предложенные К. Э. Циолковским. Что касается детерминирующих функций утопии, русский космизм фактически исключил возможность развития советского социума без значительной ориентации на космонавтику и определил аксиологическую основу освоения космического пространства.

1. Бойко А. А. Ноосферная концепция В. И. Вернадского в контексте синергетических идей // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1 (70). С. 22—24.
2. Василькова В. Л. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб. : Лань, 1999. 480 с.
3. Емельянова И. А. К проблеме становления онто гносеологии русского космизма // Вестник ОГУ. 2012. № 7 (143). С. 24—27.
4. Желтикова И. В. Утопия как образ будущего // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). С. 302—311.
5. Заладина М. В., Шетулова Е. Д. Критерии и границы утопии как методологическая проблема // Вестник ВятГУ. 2016. № 8. С. 5—9.
6. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.
7. Ленников Р. В. Моделирование сложных информационно-зависимых систем на примере самоорганизации ноосферы // Вестник новых медицинских технологий. 2010. № 1. С. 145—146.
8. Лишутина О. А., Парамонова А. А., Валишина И. И. Родоначальник русского космизма // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2011. № 7. С. 379—380.
9. Лыткин В. В. Космизм и Российская культура // Наука. Искусство. Культура. 2016. № 4 (12). С. 74—81.
10. Лыткин В. В., Панов В. Ю. Социально-антропологическая программа русского космизма (постановка проблемы утопизма в русском космизме) // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 8 (205). С. 91—98.
11. Перельман Я. И. Межпланетные путешествия: [основы ракетного метания]. Изд. 10-е. Л. ; М. : Онти. Главная редакция научно-популярной юношеской литературы, 1935. 269 с.
12. Мелик-Гайказян И. В., Мелик-Гайказян М. В. Атрактивный менеджмент: методологические проблемы теории управления и философское обоснование понятия // Вестник ТГПУ. 2007. № 11. С. 36—40.
13. Нехамкин В. А. Неклассические модели общественной динамики в социальном познании

XX — начала XXI вв.: итоги и перспективы развития // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 18—29.

14. Нехамкин В. А. От альтернативной истории к контрфактическому моделированию // Человек. 2005. № 6. С. 56—61.
15. Пряхин В. Ф. Русский космизм и трансгуманизм // Приволжский научный вестник. 2012. № 8 (12). С. 44—59.
16. Русский космизм: история и современность: Место и роль науки и технологий в решении глобальных проблем современности. [б. м]. : Издательские решения, 2021. 316 с.
17. Сиземская И. Н. Место общественного идеала в системе нелинейных концепций истории // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 93—101.
18. Федоров Н. Ф. Философия Общего дела. М. : Эксмо, 2008. 752 с.
19. Хабибуллина З. Н. Роль утопического сознания в преобразовательной деятельности человека (на примере философии русского космизма) // Вестник ЧелГУ. 2010. № 20. С. 124—128.
20. Хабибуллина З. Н. Специфика утопических взглядов русских космистов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 3. С. 4—7.
21. Халуторных О. Н. Утопия в парадигме рациональности: социально-философский анализ // Гуманитарный вестник 2020. № 6 (86).
22. Циолковский К. Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами: переиздание работ 1903 и 1911 гг. с некоторыми изменениями и дополнениями Калуга : 1-я Гомтип. ГСНХ, 1926. 126 с.
23. Циолковский К. Э. Космическая философия : автор. сб. М. : Сфера, 2007. 496 с.
24. Pearlman E. The Resurgence of Russian Cosmism // PAJ: A Journal of Performance and Art. 2019. № 41 (2 (122)). P. 85—92.

References

1. Bojko A.A. (2016) *Uchenye zapiski OGU. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki*, no. 1 (70), pp. 22—24 [in Rus].
2. Vasil'kova V.L. (1999) *Porjadok i haos v razvitii social'nyh sistem: sinergetika i teorija social'noj samoorganizacii*. St. Petersburg, Lan', 480 p. [in Rus].
3. Emel'janova I.A. (2012) *Vestnik OGU*, no. 7 (143), pp. 24—27 [in Rus].
4. Zheltikova I.V. (2013) *Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo*, no. 9 (152), pp. 302—311 [in Rus].
5. Zaladina M.V., Shetuloва E.D. (2016) *Vestnik VjatGU*, no. 8, pp. 5—9 [in Rus].
6. Kapica S.P., Kurdjumov S.P., Malineckij G.G. (2001) *Sinergetika i prognozy budushhego*. Moscow, Jeditorial URSS, 288 p. [in Rus].
7. Lennikov R.V. (2010) *VNMT*, no. 1, pp.145—146 [in Rus].
8. Lishutina O.A., Paramonova A.A., Valishina I.I. (2011) *Aktual'nye problemy aviacii i kosmonavтики*, no. 7, pp. 379—380 [in Rus].
9. Lytkin V.V. (2016) *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, no. 4 (12), pp. 74—81 [in Rus].
10. Lytkin V.V., Panov V.Yu. (2015) *Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo*, no. 8 (205), pp. 91—98 [in Rus].

11. Perel'man Ja. I. (1935) *Mezhplanetnye puteshestvija: [osnovy raketnogo metanija]*. Leningrad, Moscow, Onti. Glavnaja redakcija nauchno-populjarnoj junosheskoj literatury, 269 p. [in Rus].
12. Melik-Gajkazjan I.V., Melik-Gajkazjan M.V. (2007) *Vestnik TGPU*, no. 11, pp. 36—40 [in Rus].
13. Nehamkin V.A. (2020) *Socium i vlast'*, no. 3 (83), pp. 18—29 [in Rus].
14. Nekhamkin V.A. (2005) *Chelovek*, no. 6, pp. 56—61 [in Rus].
15. Prjahn V.F. (2012) *Privolzhskij nauchnyj vestnik*, no. 8 (12), pp. 44—59 [in Rus].
16. Russkij kosmizm: istorija i sovremennost': Mesto i rol' nauki i tehnologij v reshenii global'nyh problem sovremennosti (2021). Moscow, Izdatel'skie reshenija, 316 p. [in Rus].
17. Sizemskaja I.N. (2006). *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 93—101 [in Rus].
18. Fedorov N.F. (2008) *Filosofija Obshhego dela*. Moscow, Jeksmo, 752 p. [in Rus].
19. Habibullina Z.N. (2010) *Vestnik ChelGU*, no. 20, pp.124—128 [in Rus].
20. Habibullina Z.N. (2010) *Izvestija VGPU*, no. 3, pp. 4—7 [in Rus].
21. Halutoryh O.N. (2020) *Gumanitarnyj vestnik*, no. 6 (86). [in Rus].
22. Ciolkovskij K.Je. (1926) *Issledovanie mirovyh prostranstv reaktivnymi priborami: pereizdanie rabot 1903 i 1911 gg s nekotorymi izmeneinijami i dopolnenijami*. Kaluga, 1-ja Gomtipografiya GSNH, 126 p. [in Rus].
23. Ciolkovskij K.Ye. (2007) *Kosmicheskaja filosofija*. Moscow, Sfera, 496 p. [in Rus].
24. Pearlman E. (2019) *PAJ: A Journal of Performance and Art*, no. 41 (2 (122)), pp. 85—92 [in Eng].

For citing: Khalutornykh O.N., Maksimova M.V. On the prognostic and modeling functions of the social utopias of Russian cosmists // *Socium i vlast'*. 2021. № 2 (88). P. 50—57. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-2-50-57.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-50-57

UDC 101.1:316.334.56

ON THE PROGNOSTIC AND MODELING FUNCTIONS OF THE SOCIAL UTOPIAS OF RUSSIAN COSMISTS

Olga N. Khalutornykh,

Moscow State University
named after M.V. Lomonosov,
Associate Professor of the Department Chair
of History of State and Municipal Administration,
the Faculty of Public Administration;
Moscow State Technical University
named after N.E. Bauman, Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Russian Federation, 119992,
Moscow, Lomonosovsky prospect 27/4,
E-mail: Olganik@yandex.ru

Maria V. Maksimova,

Moscow State University
named after M.V. Lomonosov,
first-year undergraduate student
of the Department of Economics
and Management in the Space Industry
of the Faculty of Space Research,
Bachelor of Political Science.
The Russian Federation, 119991,
Moscow, Leninskie gory, 1, bldg. 52,
E-mail: maria.mcsimova@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article is focused on analyzing the utopian direction of Russian cosmism and its influence on the Soviet cosmonautics and the development of society in the USSR. This philosophical theory was created in the period that made it possible to incorporate the applied aspects of utopia into scientific and technological progress and thereby embody a number of steps towards the outer space exploration. The authors have developed criteria and parameters for assessing the utopian component of the Russian cosmism theories, which made it possible to bring this construct to a higher level of abstraction and thereby create a working model for conducting such studies in the context of other utopias of models.

The purpose of the article is to show the influence of the Russian cosmism utopia on the cosmonautics development in the USSR, develop empirical criteria for evaluating the phenomenon. Achieving the goal required solving the following tasks: 1) considering and analyzing the subject matter of the cosmism utopia; 2) developing parameters for assessing the impact of utopia on the development of the social system; 3) applying the developed parameters

to assess the impact of utopian ideas on the development of the Soviet cosmonautics system.

Methods. Developing the theoretical model for assessing social utopias, as well as considering and analyzing the cosmism utopia, required the use of structural-functional and systems analysis. The research was conducted within the framework of a synergistic paradigm. Scientific novelty of the research. The article conceptualizes the concept of utopia. It is shown that most of the definitions of utopia as a socio-political ideal focus on the limitations of its existence: utopia cannot be embodied, often has an unscientific character, does not correlate with the real state of the system, i.e. definitions of utopia are often reduced to the negative format. The authors believe that the influence of utopia on society, as a rule, is positive. It is noted that, along with limitations, utopianism has certain unique essential features that qualitatively affect the social projects implementation. Utopia in the systemic understanding acts as a complex of ideas influencing the development of the system, being both internal (since it is created artificially and consciously by the very elements of the system) and an external factor of influence. Unlike Plato's eidos, the projection of which is reality, utopia is created inductively, but after its creation it again "descends" to the level of reality, since it begins to influence the social model in which it was created.

Results. The article discusses the prognostic and modeling functions of the social utopias of Russian cosmists. It has been proved that one of the essential functions of the Russian cosmism utopias is the formation of an ideal type, towards which, in a historical perspective, the real social system begins to strive. It is convincingly demonstrated that utopia acts as a cognitive support and inevitably forms the canvas along which society begins to move, defining the utopian model as an attractor, although such a goal is not always formulated when creating a utopia. This relationship makes it possible to assess the degree of influence of utopian ideas on the formation of reality in each specific case, which, in turn, provides an opportunity to answer the question of how and to what extent the utopian ideal type participates in determining the characteristics and parameters of a real social system.

Conclusions. It was found that the social utopia of cosmists as a cognitive concept is an important effective factor influencing the development of the space industry in the USSR. The parameters adopted in the study allow us to describe the measure of its influence as both an internal and an external factor on the development of the society in which it is implemented. The validity of perceiving the utopia of cosmists as a construct with a certain life cycle, the main part of which is the period of functioning, is stated. During this time period, utopian theory can have a significant impact on the actual development of society from various angles.

Keywords:

utopia,
Russian cosmism,
utopian model of society,
social development,
space exploration.

Для цитирования: Артемова О. В., Савченко А. Н. Тенденции развития городов в едином региональном пространстве (на примере Челябинской области) // Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 58—72. DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-58-72.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-58-72

УДК 332.12

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ В ЕДИНОМ РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на примере Челябинской области)

Артемова Ольга Васильевна,
Челябинский филиал Института экономики
УрО РАН, директор филиала,
ведущий научный сотрудник,
доктор экономических наук, профессор.
Российская Федерация, 454091,
Челябинск, ул. Коммуны, д. 68
E-mail: artemova.ov@uiec.ru

Савченко Анастасия Николаевна,
Челябинский филиал Института экономики
УрО РАН, старший научный сотрудник,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454091,
Челябинск, ул. Коммуны, д. 68
E-mail: savchenko.an@uiec.ru

Аннотация

Введение. В статье отмечена роль и тенденции развития городов в едином региональном пространстве. Рассматривался индустриальный регион, где экономическими центрами являются города моноспециализации (металлургия, машиностроение), формирующие расселенческий каркас региональной экономической системы. При этом связанность регионального пространства определялась контактами городов

в инфраструктурных сферах и возможностями агломерационных образований. Был проведен анализ городской среды городов в регионе, который выявил общие для них проблемы в организации урбанистического пространства. Было показано, что конкуренцию городов за человека можно выиграть, предлагая населению более комфортные условия труда и проживания, разнообразные социальные услуги, возможности использования агломерационных эффектов. **Научная новизна исследования.** Особенность авторского исследования заключалась в новом подходе к урбанизации как городского образа жизни, распространенного на совокупность разных по статусу и численности населения городов региона. При этом зоны притяжения и сосредоточения деловой и социальной активности связывалась с крупными городами и центрами агломераций региона, обеспечивающими совместное использование ресурсов, транспортной, социальной инфраструктуры.

Цель. Выявление ограничений и возможностей развития городов в едином региональном пространстве с учетом их связанности и взаимодействия.

Методы. Использована информационная база: статистические данные, научная литература, экспертные оценки. Уточнен понятийный инструментарий исследования. Проведен анализ демографической ситуации в городах — центрах агломерационных объединений региона. Представлена оценка состояния городской среды, выявлены диспропорции в ее организации. Апробированы подходы исследования на примере городов Челябинской области.

Ключевые понятия:

город,
городская среда,
связанность территории,
агломерация,
демографическая ситуация,
качество городской среды.

Введение

Крупные города региона являются экономическими центрами, создают опорный каркас регионального пространства, от которого зависит контактность городов, связанность экономического пространства региона и качество его урбанизированной среды.

В российской экономике есть признаки территориальных диспропорций в экономических и социальных структурах, ведущих к дезинтеграции единого социально-экономического пространства и снижению эффективности функционирования не только регионального, но и национального хозяйства [13]. Разделяя такие положения, отметим, что вопросы территориальной дифференциации, как правило, рассматриваются на региональном или межрегиональном уровнях, что позволяет выявить проблемы неравенства в развитии регионов, определить перспективы их развития с учетом социально-экономического выравнивания. При этом исследователями отмечается, что новая система пространственной организации и расселения России формируется хаотично и закрепляет в первую очередь сырьевую специализацию страны и транзитный характер развития многих регионов [12; 13]. Во многом это относится и к развитию экономического пространства внутри региона.

Действительно, существуют проблемы внутрирегиональных диспропорций пространственного развития территории, а города региона, с разной силой притягивая ресурсы, поляризуют экономическое пространство региона, усиливая его неоднородность.

В этой связи актуализируется вопрос о роли, перспективах развития и связанности городов, функционирующих в едином региональном пространстве. Сегодня приходит понимание ученых, специалистов, практиков того, что высокоурбанизированная среда, городской образ жизни формируется на основе взаимодействия экономических центров, как правило, крупных городов и городских агломераций, соединенных инфраструктурой и транспортными коммуникациями.

В настоящее время есть вопросы и к качеству городской среды в регионе. Исторически так сложилось, что многие годы игнорировались индивидуальные особенности территории и потребности населения в качественной среде проживания и окружающего ландшафта [1]. Городское пространство формировалось зачастую стихийным,

случайным образом; ткань городов имела и до сих пор сохраняет фрагментарный характер. При проектировании и строительстве жилья (особенно массовой застройки) специалисты часто не придавали должного значения вопросам городской среды, достаточности инфраструктуры. Слабо выражены социальные функции городского пространства, низка его наполняемость и активность пользователей.

Анализ городской среды городов в регионе выявил общие для них проблемы в организации урбанистического пространства: наличие маргинальных городских зон [9], признаки упадка старопромышленных территорий [10; 11]; диспропорции в развитии центральных и периферийных территорий [3]; ограничения развития промышленных территорий крупных городов, наличие значительных промышленных территорий в черте города [8]. Специалисты отмечают и такие проблемы в городах как искажение пропорций между жилыми, рекреационными и промышленными территориями; конфликт промышленной и социальной инфраструктуры; экологические проблемы в городе; присутствие маргинальных территорий природного и промышленного характера, утративших свои функции; снижение безопасности населения в связи с некачественной средой проживания, включая устаревшие объекты инфраструктуры. Эти проблемы в той или иной степени воспроизводятся в городах разной численности и статуса в рамках одного региона.

Выявленные проблемы свидетельствуют о ненадлежащей организации городского пространства и негативно сказываются на социальной среде, могут сопровождаться социальной разбалансированностью и конфликтами. Перед органами власти и местного самоуправления, специалистами, общественностью стоит задача поиска резервов для преобразования утративших свой потенциал (маргинальных) территорий с учетом выбора их нового функционального профиля, позволяющего развивать городское пространство в современных условиях. При этом необходимо, чтобы новые функции территорий и объектов вписывались в существующий городской контекст, отвечали потребностям горожан.

Сегодня урбанистические процессы значительно ускоряются и усложняются. Города, достигая определенной величины и зрелости, приобретают потенциальные возможности для дальнейшего роста. Разрастаются пригородные зоны, образуются обширные городские агломерации,

происходят изменения территориальной структуры городов и их пригородных зон. Это дает значительный социальный и экономический эффект [7].

Учитывая эти обстоятельства, авторы сосредоточили свое внимание на некоторых аспектах урбанистической проблематики и определили цель исследования: выявление ограничений и возможностей развития городов (в демографическом аспекте, с точки зрения качества городской среды), функционирующих в едином региональном пространстве с учетом их связанности и взаимодействия.

В этом контексте авторами рассматривалась территориальная связанность городов индустриального региона (Челябинской области). При этом исходили из положения о том, что города выполняют роль основы расселенческого каркаса регионального пространства, обеспечивая его связанность, а одной из перспективных форм взаимодействия городов и городских систем рассматривалась агломерация.

Данные и методы исследования

В данном исследовании авторы исходили из того, что современные города выступают опорными точками региональных урбанистических каркасов, которые призваны связать экономическое пространство субъектов и сгладить неравномерность внутрирегионального развития [6]. Для этого имеются возможности в виде огромного индустриального потенциала, концентрации производства и населения, которые сосредотачиваются в городах Южного Урала. Анализируя тенденции развития городов в пространстве промышленного региона (Челябинской области), мы придерживались выборки городов, являющихся центрами притяжения экономических ресурсов, человеческого капитала. Такие города являются зонами сосредоточения деловой и социальной активности, центрами формирующихся в регионе агломераций: Челябинской, Магнитогорской, Горнозаводской.

Информационной базой исследования явились стратегические и нормативно-правовые документы регионального развития, статистические данные, научная литература, аналитические документы, методические материалы и экспертные оценки относительно качества городской среды.

Для исследования развития городских территорий в региональном пространстве были использованы следующие подходы:

- демографический анализ численности населения городов Челябинской области — центров агломераций (по естественному приросту/убыли населения, по численности и направлению миграционных потоков);
- анализ агломерационных процессов в регионе и тенденции развития городов и городских систем в рамках агломераций (по степени связанности городских территорий, перспективам развития агломераций);
- оценка состояния и качества городской среды в городах регионального пространства (Челябинской области); сравнение условий проживания в административном центре — г. Челябинске с центрами соседних регионов: Екатеринбург, Тюмень, Уфой.

Апробация авторских подходов

Подходы, предложенные авторами, апробированы на примере городов Челябинской области. Для исследования были выбраны города (центры агломераций в регионе) промышленной моноотраслевой специализации, близкие по природно-климатическим условиям.

Характеристика исследуемых городов по численности населения представлена в табл. 1.

Административным центром региона и одновременно центром Челябинской агломерации является г. Челябинск — мегаполис, который концентрирует значимую часть населения региона (доля населения г. Челябинска в регионе составляет около 35 %), имеет наибольшую в регионе плотность населения, сосредотачивает деловую и социальную активность. Доминирующий сектор экономики Челябинска — промышленность (в основном металлургическое производство), определяющая его социально-экономическое развитие, формирующая почти 40 % валового муниципального продукта.

Челябинская агломерация представляет собой моноцентричную конфигурацию с центром в г. Челябинске и субцентром в г. Копейске. В ее состав входят городские округа: Челябинский, Копейский; муниципальные районы: Еманжелинский, Еткульский, Коркинский, Красноармейский, Сосновский, Аргаяшский, Кунашакский.

Вторым по значимости в регионе и центром Магнитогорской агломерации является г. Магнитогорск, население которого

Таблица 1

Характеристика городов Челябинской области

Города — центры агломераций	Агломерации	Год основания	Население, тыс. чел. на 01.01.2020	Площадь, кв. км. на 01.01.2020	Плотность, чел. на кв. км. на 01.01.2020
Челябинск	Челябинская	1736	1196,7	530	2257,7
Магнитогорск	Магнитогорская	1929	413,3	392	1054,3
Миасс	«Горный Урал»	1773	151,4	111,9	1353,6
Златоуст		1754	163,8	236	694

Источник: составлено авторами по информации Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: <https://chelstat.gks.ru/population> (дата обращения 10.06.2021).

составляет около 12 % от численности жителей региона, промышленность города относится к моноспециализированной и экспортоориентированной отрасли (металлургия), город удален от центра региона на 309 км. по трассе.

Магнитогорская агломерация представляет собой моноцентрическую структуру, в нее входят: Магнитогорский городской округ; муниципальные районы: Агаповский, Верхнеуральский, Кизильский, Нагайбакский и потенциально шесть муниципальных образований Республики Башкортостан.

Одним из центров полицентрической агломерации «Горный Урал» является г. Миасс, это моногород с преобладанием отраслей машиностроения, он удален от административного центра региона на 102 км. по трассе. Вторым центром агломерации выступает г. Златоуст, он также имеет статус моногорода с преобладанием предприятий машиностроительной отрасли, расстояние до административного центра региона 143 км. Расстояние между двумя центрами агломерации 41 км.

Особенностью горнозаводской агломерации является ее полицентрическая структура с ядрами — Миассом, Златоустом. Кроме того, в состав агломерации входят городские округа: Златоустовский, Карабашский, Миасский, Чебаркульский, Трехгорный, Усть-Катавский; муниципальные районы: Кусинский, Саткинский, Чебаркульский, Катав-Ивановский, Ашинский.

Демографическая ситуация в городах региона

Как отмечают ученые, российская статистика не позволяет оценивать развитие в границах крупных агломераций, они четко не определены, поэтому приходится ограничиваться анализом статистики городов [5]. Демографическая ситуация в городах региона представлена в табл. 2.

Данные табл. 2 показывают динамику численности населения городов. В Челябинске и Магнитогорске убывание в десятилетнем периоде началось с 2017 г. При этом прирост населения за десятилетний период составил в Челябинске всего 5,8 %, в Магнитогорске — 1,2 %. Это свидетельствует о незначительном росте населения крупных городов региона как центров соответствующих агломераций. При этом прирост населения в более крупной Челябинской агломерации выше, чем в Магнитогорской.

В Миассе за этот период численность населения была относительно стабильной, в Златоусте убыль населения за 10-летний период составила 6,3 %. В целом два центра горнозаводской агломерации показали снижение численности за этот период на 3,4 %.

Отметим и такую неблагоприятную тенденцию в динамике состава населения городов как снижение доли трудоспособного населения, что значительно увеличивает демографическую нагрузку, затрудняет экономический рост городов.

Кроме того, наблюдается снижение доли занятых на градообразующих предприятиях Магнитогорска, что отражено в Стратегии развития Челябинской области до 2035 г. Города Миасс и Златоуст уже длительное время переживают сокращение численности занятых на своих градообразующих предприятиях, относящихся к машиностроительной отрасли¹.

Динамика численности населения городов обусловлена многими факторами, важнейшими из которых являются показатели рождаемости, смертности, миграционных потоков. Отметим общую для всех анализируемых городов, независимо от их статуса по численности, тенденцию к снижению рождаемости (рис. 1).

¹ Стратегия социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553133071> (дата обращения: 10.06.2021).

Таблица 2

Численность постоянного населения городов Челябинской области, тыс. чел.

Город	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Челябинск	1131	1144	1156	1169	1183	1192	1199	1202	1201	1197
Магнитогорск	408	410	412	415	417	418	418	417	413	413
Миасс	151	150	150	150	151	151	151	151	151	151
Златоуст	175	174	172	171	170	169	168	167	165	164

Источник: составлено авторами по информации Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: <https://chelstat.gks.ru/population> (дата обращения 10.06.2021).

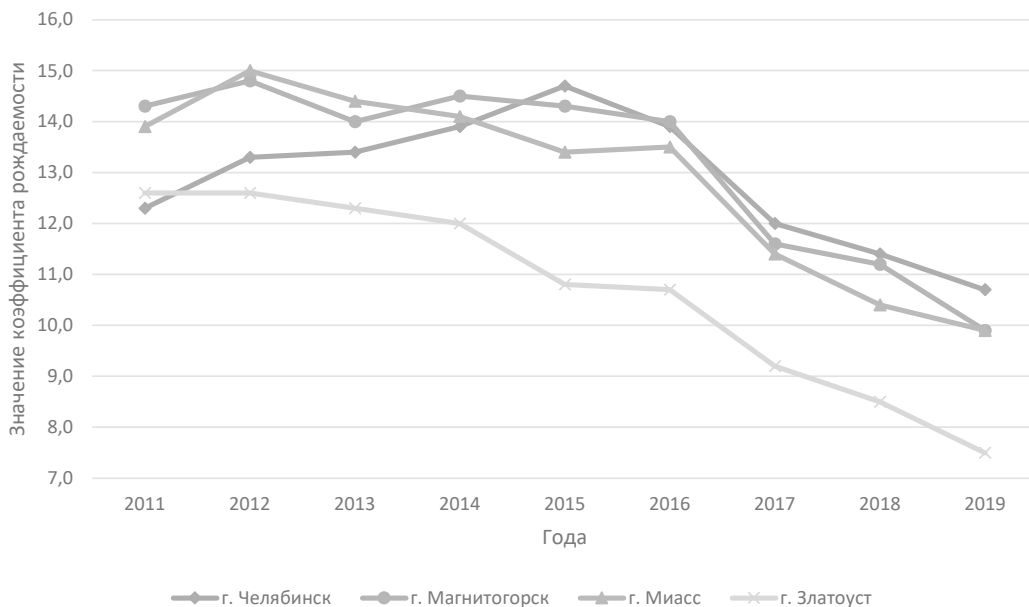

Рис. 1. Коэффициенты рождаемости в городах Челябинской области, на 1000 чел. населения

Построено авторами по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: <https://chelstat.gks.ru/population> (дата обращения 10.06.2021).

Динамика рождаемости в Челябинске, Магнитогорске, Миассе схожа и имеет тенденцию к снижению, но в Миассе коэффициент рождаемость ниже. Значительно хуже ситуация и Златоусте, где коэффициент рождаемости за десятилетний период ниже.

На демографическую ситуацию в городах влияют миграционные потоки. Их динамика в анализируемых городах также свидетельствует о ярко выраженной тенденции к снижению (рис. 2).

Для Челябинска и Магнитогорска характерен положительный, но убывающий миграционный прирост с 2011 по 2016 гг. Однако, уже с 2017 г. в Челябинске наблюдался отток мигрантов. В Магнитогорске в период 2017—2018 гг. также отмечался отток мигрантов.

В Миассе приток мигрантов незначительный. В Златоусте наблюдается отток мигрантов на протяжении десятилетнего периода. В целом следует констатировать, что миграционные потоки ослабевают, а в последние 3 года наблюдается отток мигрантов, города теряют возможность притягивать население, в основном трудоспособное, с других территорий.

Очевидно, что эти неблагоприятные симптомы не позволяют использовать миграционные процессы как источники роста большинства крупных городов, которые являются центрами притяжения и концентрации населения [13].

Следует констатировать, что отток населения из периферийных малых, средних и крупных городов РФ связан, как правило,

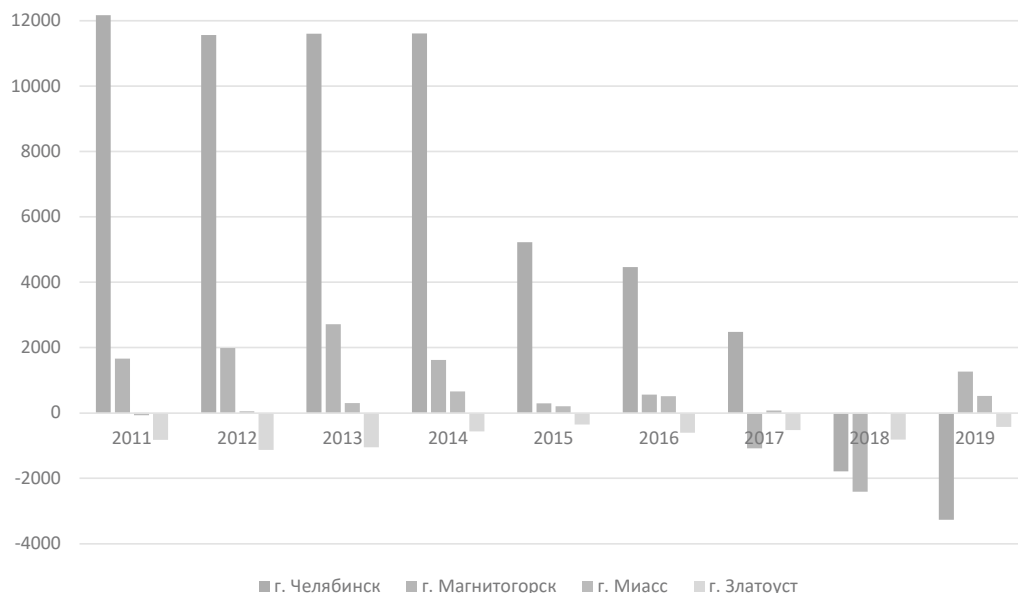

Рис. 2. Динамика миграционного прироста (убыли) городов Челябинской области

Построено авторами по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: <https://chelstat.gks.ru/population> (дата обращения 10.06.2021).

с молодежью, которая ищет более привлекательную и высокооплачиваемую работу, лучшие условия труда и комфортную среду проживания. Аналогичные процессы характерны и для Челябинской области: одни молодые люди стремятся с периферии региона к административному центру области, другие уезжают в столичные города, в соседние мегаполисы с лучшими условиями проживания, трудоустройства и отдыха. Итак, динамика численности населения в анализируемых городах в целом, и по составу населения имеет признаки разбалансированности и убывания.

Сильные центры субъектов РФ, как правило, имеют положительные демографические потоки с периферии своих и иных регионов. Демографические потоки с периферии Челябинской области (Миасс, Златоуст, частично Магнитогорск) к его центру — Челябинску достаточно слабые и не в полной мере компенсируют отток населения из мегаполиса. В то же время точками притяжения выступают города, расположенные в радиусе 350 км. от Челябинска: Екатеринбург, Уфа, Тюмень, которые конкурируют за привлечение людей на свою территорию, предлагая им лучшие условия проживания. Подтверждением этого является более благоприятная демографическая ситуация в этих крупнейших городах Уральского региона (табл. 3).

Данные таблицы свидетельствуют о повышательном тренде численности населения в представленных городах. За десятилетний период прирост населения в Екатеринбурге составил — 10,6 %; в Уфе — 5,9 %; в Тюмени — 39 %. Причем темпы прироста населения в Тюмени гораздо выше, чем в других городах. Напомним, что прирост населения в Челябинске за аналогичный период составил 5,8 %, при этом последние 3 года происходило падение численности населения города, и есть риск, что такая тенденция продолжится. Очевидно, что более сильные и активные города притягивают к себе население соседних регионов (рис. 3).

Решая демографические проблемы, в том числе за счет миграционных потоков, эти города — центры соседних регионов, наращивают человеческий капитал как мощный фактор своего развития. «Оттягивать» население эти города могут из Челябинска, а также с периферии области, к примеру, Магнитогорск, Миасс и Златоуст тяготеют по территориальному признаку к Уфе, северные города периферии Челябинской области ориентируются на Екатеринбург, а восточные — на Тюмень. Этот факт может воздействовать на перераспределение миграционных потоков не в пользу Челябинской области.

Таблица 3

**Численность постоянного населения городов:
Екатеринбурга, Уфы, Тюмени, тыс. чел.**

Город	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Екатеринбург	1350	1377	1396	1412	1428	1444	1455	1468	1483	1493
Уфа	1065	1072	1077	1096	1105	1110	1115	1120	1124	1128
Тюмень	581	609	634	679	697	720	744	768	788	807

Источник: составлено авторами по информации Федеральной службы государственной статистики. URL: rosstat.gov.ru (дата обращения 10.06.2021).

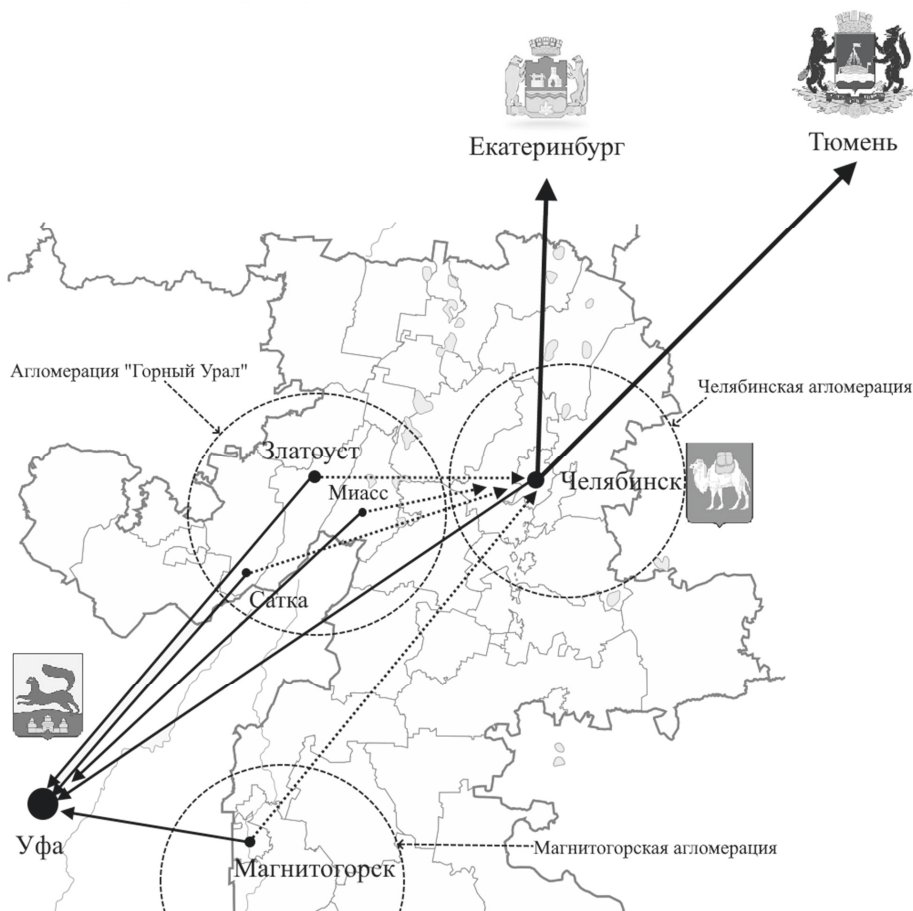

Рис. 3. Точки притяжения крупнейших городов в Уральском макрорегионе

Перспективы улучшения демографической ситуации в краткосрочном периоде не просматриваются. Так, по мнению ученых, на Урале и отчасти в Пермском крае многочисленные промышленные города будут в перспективе отдавать человеческие ресурсы крупнейшим агломерациям, хотя и с меньшей скоростью, чем традиционные миграции из села [5].

При решении демографических проблем в рамках региона необходимо исходить из изменений условий жизнедеятельности людей, влияющих на уклад, образ и стиль их жизни. Речь идет о технологической трансформации (в частности, цифровизации) практически всех сфер жизни человека, усложнении процессов урбанизации, возрастании экологической нагрузки, ухудшении эпиде-

миологической ситуации (пандемии) и др. При этом важно учитывать изменения условий и форм трудовой деятельности, например, касающихся мест приложения труда и проживания, которые могут не совпадать (дистанционная и онлайн работа, фриланс и др.). В этой ситуации предпочтения людей относительно места проживания меняются, часть городского населения предпочитает жить в пригороде, перемещаться в периферийные города, но при условии комфортности городской среды и качественной транспортной инфраструктуры.

Связанность экономического пространства региона

Представляется, что в рамках конкретного субъекта — Челябинской области, решение названных выше проблем связано с необходимостью усиления внутрирегиональной связанности, формированием такого расселенческого каркаса региона, который бы придавал устойчивость за счет взаимосвязей городов разной численности. В противном случае демографическая разбалансированность и неблагоприятные условия проживания, наряду с другими негативными факторами, могут усиливать деградацию территории, признаки которой наблюдаются в настоящее время. Это требует особого урбанистического подхода к исследованию регионального и городского пространств, суть которого в том, что урбанизация представляется в широком смысле как городской образ жизни, распространяемый на совокупность городов разной численности и статуса, расположенных на территории региона и связанных деловыми, инфраструктурными, социальными связями. Речь идет об усилении контактности городов в едином экономическом пространстве региона. Межгородские контакты могут реализоваться в рамках инфраструктурного взаимодействия: социально-экономического, логистического, информационного, культурного. Эффективной формой такого взаимодействия может быть агломерация, которая объективно протекает естественным путем, но может иметь ускорение за счет качественного институционального обеспечения.

К примеру, в Челябинской области разработан проект закона «О развитии агломераций в Челябинской области»; Стратегия социально-экономического развития Челябинской области до 2035 года (в которой определены границы и основные характеристики трех агломераций: Челябинской, Магнитогорской, Горнозаводской и двух

конурбаций: Северной и транспортно-логистической); схема территориального планирования Челябинской области; концепция развития агломерации «Горный Урал»; программа комплексного развития транспортной инфраструктуры Челябинской агломерации и др.¹

Мотором агломерационных процессов, по мнению специалистов, является возможность снижения издержек бизнеса и обеспечение лучших условий для удовлетворения спроса потребителей. Государство может помочь формированию агломераций, вкладывая ресурсы в инфраструктурные проекты, стимулируя интеграцию экономики и рынков труда близлежащих городов [5].

По нашему мнению, агломерации, формируемые в регионах, являются одной из перспективных форм внутрирегионального или межрегионального взаимодействия. Они способны обеспечивать связанность территории, препятствовать оттоку из них экономически активного населения, решать вопросы кооперационных связей, сбалансированного развития городских образований, качественной среды жизнедеятельности населения. Теснота связей городов может быть разной, от нее зависит эффект взаимодействия городов в разных сферах деятельности. Территориальная связанность городов в рамках региона представлена в табл. 4.

Специалисты отмечают, что возможности развития крупнейших городов (агломераций) и менее крупных региональных столиц различаются, но других ведущих центров модернизации в стране пока нет и не предвидится, как минимум, в среднесрочной перспективе. Если это так, то главная задача федеральных и региональных властей — поддержать естественные факторы роста этих городов, уже проявившиеся в период экономического подъема (улучшение инвестиционного климата и точечные госинвестиции в инфраструктуру, поддержка инновационных социальных программ, направленных на рост человеческого капитала и др.) [5].

Итак, отметим основные тенденции развития городов, функционирующих в едином региональном пространстве, выявленные в процессе анализа (рис. 4).

На рис. 4 отражены основные тенденции в функционировании и развитии

¹ Фонд «Институт экономики города». Анализ документов стратегического планирования и программных документов регионального и муниципального уровней на предмет отражения в них вопросов развития городских агломераций. URL: <https://www.urbanomics.ru/sites/default/files/aglacts2018.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

Таблица 4

Признаки связанности городов, функционирующих в едином региональном пространстве

Типологические признаки	Типы городов по их связанности		
	Существенная связь	Умеренная связь	Слабая связь
Территориальная связанность городов	Города, входящие в агломерацию	Города, входящие в конурбацию	Города вне агломерации и конурбации
Расселенческий радиус	До 20 км	20-40 км	Свыше 40 км
Развитие транспортной инфраструктуры	Тесная транспортная связанность (в т.ч. пригородного транспорта) и доступность центра агломерации, единые требования к транспортно-эксплуатационным свойствам автодорог	Транспортная связанность (в т.ч. межгородского транспорта), доступность ключевых экономических центров, улучшение эксплуатационных свойств автодорог	Транспортная связанность (в т.ч. межгородского и федерального значения), доступность ключевых экономических центров, улучшение транспортного парка и эксплуатационных свойств автодорог
Цель миграционных процессов	Деловая, образовательная, трудовая, социальная, переселенческая	Деловая, образовательная, трудовая, социальная, переселенческая	Деловая, образовательная, трудовая, переселенческая
Виды и временной фактор миграционных процессов	Челночно-маятниковая, дневная, понедельная	Челночно-маятниковая, понедельная	Челночно-векторная, понедельная

Источник: составлено авторами на основе [6].

Рис. 4. Основные тенденции развития городов в региональном пространстве

городов и городских систем в региональном пространстве. Эти тенденции (позитивного, нейтрального, негативного или более сложного характера) имеют объективную основу и характерны для многих российских регионов.

Так, в Челябинской области экономическое пространство поляризовано за счет стягивания материальных, финансовых и трудовых ресурсов в города Челябинск и Магнитогорск. Происходит расширение границ этих городов, с одной стороны, за счет выноса части предприятий за пределы городской территории; с другой — в связи с ростом пригородов, массовой жилой застройкой на периферии городов (при этом радиус расселения увеличивается). Связанность городов обеспечивается агломерационными образованиями, конурбациями, контактностью городов за счет инфраструктурного взаимодействия. Демографическая ситуация в городах региона ухудшается за счет снижения естественного прироста населения и миграционного оттока.

Констатируем, что негативные процессы в городах — один из симптомов неблагополучия, в основе которого факторы экономического, социального, экологического, психологического, урбанистического характера. Результирующее воздействие этих факторов свидетельствует о признаках недружественности города для населения. В такой ситуации важнейшей задачей остается социальная модернизация (повышение качества населения, улучшение социальной среды городов). Она транслируется в пространстве двумя путями — по иерархической системе городов (от крупнейших к менее крупным) и из центров агломераций на их периферию, в пригороды [5].

Качество городской среды

В настоящее время резко возрастает важность для людей условий проживания, которые могут стать решающим фактором при определении места жительства. Действительно, качество городской среды, разнообразие предлагаемых городом услуг, мероприятий, понимание перспектив его развития могут либо удерживать и притягивать население на свою территорию, либо отталкивать его в другие города — более сильные зоны притяжения.

Отметим, что индустриальный регион и входящие в него крупные, средние и малые города, другие муниципальные образования не следует рассматривать как исключительно производственные зоны, поскольку

это территории, где не только трудятся, но и проживают люди. Поэтому, не менее актуальным является проблема благополучия Человека в индустриальной среде [2].

Городская среда в индустриальном регионе с выраженной монотехнологической специализацией сформировалась исторически и имеет схожие для городов черты. Так, промышленные зоны занимают значительную долю городской территории (в Челябинске, к примеру, она составляет 24 %). В анализируемых городах присутствуют маргинальные зоны промышленного и природного характера.

Жилые зоны городов включают историческую застройку; жилые территории вокруг промышленных предприятий; спальные районы прошлых лет и современные многоэтажки. Жилая застройка городов составляет около пятой части городских территорий.

Городская инфраструктура (уличная, общественно-деловая и социально-досуговая) не вполне соответствует современным требованиям и, как правило, требует модернизации и ревитализации. Общественное пространство (объекты социальной, рекреационно-ландшафтной, историко-культурной направленности) многие годы складывалось бессистемно, фрагментарно и хаотично. Природные территории (водные объекты, лесные массивы), разделяющие ткань городов на части, обладают значительной протяженностью, поэтому затратны, требуют новых транспортных и логистических решений и обустройства.

Исторически сложившиеся в разные периоды, эти города до сих пор имеют черты города-завода, многие функции городов утратили свое значение, подверглись существенной трансформации в связи с беспрецедентными вызовами прошлого века, советского и постсоветского периодов. Все они имеют признаки убывания, подтверждением чего является неблагоприятное изменение численности населения городов, что отмечалось ранее.

Для подтверждения выявленных тенденций и проблем уральских городов по пространственной организации городской среды авторы использовали результаты исследований, проведенных по методике формирования индекса качества городской среды, утвержденной Правительством РФ. Разработчики методики использовали индикаторы, характеризующие шесть типов городской среды: жилье (группа 1), уличная инфраструктура (группа 2), озеленение территорий (группа 3), общественно-деловая инфраструктура (группа 4), социально-досуговая инфраструктура (группа 5),

общегородское пространство (группа 6). Каждая группа состояла из 6 индикаторов (индикатор оценивался от 0 до 10, а группа — от 0 до 60 баллов, при этом максимальное значение индекса — 360 баллов). Полученная в результате комплексная оценка городской среды характеризовала уровень комфортности проживания на соответствующей территории. При этом благоприятной средой считалось состояние городской среды, при котором количество набранных баллов составляло более 50 % максимального возможного количества баллов индекса города; неблагоприятной — количество набранных баллов составляло менее 50 %.

Индексы анализируемых городов за 2019 и 2020 гг. представлены в табл. 5.

Все анализируемые города в 2020 г. повысили свой интегральный индекс, определяющий качество городской среды, что свидетельствует о благоприятной динамике. Эти города, кроме Челябинска, набрали более 50 % от максимально возможного значения интегрального индекса. По экспертной оценке, наиболее проблемными зонами (с минимальными показателями) для Челябинска являлись уличная инфраструктура, общегородское пространство; для Магнитогорска — общественно-деловая инфраструктура, социально-досуговая инфраструктура; для Миасса и Златоуста — общественно-деловая инфраструктура. Кроме того, у всех этих городов была выявлена проблема недостаточного озеленения, что недопустимо для экологически неблагополучных территорий.

При этом наблюдалась интересная ситуация: в менее крупных городах оценка городской среды была выше, в то время как именно из них происходил отток населения. Объяснением такого феномена может быть то, что крупные города и центры агломераций предлагают гораздо больший комплекс разнообразных услуг (прежде всего социальных), обеспечивают большие

доходы населению, предоставляют возможности потребления общественных благ, что по важности «перевешивает» фактор комфорта городской среды. Практика показывает, что города растут и развиваются, благодаря грамотному градостроительному планированию, где наряду с хорошо организованной городской средой и наличием рабочих мест, привлекательность города определяется разнообразием выбора для жителей направлений своей жизнедеятельности. Однако, качественная среда средних и малых городов также имеет перспективы развития в рамках эффективно функционирующих агломераций, обеспечивая приток населения разного статуса и возраста. Объективной основой этому служат современные и более сложные урбанистические процессы, связанные с глобальными изменениями (в т. ч. пандемией): субурбанизация (перемещение населения в пригороды), внутрирегиональная маятниковая миграция (к месту работы), удаленный и онлайн режим работы, фриланс и др. Кроме того, перемещение населения в менее крупные города будет усиливаться в связи с ухудшением экологической ситуации в крупных городах, транспортными проблемами и т. п.

Важно отметить, что ранее обозначенные центры притяжения вне региона имеют следующие экспертные оценки: у Екатеринбурга 191 балл, у Уфы — 179 баллов, у Тюмени — 212 баллов. Это свидетельствует о более высоком уровне комфорта в этих городах, их конкурентоспособности в отношении привлечения населения, значительных возможностях прироста миграционных потоков, концентрации человеческого капитала на своих территориях.

В министерстве экономического развития Челябинской области справедливо считают, что в связи с ростом конкуренции с соседними городами (Екатеринбург, Уфа) перед Челябинском стоит важнейшая задача по удержанию человеческого ка-

Таблица 5

Индексы качества городской среды, 2019/2020 гг.

Город	Индикаторы, характеризующие типы городской среды						Интегральный индекс
	1	2	3	4	5	6	
Челябинск	33/36	23/27	23/28	25/21	29/29	28/29	161/170
Магнитогорск	45/45	27/32	20/19	30/25	32/34	30/34	184/189
Миасс	40/41	32/34	22/22	23/22	33/32	28/29	178/180
Златоуст	31/35	30/33	26/27	23/19	29/33	34/33	173/180

Источник: составлено авторами по: Индекс качества городской среды 2019, 2020. Сформирован Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. URL: <https://xn----dtbcccddtsyapabxk.xn--p1ai/#/> (дата обращения 10.06.2021).

питала. Для этого, в рамках Челябинской агломерации определены межмуниципальные проекты в следующих направлениях: снятие инфраструктурных ограничений за счет строительства и реконструкции коммунальной, инженерной и транспортной инфраструктуры; создание единой системы общественного транспорта; формирование и развитие инновационных высокотехнологичных кластеров; формирование современной образовательной среды, качественной и современной медицинской, культурной и социальной инфраструктуры; снятие экологических проблем и усиление межмуниципального взаимодействия.

Преодолеть признаки убывания анализируемых городов Челябинской области, «удержать» население — первоочередная задача. Для этого необходима разработка и реализация проектов реновации жилого фонда крупных городов Челябинской области с учетом благоустройства территорий; решение вопросов расселения граждан из ветхо-аварийного жилья; реализация проектов преобразования общественного пространства для повышения их привлекательности для жителей и туристов; реновация (реновация) участков и объектов промышленного назначения. Важно скоординировать для решения этих задач деятельность институтов и субъектов регионального развития: органов власти, местного самоуправления; бизнеса, общественных организаций, граждан, проживающих на территории Челябинской области.

Кроме того, необходимо создание системы оценки качества городской среды, позволяющей обеспечить проведение на постоянной основе оценки муниципальных образований с вовлечением в эту работу граждан. Такую оценку, к примеру, разрабатывают уральские социологи [4]. При этом следует, на наш взгляд, руководствоваться принципами гармонизации и индивидуальными особенностями среды городов в едином региональном пространстве. Речь идет об упорядочении территорий промышленных предприятий городов с ориентиром на оптимальный размер промышленных зон в границах города (лучшая российская практика — не более 10 %); ограничение или вынос экологически грязных производств за пределы городов.

Необходимо зонировать жилые зоны городов по принципам: «центр-периферия», этажности (малоэтажное и многоэтажное жилье), транспортной доступности к месту работы, отдыха, услугам. При этом важно осуществить реконструкцию и сохранение

исторически значимых и визуально интересных стилей жилой застройки (здания прошлых веков, советского периода), имеющих статус архитектурных памятников; обеспечить структурирование общественного пространства по назначению и функционалу: креативное и арт-пространство, спорт, отдых, развлечение, услуги и др.; озеленение жилой зоны городов, сохранение природного ландшафта. Интерес представляет использование в организации городской среды природных доминант: водоемов, лесных массивов, горного ландшафта. В этом случае развитие городской среды будет происходить в соответствии с идеями Национальных проектов, в частности «Жилье и городская среда», «Демография», которые реализуются на федеральном, региональном и местном уровнях. В регионе идет разработка новых и совершенствование существующих нормативно-правовых документов, направленных на создание качественной и комфортной городской среды и градостроительного облика.

Региональное пространство, как совокупность городских территорий, должно обеспечивать равные условия и возможности для благополучия и развития населения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет подвести итоги.

Авторский подход связан с поиском резервов развития городов в едином региональном пространстве, усилением их социально-экономического, демографического потенциала, стимулированием горизонтальных связей для принятия согласованных решений по развитию городов в пространстве региона. В противном случае города региона будут проигрывать в конкуренции за человека более сильным экономическим центрам.

Анализ показал, что в агломерациях и городах Челябинской области наблюдаются негативные демографические процессы, одна из главных причин которых связана с низкой рождаемостью и ее понижательной динамикой, что и определяет естественную убыль населения. Отток населения, в том числе трудоспособного, истощает человеческий и трудовой потенциал территории, ограничивает ее развитие в экономическом и социальном планах. По мере непропорционального развития центра и периферии субъектов РФ, усугубления стагнации в отдельных городских территориях региона, потери внутрирегиональной связанности,

оттока из них экономически активного населения актуализируются вопросы кооперационных связей, сбалансированного развития муниципальных образований, качественной среды жизнедеятельности населения.

Отмечено, что удержать население в регионе возможно через обеспечение контактности городов в едином пространстве субъекта РФ, связанности территорий посредством агломерационных образований, где будут лучшие условия проживания и трудовой деятельности, экологии и транспортной доступности к центрам агломераций и их социальной инфраструктуре. Важнейшим условием для этого являются инвестиции в транспортную и городскую инфраструктуру.

Оценка условий проживания в городах региона показала, что, как правило, такие города имеют проблемы с качеством городской среды, диспропорции в структуре и организации городского пространства. В то же время компаративный анализ состояния городской среды в Челябинске — областном центре, и мегаполисах соседних регионов (Екатеринбург, Уфа, Тюмень) выявил преимущества последних по условиям проживания населения и притяжение в свою орбиту граждан. В этой связи актуальна задача улучшения городской среды для притяжения людей в города региона с учетом разных социальных групп населения, поиск резервных территорий для развития. Необходимо использовать потенциал региона (Челябинской области) для преобразования городской среды и достижения социального консенсуса всех групп населения города.

Обозначенные проблемы формируют повестку властей всех уровней, социально ориентированного бизнеса и гражданского общества, в том числе местного сообщества. Авторами отмечено, что в последние десятилетия ориентир взят на реализацию стратегии по повышению благополучия, комфорта и безопасности проживания людей и в целом на повышение качества жизни населения, которые достижимы на основе развития современной экономической базы городов в едином пространстве региона.

Благодарности

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2021 г.

1. Агеев И. А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 79—84.

2. Артемова О. В. Направления и механизмы реализации пространственного развития индустриальных регионов // Вестник ЧелГУ. 2020. № 10 (444). С. 50—61.

3. Дворядкина Е. Б., Кайбичева Е. И. Центральные и периферийные территории старопромышленного региона в условиях трансформации экономического пространства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. Т. 3 (69), № 3, Ч. 2. 2017. С. 58—70.

4. Заборова Е. Н., Исламова А. Ф. Город как социальное пространство // Социологические исследования. 2013. № 2 (346). С. 97—101.

5. Зубаревич Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5—19.

6. Кутовой С. И. Взаимодействие городов как механизм развития регионального экономического пространства // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 6. С. 302—306.

7. Матовых Е.А. Современные тенденции в развитии городов и городских систем // ЭКО. 2012. № 2 (452). С. 182—189.

8. Миролубова Т. В., Николаев Р. С. Перспективы развития промышленных территорий крупных городов в региональной экономике // Ars Administrandi (Искусство управления). 2018. Т. 10, № 4. С. 569—597.

9. Ряпосов И. А. Регенерация маргинальных городских территорий как драйвер социально-экономического развития городов (анализ американского опыта) // Архитектура и современные информационные технологии. 2017. № 1 (38). С. 291—305.

10. Сорокина Н. Ю., Латов Ю. В. Эволюция старопромышленных регионов в экономике России // Вопросы регулирования экономики. 2018. Т. 9, №1. С. 6—22.

11. Тарасова О. В., Руднева В. А. Модели ревитализации старопромышленных территорий // ЭКО. 2017. № 7 (517). С. 53—71.

12. Федоляк В. С. Межрегиональные диспропорции социально-экономического развития сквозь призму базовых теорий региональной экономики // Известия Саратовского университета. Новые серии. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. № 1. С. 16—20.

13. Федоляк В. С. Трансформация пространственной организации хозяйства и расселения современной России // Известия Саратовского университета. Новые серии. Серия Экономика. Управление. Право. 2013. № 4-1. С. 538—542.

References

1. Ageev I.A. (2014) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 385, pp. 79—84 [in Rus].
2. Artemova O.V. (2020) *Vestnik CHelGU*, no. 10 (444), pp. 50—61 [in Rus].
3. Dvoryadkina E.B., Kajbicheva E.I. (2017) *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya*, vol. 3 (69), no. 3, part 2, pp. 58—70 [in Rus].
4. Zaborova E.N., Islamova A.F. (2013) *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 2 (346), pp. 97—101 [in Rus].
5. Zubarevich N.V. (2010) *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 5—19 [in Rus].
6. Kutovoj S.I. (2013) *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*, no. 6, pp. 302—306 [in Rus].
7. Matovyh E.A. (2012) *EKO*, no. 2 (452), pp. 182—189 [in Rus].
8. Miroljubova T.V., Nikolaev R.S. (2018) *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*, vol. 10, no. 4, pp. 569—597 [in Rus].
9. Ryaposov I.A. (2017) *Arhitektura i sovremennye informacionnye tekhnologii*, no. 1 (38), pp. 291—305 [in Rus].
10. Sorokina N.Y., Latov Y.V. (2018) *Voprosy regulirovaniya ekonomiki*, vol. 9, no. 1, pp. 6—22 [in Rus].
11. Tarasova O.V., Rudneva V.A. (2017) *EKO*, no. 7 (517), pp. 53—71 [in Rus].
12. Fedolyak V.S. (2019) *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novye serii. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, no. 1, pp. 16—20 [in Rus].
13. Fedolyak V.S. (2013) *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novye serii. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, no. 4-1, pp. 538—542 [in Rus].

For citing: Artemova O.V., Savchenko A.N.
Tendencies of city development
in a unified regional space
(as exemplified by the Chelyabinsk region) //
Socium i vlast'. 2021. № 2 (88). P. 58—72.
DOI: 10.22394/1996-0522-2021-2-58-72.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-58-72

UDC 332.12

TENDENCIES OF CITY DEVELOPMENT IN A UNIFIED REGIONAL SPACE (AS EXEMPLIFIED BY THE CHELYABINSK REGION)

Olga V. Artemova,

Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Branch Director, Leading Researcher,
Doctor of Economics, Professor.
Russian Federation, Chelyabinsk,
ulitsa Kommuny, 68.
E-mail: artemova.ov@uiec.ru

Anastasia N. Savchenko,

Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher, Cand. Sc. (Economics),
Associate professor.
Russian Federation, Chelyabinsk,
ulitsa Kommuny, 68.
E-mail: savchenko.an@uiec.ru

Abstract

Introduction. The article highlights the role and trends of urban development in a single regional space. The authors consider the industrial region, where the economic centers are the cities of mono-specialization (metallurgy, mechanical engineering), which form the settlement framework of the regional economic system. At the same time, the connectivity of the regional space was determined

by the contacts of cities in infrastructure areas and the possibilities of agglomeration formations. The authors analyze the urban environment of cities in the region, which revealed common problems for them in organizing urban space. It was shown that the competition of cities for a person can be won by offering the population more comfortable working and living conditions, a variety of social services, and the possibility of using agglomeration effects. **Scientific novelty of the research.** The peculiarity of the author's research was a new approach to urbanization as an urban way of life, extended to a set of cities of different status and population in the region. At the same time, the zones of attraction and concentration of business and social activity were connected with large cities and centers of agglomerations of the region, which ensure the joint use of resources, transport, and social infrastructure.

The purpose of the article is to identify constraints and opportunities for developing cities in a single regional space, taking into account their connectivity and interaction.

Methods. The authors use the information base: statistical data, scientific literature, and expert assessments to clarify the conceptual tools of the research and to analyze the demographic situation in the cities-centers of agglomeration associations of the region. The authors present the assessment of the state of the urban environment, and reveal the disproportions in its organization. The research approaches are tested on the example of the cities of the Chelyabinsk region.

Keywords:

city,
urban environment,
connectedness of the territory,
agglomeration,
demographic situation,
the quality of the urban environment.

Для цитирования: Маслова Т. Н.,
Нечеухина Н. С., Черненко А. Ф.
Выбор источника финансирования
реновации основных средств //
Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 73—85.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-73-85.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-73-85

УДК 329.273

ВЫБОР ИСТОЧНИКА ФИНАНСИРОВАНИЯ РЕНОВАЦИИ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ

Маслова Татьяна Николаевна,
Челябинский филиал АО «Халык-Лизинг»,
директор филиала.
Российская Федерация, 454020,
г. Челябинск, ул. Курчатова, 23
E-mail: maslovatn@bk.ru

Нечеухина Надежда Семеновна,
Уральский государственный
экономический университет,
заведующая кафедрой
бухгалтерского учета и аудита,
доктор экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 620219,
г. Екатеринбург, ул. 8 Марта /
Народной Воли, 62/45.
E-mail: nnecheuhina@yandex.ru

Черненко Алексей Федорович,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал РАНХиГС,
профессор кафедры экономики и менеджмента;
Уральский государственный
экономический университет,
профессор кафедры
бухгалтерского учета и аудита,
доктор экономических наук, профессор.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: 2052@bk.ru

Аннотация

Введение. Состояние основных средств и рациональное управление ими во многом определяют конкурентоспособность предприятия. Обновление производственной базы возможно как за счет собственных средств, так и за счет заемных. При выборе источников финансирования реновации основных средств важно оценивать влияние выбранного способа приобретения на движение денежных потоков и финансовый результат деятельности предприятия.

Цель. Оценить влияние выбранного способа финансирования приобретения основных средств на финансовые результаты предприятия и движение денежных потоков.

Методы. Сравнение, индукция, анализ, синтез, прямой счет, авторская методика оценки влияния источника реновации на финансовый результат деятельности предприятия и движение денежных средств.

Научная новизна исследования. Предложен дополнительный критерий оценки эффективности управления основными средствами предприятия: выбор наиболее оптимального способа приобретения, исходя из оценки его влияния на финансовые результаты деятельности, а также предложено дополнить варианты реновации основных средств использованием аренды, поскольку, в зависимости от хозяйственной ситуации, этот вариант может иметь финансовые преимущества перед кредитом, займом и лизингом.

Результаты. Спрогнозировано влияние способа финансирования приобретения основных средств (кредит, лизинг, аренда, собственные средства) на финансовый результат деятельности предприятия и денежные потоки. Разработаны общие подходы к методике выбора оптимального источника финансирования реновации объектов основных средств, выражающиеся в анализе влияния способа приобретения на движение денежных средств и финансовый результат деятельности предприятия.

Выводы. Приобретение основных средств в собственность не всегда целесообразно. В статье показано, что сравнимыми по эффективности являются не только кредитные или лизинговые операции, но и аренда. При выборе источника финансирования реновации основных средств необходимо сопоставлять расходы на приобретение имущества и их распределение по периодам, анализировать влияние способа их приобретения на финансовый результат деятельности предприятия и движение денежных средств.

Ключевые понятия:

основные средства,
лизинг,
аренда,
кредит,
финансовый результат.

Введение

Ведение бизнеса в условиях кризиса стимулирует собственников максимально эффективно использовать имеющиеся у них ресурсы, чтобы обеспечить бесперебойный процесс производства и продажи произведенной продукции, платежеспособность организации в ближайшей и долгосрочной перспективе, финансирование расширения производства.

Важнейшей составляющей производственно-технической базы любого предприятия являются основные средства, их эффективное использование положительно влияет на финансовое положение предприятия. Данное обстоятельство имеет настолько важное значение, что к нему не раз обращался Президент Российской Федерации В. В. Путин в своих выступлениях на различного рода конференциях и съездах. Для реализации поставленных Президентом задач на уровне предприятия необходима оценка состояния основных средств как в целом, так и по элементам, аргументированный план реновации, анализ эффективности использования основных средств, а также источников их воспроизводства.

В связи с этим очевидна важность обоснованного подхода к выбору источников финансирования обновления основных средств, оценке налоговых, финансовых и иных последствий этого выбора.

Каждая компания заинтересована в сохранности имеющихся у нее ресурсов, контроле их состояния, рациональном использовании, поэтому грамотный анализ и отражение в учете движения основных средств и источников их реновации является значимым для обеспечения высоких результатов хозяйственной деятельности в целом и эффективного использования основных средств, в частности.

Важные и актуальные задачи в части обновления основных средств предприятий, стремятся решить многие исследователи.

Так, например, Н. Л. Антонова, Л. А. Антонов [1; 2], Э. М. Бикметова [3], С. М. Мысенко [15] и другие авторы анализируют влияние выбранного способа на результаты деятельности компании и потенциальные возможности инвестиций в реновацию основных средств.

О необходимости регулярного обновления основных средств с целью повышения конкурентоспособности предприятий пишут Г. А. Польская, В. С. Польской [16], Н. А. Сушко, М. К. Кулигина [19], Л. Е. Зернова, С. И. Ильина [6], О. В. Жердева, С. А. Мул-

линова, А. В. Жердева [5]. Упомянутые исследователи отмечают важность научного исследования инструментов, с участием которых происходит воспроизводство основных средств.

Несмотря на высокую важность задач по анализу эффективности использования основных средств, по выбору и обоснованию источников финансирования обновления производственной базы, в настоящее время предприятия не закрепляют в учетной политике или иных локальных актах методологию, которая позволила бы решить все поставленные задачи и оценить эффективность принятых решений.

Отражение в амортизационной политике информации об источниках реновации основных средств

Стоимость основных средств, как правило, составляет значительную долю стоимости имущества предприятия. Поэтому все хозяйственные операции с ними имеют значимые последствия. Это приводит к необходимости создания цельной концепции подходов к управлению основными средствами.

Менеджеры предприятия, вне зависимости от их уровня в иерархии власти, в настоящее время не имеют в своем распоряжении руководящих материалов, позволяющих обоснованно принять то или иное решение в части основных средств.

По мнению авторов данной статьи, на каждом предприятии необходим документ или комплекс документов, который содержит алгоритм управления основными средствами предприятия: описание способов начисления амортизации и их обоснование, систему оценки эффективности использования основных средств, подробное указание на источники информации для такой оценки, план обновления основных средств, оценку источников реновации и последствий выбора источника, а также иные сведения, необходимые для управления основными средствами с целью обеспечения финансовой устойчивости предприятия.

Таким документом могла бы стать «Амортизационная политика предприятия». Амортизационная политика, безусловно, должна не только позволять выбрать наиболее оптимальные способы расчета амортизации, обосновать их, но и в результате расчетов получить данные, корректно отражающие влияние основных фондов на себестоимость продукции, степень обесценения основных

средств в процессе эксплуатации, а также получить возможность законным способом снизить налоги на прибыль и имущество. Немаловажной составной частью амортизационной политики должен быть раздел с описанием источников реновации, методикой прогноза последствий выбора источника.

Понимание необходимости и важности отражения в амортизационной политике информации об источниках реновации основных средств отражено в современной научной и учебной литературе. Н. В. Конципко [11] определяет амортизационную политику индустриальных корпораций как «собственный источник финансирования на расширенное воспроизводство основных производственных фондов предприятия» [11]. Автор относит амортизационные отчисления к собственным источникам финансирования и утверждает, что эффективная амортизационная политика позволяет постоянно увеличивать собственный источник реинвестирования». Однако данный взгляд представляется спорным. Амортизационные отчисления в настоящее время в том виде, в каком они существуют, — способ отнесения на расходы стоимости ранее приобретенных основных средств. В распоряжении предприятия сегодня при начислении амортизации остается сумма сэкономленного налога на прибыль, определяемая исходя из стоимости объекта основного средства и ставки налога на прибыль. Каким образом амортизационные отчисления, которые в конце срока списания составят первоначальную стоимость основного средства, формируют источник финансирования, автор не поясняет.

Наиболее соответствующее нашим взглядам определение дает А. Б. Фиапшев [20], который трактует амортизационную политику предприятия как «комплекс научно обоснованных мероприятий, направленных на своевременное и качественное обновление основных средств, формирование достаточного уровня амортизационных отчислений и их использование в соответствии с функциональным назначением с целью обеспечения непрерывного процесса воспроизводства с высоким уровнем эффективности». Однако автор также определяет амортизационные отчисления как источник воспроизводства основных средств, указывает на то, что «существует большой разрыв между начисленными и использованными организациями на инвестиции суммами амортизации. Это препятствует осуществлению простого воспроизводства»

», предлагает накапливать и использовать амортизационные отчисления. При этом А. Б. Фиапшев не приводит описание механизма преобразования начисленных сумм амортизации в денежные средства, которые можно инвестировать в обновление основных фондов. В то же время, в начале деятельности компании, при организации производства возможны крупные вложения в приобретение основных фондов, необходимых для реализации производственной деятельности. Кроме того, средства труда имеют различный срок службы, используются для разных целей и подлежат замене в разное время. Разрыв во времени при этом может составлять годы. Кроме того, А. Б. Фиапшев [20] считает, что в результате разрыва между начисленными и использованными на инвестиции суммами амортизации возникает опасность «самопроедания капитала», а также препятствие к осуществлению простого воспроизводства. При этом автор не учитывает, что приобретение основных средств на суммы, сопоставимые с максимальными первоначальными вложениями в организацию производства, далеко не всегда целесообразно — основные средства должны обновляться по мере необходимости, а не в связи с наличием свободных денежных средств.

Г. И. Золотарева, Н. В. Бахмарева обращают внимание, что при масштабной реновации предприятия не всегда своевременно контролируют изменения финансовом положении предприятия и результатах его производственно-хозяйственной деятельности в целом [7—9]. Авторы подчеркивают, что способом обновления основных средств необходимо грамотно управлять, чтобы сохранить стабильность развития предприятия.

А. А. Кухарчук [14], Н. И. Коровкина [12], И. С. Рязанцев [17], О. В. Сидоренко, Н. Н. Шабанникова [18], В. В. Кобзев, М. К. Измайлов [10], Т. М. Кузьмина [13], М. Р. Шабанова, Р. И. Шумяцкий [21] также называют прибыль и амортизационные отчисления собственными источниками реновации

Авторы [10; 12; 14; 17; 18; 21] отмечают, что источники финансирования основных средств могут оказывать влияние на финансовое положение предприятия. в числе собственных источников финансирования реновации объектов основных средств называет прибыль, амортизационные отчисления, страховые возмещения, полученные в покрытие потерь и убытков от страховых случаев. Для максимизации собственных источников А. А. Кухарчук [14] предлагает

формировать учетную политику, предусматривая в ней методы и способы начисления амортизации, позволяющие максимизировать чистую прибыль и амортизационные отчисления. Однако исследователи [10; 12; 13; 14; 17; 18; 21] не учитывают того, что при положительном финансовом результате у предприятия может быть недостаточно денежных средств для реновации. Такая ситуация возможна, когда выручка признана по методу начисления, повлияла на формирование финансового результата, но при этом покупатель не исполняет обязательства по оплате вовремя. Наконец, А. А. Кухарчук [14], Н. И. Коровкина [12], И. С. Рязанцев [17], О. В. Сидоренко, Н. Н. Шабанникова [18], В. В. Кобзев, М. К. Измайлов [10], Т. М. Кузьмина [13], М. Р. Шабанова, Р. И. Шумяцкий [21] не приводят механизма трансформации амортизационных начислений в деньги, необходимые для приобретения основных средств.

В монографии И. Н. Дмитриевой, А. Ф. Черненко [4] подчеркивается, что расходы на приобретение имущества в кредит, за счет займа и лизинга могут существенно варьироваться в зависимости от процентной ставки, в связи с чем для обоснованного выбора предпочтительного источника финансирования авторы предлагают методологию оценки последствий каждого варианта. Однако при этом не затрагивается вопрос аренды основных средств, хотя обновление дорогостоящего оборудования может быть наиболее эффективно именно при аренде основных средств.

Выбор способа приобретения основных средств без оценки его влияния на финансовый результат и денежные потоки предприятия может привести к недостатку средств на платежи по заработной плате и налогам, погашению обязательств перед кредитными организациями и поставщиками. При отсутствии анализа такого влияния возможно возникновение кассовых разрывов из-за приобретения основных средств, просрочка платежей по обязательствам. Поэтому существует необходимость в наличии документа или комплекса документов, в которых четко прописаны регламенты анализа эффективности использования основных средств, источников их реновации, а также влияния выбранных способов финансирования приобретения новых основных средств на финансовый результат и движение денежных потоков предприятия. Как упоминалось, таким документом могла бы стать «Амортизационная политика» предприятия, подобно тому, как для закрепляемых за предприя-

ем методов учета применяется документ под названием «Учетная политика».

Пример влияния амортизационной политики предприятия на финансовый результат и денежные потоки предприятия

В качестве обоснования своей позиции, рассмотрим влияние выбранного способа финансирования обновления основных средств на финансовый результат деятельности организации, а также на денежные потоки на следующем примере. Мы рассмотрим четыре источника появления у предприятия основных средств: приобретение за собственный счет, приобретение в лизинг, аренда и покупка в кредит, оценим финансовые последствия выбранного способа.

Транспортной компании в связи с расширением географии присутствия и ростом объемов грузоперевозок необходим грузовой автомобиль стоимостью 11 800 000,00 рублей. Автомобиль относится к V амортизационной группе (имущество со сроком полезного использования свыше 7 лет до 10 лет включительно). Согласно амортизационной политике предприятия, при выборе источника финансирования реновации объектов основных средств, необходимо оценить его влияние на финансовый результат предприятия, а также на движение денежных средств. В случае отсутствия средств для приобретения объекта основных средств в лизинг рассматриваются варианты приобретения в лизинг или в кредит. Также анализируется возможность аренды автомобиля, исходя из средней стоимости аренды 35 рублей за километр, в том числе, НДС 20 %. Согласно учетной политике предприятия, срок полезного использования для подобных автомобилей установлен 85 месяцев. Планируемая выручка от грузоперевозок составляет 4 377 600 рублей в год с НДС. Грузовой автомобиль планируется приобрести и ввести в эксплуатацию в январе 2021 года. Предполагаем, что каждый месяц грузовой автомобиль совершает пробег 8000 км. При аренде автомобиля стоимость арендная плата составляет 14 рублей за километр с НДС.

Сроки лизинга и кредита далеко не всегда сопоставимы со сроком полезного использования основных средств. Банки и лизинговые компании неохотно финансируют долгосрочные проекты, поэтому при расчетах используем наиболее реальные сроки: для лизинга, 37 месяцев (последний, 38-й платеж — выкупной) для кредита — 36 месяцев. Графики лизинговых платежей и платежей по договору кредита представлены в табл. 1.

Таблица 1

График платежей по договору лизинга и по кредитному договору

Месяц, год	Платежи по договору финансовой аренды (лизинга), руб.	Платежи по кредитному договору, руб.		
		Основной долг	Проценты	Платеж
Январь 2021	118 866,69	261 550,88	147 500,00	409 050,88
Февраль 2021	391 784,66	264 820,26	144 230,61	409 050,88
Март 2021	391 784,66	268 130,52	140 920,36	409 050,88
Апрель 2021	391 784,66	271 482,15	137 568,73	409 050,88
Май 2021	391 784,66	274 875,67	134 175,20	409 050,88
Июнь 2021	391 784,66	278 311,62	130 739,26	409 050,88
Июль 2021	391 784,66	281 790,52	127 260,36	409 050,88
Август 2021	391 784,66	285 312,90	123 737,98	409 050,88
Сентябрь 2021	391 784,66	288 879,31	120 171,57	409 050,88
Октябрь 2021	391 784,66	292 490,30	116 560,58	409 050,88
Ноябрь 2021	391 784,66	296 146,43	112 904,45	409 050,88
Декабрь 2021	391 784,66	299 848,26	109 202,62	409 050,88
Январь 2022	392 784,66	303 596,36	105 454,52	409 050,88
Февраль 2022	392 784,66	307 391,32	101 659,56	409 050,88
Март 2022	392 784,66	311 233,71	97 817,17	409 050,88
Апрель 2022	392 784,66	315 124,13	93 926,75	409 050,88
Май 2022	392 784,66	319 063,18	89 987,70	409 050,88
Июнь 2022	392 784,66	323 051,47	85 999,41	409 050,88
Июль 2022	392 784,66	327 089,61	81 961,26	409 050,88
Август 2022	392 784,66	331 178,23	77 872,64	409 050,88
Сентябрь 2022	392 784,66	335 317,96	73 732,91	409 050,88
Октябрь 2022	392 784,66	339 509,44	69 541,44	409 050,88
Ноябрь 2022	392 784,66	343 753,30	65 297,57	409 050,88
Декабрь 2022	392 784,66	348 050,22	61 000,66	409 050,88
Январь 2023	392 784,66	352 400,85	56 650,03	409 050,88
Февраль 2023	392 784,66	356 805,86	52 245,02	409 050,88
Март 2023	392 784,66	361 265,93	47 784,94	409 050,88
Апрель 2023	392 784,66	365 781,76	43 269,12	409 050,88
Май 2023	392 784,66	370 354,03	38 696,85	409 050,88
Июнь 2023	392 784,66	374 983,45	34 067,42	409 050,88
Июль 2023	392 784,66	379 670,75	29 380,13	409 050,88
Август 2023	392 784,66	384 416,63	24 634,25	409 050,88
Сентябрь 2023	392 784,66	389 221,84	19 829,04	409 050,88
Октябрь 2023	392 784,66	394 087,11	14 963,76	409 050,88
Ноябрь 2023	392 784,66	399 013,20	10 037,68	409 050,88
Декабрь 2023	392 784,66	404 000,87	5 050,01	409 050,88
Январь 2024	390 584,66			
Февраль 2024	2 200,00			
ИТОГО	14 248 114,45	11 800 000,00	2 925 831,55	14 725 831,55

Для того чтобы выбрать наиболее рациональный вариант приобретения грузового автомобиля, предприятие проводит анализ доходов и расходов, возникающих в каждом отдельно взятом случае. Для упрощения расчета не используем полную себестоимость грузоперевозок, которая включает заработную плату водителя, ГСМ и иные расходы. Расчет финансового результата по годам в случае приобретения представлен в табл. 2.

Ежегодный финансовый результат для каждого из вариантов реновации будет рассчитываться по формуле

$$ФР_r = Д_r - P_r, \tag{1}$$

где $ФР_r$ — финансовый результат по итогам деятельности за календарный год;

$Д_r$ — доходы предприятия за календарный год (без НДС);

Таблица 2
Оценка влияния выбранного источника приобретения объекта основных средств на финансовый результат предприятия

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	ИТОГО
Выручка с НДС, руб.	4 377 600,00	4 377 600,00	4 377 600,00	4 377 600,00	4 377 600,00	4 377 600,00	4 377 600,00	364 800,00	31 008 000,00
Выручка без НДС, руб.	3 648 000,00	3 648 000,00	3 648 000,00	3 648 000,00	3 648 000,00	3 648 000,00	3 648 000,00	304 000,00	25 840 000,00
<i>Приобретение за счет собственных средств</i>									
Амортизационные отчисления	1 272 549,02	1 388 235,29	1 388 235,29	1 388 235,29	1 388 235,29	1 388 235,29	1 388 235,29	231 372,55	9 833 333,33
Страхование ОСАГО	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	84 000,00
Замена колес		102 000,00		102 000,00		102 000,00		102 000,00	408 000,00
Финансовый результат до налогообложения	2 364 950,98	2 147 264,71	2 249 264,71	2 147 264,71	2 249 264,71	2 147 264,71	2 249 264,71	-39 872,55	15 514 666,67
<i>Приобретение в лизинг</i>									
Лизинговые платежи	3 690 414,96	3 917 846,60	3 917 846,60	326 487,22					11 852 595,38
Страхование ОСАГО	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	84 000,00
Замена колес		102 000,00		102 000,00		102 000,00		102 000,00	408 000,00
Финансовый результат до налогообложения	-52 914,96	-382 346,60	-280 346,60	3 209 012,78	3 637 500,00	3 535 500,00	3 637 500,00	191 500,00	13 495 404,63
<i>Приобретение в кредит</i>									
Амортизационные отчисления	1 272 549,02	1 388 235,29	1 388 235,29	1 388 235,29	1 388 235,29	1 388 235,29	1 388 235,29	231 372,55	9 833 333,33
Проценты по кредиту	1 544 971,72	1 004 251,58	376 608,25						2 925 831,55
Страхование ОСАГО	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	84 000,00
Замена колес	0,00	102 000,00	0,00	102 000,00	0,00	102 000,00	0,00	102 000,00	408 000,00
Финансовый результат до налогообложения	819 979,26	1 143 013,12	1 872 656,46	2 147 264,71	2 249 264,71	2 147 264,71	2 249 264,71	-39 872,55	12 588 835,12
<i>Аренда</i>									
Арендная плата без НДС	1 344 000,00	1 344 000,00	1 344 000,00	1 344 000,00	1 344 000,00	1 344 000,00	1 344 000,00	112 000,00	9 520 000,00
Страхование ОСАГО	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	10 500,00	84 000,00
Замена колес		102 000,00		102 000,00		102 000,00		102 000,00	408 000,00
Финансовый результат до налогообложения	2 293 500,00	2 191 500,00	2 293 500,00	2 191 500,00	2 293 500,00	2 191 500,00	2 293 500,00	79 500,00	15 828 000,00

P_r — расходы предприятия за календарный год (без НДС).

Состав расходов будет различным для каждого из вариантов приобретения автомобиля. Так, в случае приобретения за счет собственных средств величина расходов будет рассчитываться по формуле

$$P_r = A_{m_r} + C_r + M_r + I_r, \quad (2)$$

где A_{m_r} — амортизационные отчисления за календарный год;

C_r — расходы на страхование ОСАГО за календарный год;

M_r — расходы на замену колес за календарный год;

I_r — иные расходы.

При реновации за счет лизинга расходы будут исчисляться по формуле

$$P_r = ЛП_r + C_r + M_r + I_r, \quad (3)$$

где $ЛП_r$ — лизинговые платежи за календарный год без НДС.

Если предприятие принимает решение приобретать автомобиль за счет кредитных средств, то ежегодный размер расходов будет рассчитан по формуле

$$P_r = A_{m_r} + П_r + C_r + M_r + I_r, \quad (4)$$

где A_{m_r} — амортизационные отчисления за календарный год;

$П_r$ — проценты по кредиту за календарный год.

В случае аренды автотранспортного средства размер расходов будет рассчитан по формуле

$$P_r = A_{p_r} + C_r + M_r + I_r, \quad (5)$$

где A_{p_r} — годовые арендные платежи.

Итоговый финансовый результат за период n лет предприятие рассчитаем по формуле

$$\Phi Рит = \sum_{i=1}^{i=n} \Phi Рг_i, \quad (6)$$

где $\Phi Рит$ — итоговый финансовый результат за период n лет;

$\Phi Рг_i$ — финансовый результат по итогам каждого i -го календарного года.

Из данных табл. 2 следует, что для целей максимизации прибыли наиболее предпочтительный вариант приобретения за счет собственных средств, при этом варианте достигается максимальная прибыль. В данном случае никаких расхождений с общеизвестными рекомендациями нет. В случае, когда

собственных основных средств недостаточно, при выборе между лизингом и кредитом (займом) при сопоставимых ставках предпочтительнее лизинг, который позволяет равномерно распределить вычет по НДС по налоговым периодам, применять ускоренный коэффициент амортизации. Очевидна заинтересованность предприятия в возможности расплачиваться по своим обязательствам, что означает необходимость анализа влияния выбранного способа финансирования приобретения автомобиля на движение денежных средств предприятия.

В случае приобретения автомобиля за счет собственные средства ежегодное влияние этого источника финансирования на денежные средства предприятия на конец i -го года будет оцениваться по формуле

$$Одк_i = Одн_i + Вр_r - C_r - M_r + НДС_{возм} - НДС_{опл} - I_r, \quad (7)$$

где $Одк_i$ — остаток денежных средств на конец i -го календарного года;

$Одн_i$ — остаток денежных средств на начало i -го календарного года;

$Вр_r$ — годовая выручка с НДС;

$НДС_{возм}$ — НДС, предъявленный поставщиком автомобиля и заявленный к вычету;

$НДС_{опл}$ — НДС к оплате, исчисленный с выручки.

Если предприятие приобретает автомобиль в лизинг, ежегодное влияние выбранного источника финансирования на денежные средства предприятия на конец i -го года будет оцениваться по формуле

$$Одк_i = Одн_i + Вр_r - ЛП_r - C_r - M_r + НДС_{возм} - НДС_{опл} - I_r, \quad (8)$$

где $ЛП_r$ — годовые лизинговые платежи с НДС.

Если предприятие приобретает автомобиль в кредит, ежегодное влияние выбранного источника финансирования на денежные средства предприятия на конец i -го года будет оцениваться по формуле

$$Одк_i = Одн_i + Вр_r - К_r - П_r - C_r - M_r + НДС_{возм} - НДС_{опл} - I_r, \quad (9)$$

где $К_r$ — годовые платежи по кредиту;

$П_r$ — годовые проценты по кредиту.

Если предприятие арендует автомобиль, ежегодное влияние выбранного источника финансирования на денежные средства предприятия на конец i -го года будет оцениваться по формуле

$$\text{Одк}_j = \text{Одн}_j + \text{Вр}_r - \text{Ар}_r - \text{С}_r - \text{М}_r + \text{НДС}_{\text{возм}} - \text{НДС}_{\text{опл}} - \text{И}_r, \quad (10)$$

где Ар_r — годовая арендная плата.

Результаты расчета анализа влияния выбранного способа финансирования приобретения автомобиля на движение денежных средств предприятия представлены в табл. 3.

Из данных табл. 3 видно, что в случае приобретения автомобиля в собственность покупка за счет собственных средств сальдо денежных потоков и финансовый результат до налогообложения (прибыль) максимальны: за анализируемый период составят 15 515 тыс. руб. В случае, когда собственных основных средств недостаточно, при выборе между лизингом и кредитом предпочтительнее лизинг. Сальдо денежных потоков и финансовый результат до налогообложения (прибыль) за анализируемый период при лизинге составят 13 495 тыс. руб., при кредите — 12 589 тыс. руб. При этом в 1 и 2 годы в этом случае возникают значительные кассовые разрывы: 6196 тыс. руб. и 2660 тыс. руб. соответственно. Для сравнения: при лизинге кассовые разрывы в 1 и 2 годы составляют существенно меньшие суммы: 53 тыс. руб. и 435 тыс. руб. соответственно. В случае привлечения кредитных средств кассовый разрыв во 2 и 3 годы составит 678 тыс. руб. и 1949 тыс. руб. соответственно. Поэтому на этапе принятия решений важно оценивать положение предприятия в целом и влияние на него операций по приобретению имущества и получению доходов от его использования. Так, в случае потребности приобретения автомобиля в собственность, достаточности денежных средств, стремлении предприятия максимизировать прибыль и денежные потоки, отсутствии планов на инвестиции этих денежных средств в рассматриваемый период, предпочтительнее приобретение за счет собственных источников. Однако приобретение автомобиля в собственность не всегда целесообразно. Принимая решение о необходимости использования объектов основных средств в деятельности, необходимо рассматривать также возможность аренды. Чаще всего аренда менее рискованна для предприятия: нет многолетних обязательств, как в случае с кредитом и лизингом. Отсутствие в балансе долгосрочной кредиторской задолженности перед банком и лизинговой компанией делает компанию более привлекательной для потенциальных инвесторов. Одним из преимуществ договора аренды является более удобный

способ избавления от основных средств, в которых больше нет потребности: достаточно расторгнуть договор аренды. Конечно, договором могут быть предусмотрены дополнительные выплаты при досрочном расторжении по инициативе арендатора, но эти выплаты несопоставимы с выплатами по кредиту и лизингу.

С точки зрения финансового результата в приведенном примере наиболее привлекательна аренда грузового автомобиля: по итогам периода финансовый результат деятельности предприятия до налогообложения — прибыль 15 828 тыс. руб.

Безусловно, анализ влияния выбранного способа приобретения основных средств не должен ограничиваться только оценкой влияния на движение денежных потоков и на финансовый результат. Так, в случае достаточности собственных средств для реновации, необходимо сопоставить доход от размещения денежных средств на депозите, в векселях и прочих финансовых вложениях, оценить эффект от инвестиций в параллельный вид деятельности, если он есть. Также анализ должен проводиться, исходя из выбранного предприятием способа начисления амортизации. Но принципиальных отличий в подходы к выбору источника средств для реновации основных средств это не внесет. Также результаты будут отличаться в зависимости от сроков лизинга и кредита, которые могут быть одобрены для конкретного предприятия, требований лизинговой компании к размеру первоначального взноса и ставок платы за использование заемных средств.

Выводы

1. При выборе источника финансирования реновации основных средств необходимо сопоставлять расходы на приобретение имущества и их распределение по периодам, анализировать влияние способа их приобретения на финансовый результат деятельности предприятия и движение денежных средств. Способы приобретения основных средств существенно влияют на сальдо денежных потоков, и на финансовый результат деятельности предприятия. Максимальная прибыль достигается в случае приобретения имущества в собственность за счет собственных источников, однако, при этом на протяжении двух лет имеет место дефицит денежных средств, который нужно будет покрывать из другого источника. В случае сопоставимых ставок по кредиту и лизингу предпочтительней — лизинг,

Таблица 3
Оценка влияния выбранного источника приобретения объекта основных средств на движение денежных средств предприятия

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	ИТОГО
Выручка с НДС, руб.	4 377 600,00	4 377 600,00	4 377 600,00	4 377 600,00	4 377 600,00	4 377 600,00	4 377 600,00	364 800,00	31 008 000,00
<i>Приобретение за счет собственных средств</i>									
Оплата поставщику	-11 800 000,00								-11 800 000,00
Страхование ОСАГО	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-84 000,00
Замена колес		-102 000,00		-102 000,00		-102 000,00		-102 000,00	-408 000,00
Оплата НДС	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-60 800,00	-5 168 000,00
Возмещение НДС	1 966 666,67								1 966 666,67
Сальдо денежных потоков	-6 195 833,33	3 535 500,00	3 637 500,00	3 535 500,00	3 637 500,00	3 535 500,00	3 637 500,00	191 500,00	15 514 666,67
Остаток денежных средств	-6 195 833,33	-2 660 333,33	977 166,67	4 512 666,67	8 150 166,67	11 685 666,67	15 323 166,67	15 514 666,67	15 514 666,67
<i>Приобретение в лизинг</i>									
Лизинговые платежи	-4 428 497,95	-4 701 415,92	-4 701 415,92	-391 784,66					-14 223 114,45
Страхование ОСАГО	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-84 000,00
Замена колес		-102 000,00		-102 000,00		-102 000,00		-102 000,00	-408 000,00
Оплата НДС	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-60 800,00	-5 168 000,00
Возмещение НДС	738 082,99	783 569,32	783 569,32	65 297,44	0,00	0,00	0,00	0,00	2 370 519,08
Сальдо денежных потоков	-52 914,96	-382 346,60	-280 346,60	3 209 012,78	3 637 500,00	3 535 500,00	3 637 500,00	191 500,00	13 495 404,63
Остаток денежных средств	-52 914,96	-435 261,56	-715 608,16	2 493 404,63	6 130 904,63	9 666 404,63	13 303 904,63	13 495 404,63	13 495 404,63
<i>Приобретение в кредит</i>									
Оплата поставщику	-11 800 000,00								-11 800 000,00
Поступление кредита	11 800 000,00								11 800 000,00
Погашение кредита	-3 363 638,80	-3 904 358,93	-4 532 002,27						-11 800 000,00
Проценты по кредиту	-1 544 971,72	-1 004 251,58	-376 608,25						-2 925 831,55
Страхование ОСАГО	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-84 000,00
Замена колес		-102 000,00		-102 000,00		-102 000,00		-102 000,00	-408 000,00
Возмещение НДС	1 966 666,67								1 966 666,67
НДС к оплате	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-60 800,00	-5 168 000,00

Окончание табл. 3

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	ИТОГО
Сальдо денежных потоков	695 556,15	-1 373 110,52	-1 271 110,52	3 535 500,00	3 637 500,00	3 535 500,00	3 637 500,00	191 500,00	12 588 835,12
Остаток денежных средств	695 556,15	-677 554,37	-1 948 664,88	1 586 835,12	5 224 335,12	8 759 835,12	12 397 335,12	12 588 835,12	12 588 835,12
<i>Аренда</i>									
Арендная плата с НДС	-1 612 800,00	-1 612 800,00		-1 612 800,00	-1 612 800,00	-1 612 800,00	-1 612 800,00	-134 400,00	-11 424 000,00
Страхование ОСАГО	-10 500,00	-10 500,00		-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-10 500,00	-84 000,00
Замена колес		-102 000,00		-102 000,00		-102 000,00		-102 000,00	-408 000,00
Оплата НДС	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-729 600,00	-60 800,00	-5 168 000,00
Возмещение НДС с арендной платы	268 800,00	268 800,00	268 800,00	268 800,00	268 800,00	268 800,00	268 800,00	22 400,00	1 904 000,00
Сальдо денежных потоков	2 293 500,00	2 191 500,00	2 293 500,00					79 500,00	15 828 000,00
Остаток денежных средств	2 293 500,00	4 485 000,00	6 778 500,00					15 828 000,00	15 828 000,00

использование которого дает более высокую прибыль в сравнении с кредитом и по итогам трех лет деятельности меньший дефицит денежных средств. Однако приобретение основных средств в собственность не всегда целесообразно. Необходимо учитывать и анализировать такой важный вариант источника основных средств, как аренда. Так, нами показано, что максимальный финансовый результат может достигаться именно при аренде имущества. При этом аренда имеет ряд преимуществ по сравнению с кредитом и лизингом: отсутствие первоначального взноса, отсутствие многолетнего обязательства перед кредитором, меньшие финансовые последствия расторжения договора в сравнении с лизингом и кредитом.

2. Все возможные способы реновации основных средств необходимо прописывать в амортизационной политике предприятия. Также в амортизационной политике необходимо приводить методику анализа влияния источника реновации на финансовый результат деятельности и движение денежных средств предприятия. В противном случае, выбор способа реновации остается за сотрудником, который не всегда просчитывает возможные последствия для компании. Например, может быть «незаслуженно» обойден вниманием такой известный инструмент, как аренда.

Авторы рекомендуют приведенный в настоящей статье общий подход к оценке последствий выбора источника приобретения основных средств и влиянии этого выбора на результаты деятельности предприятия к использованию в практической деятельности.

1. Антонова Н. Л., Антонов Л. А. Простое и расширенное воспроизводство основных средств: ретроспектива и современные тенденции // Путеводитель предпринимателя. 2019. № 43. С. 16—25.

2. Антонова Н. Л., Антонов Л. А. Усиление роли амортизации как следствие роста значения основных средств: причины и предпосылки // Управление экономическими системами. 2019. № 7 (125). С. 1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41412919> (дата обращения: 06.04.2021).

3. Бикметова З. М. Принципы формирования амортизационной политики // Актуальные вопросы современной экономики. 2019. № 6-1. С. 272—282.

4. Дмитриева И. Н., Черненко А. Ф. Финансовый менеджмент и аудит лизинговых операций: монография. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2011. 203 с.

5. Жердева О. В., Муллинова С. А., Жердева А. В. Амортизационная премия как способ нало-

говой оптимизации // Вестник Академии знаний. 2018. № 5 (28). С. 118—123.

6. Зернова Л. Е., Ильина С. И. К вопросу обеспечения реализации проектов модернизации оборудования на текстильных предприятиях // Управление экономическими системами. 2019. № 4 (122). С. 43.

7. Золотарева Г. И., Бахмарева Н. В. Предпосылки использования учетно-аналитического обеспечения при плановом обновлении фонда основных средств // Вестник СибГАУ. 2016. Т. 17, № 2. С. 510—517.

8. Золотарева Г. И., Бахмарева Н. В. Контроллинг как инструмент учетно—аналитического обеспечения процесса обновления основных средств организации // Контроллинг. 2018. № 68. С. 74—79.

9. Золотарева Г. И., Бахмарева Н. В. Факторы, влияющие на эффективность процесса обновления основных средств предприятия // Аудитор. 2018. Т. 4, № 4. С. 43—47.

10. Кобзев В. В., Измайлов М. К. Тенденции использования и обновления основных средств российских машиностроительных предприятий // Организатор производства. 2020. Т. 28, № 3. С. 52—62.

11. Конципко Н. В. Развитие концептуальных подходов к амортизационной политике как собственному источнику финансирования корпорации // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 37. С. 153—168.

12. Коровкина Н. И. Выбор рационального источника финансирования инновационно-производственной деятельности промышленного предприятия // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 2-1. С. 67—74.

13. Кузьмина Т. М. Подходы к выбору амортизационной политики // Транспортное дело России. 2020. № 2. С. 18—20.

14. Кухарчук А. А. Оптимизация учетной политики фондоемких предприятий // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2019. № 3. С. 70—76.

15. Мысенко С. М. Методика определения величины амортизационного фонда из данных бухгалтерского учета // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 5 (89). С. 105—108.

16. Польская Г. А., Польской В. С. Перспективная направленность обновления основных средств на современном этапе // Интегративные тенденции в медицине и образовании. 2018. Т. 3. С. 101—107.

17. Рязанцев И. С. Формирование стратегии инновационного развития промышленных предприятий на основе его интегральной оценки : автореф. дис. ... канд. экон.наук. Орел, 2009.

18. Сидоренко О. В., Шабанникова Н. Н. Учетно-аналитическое обеспечение процесса воспроизводства основных средств на региональном уровне // Вестник аграрной науки. 2019. № 1 (76). С. 108—119.

19. Сушко Н. А., Кулигина М. К. Формирование механизма воспроизводства основных средств // Вестник Керченского государственного морского технологического университета. 2020. № 3. С. 120—131.

20. Фиапшев А. Б., Фиапшева Н. М., Бекшонов Т. В. Амортизационная политика организаций на современном этапе // *Международный бухгалтерский учет*. 2014. № 11 (305). С. 13—20.

21. Шабанова М. Р., Шумяцкий Р. И. Инвестиционный налоговый вычет как альтернатива амортизации // *Финансы и управление*. 2020. № 1. С. 103—113.

References

1. Antonova N.L., Antonov L.A. (2019) *Putevoditel predprinimatel'nykh*, no. 43, pp. 16—25 [in Rus].

2. Antonova N.L., Antonov L.A. (2019) *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami*, no. 7 (125), p. 1. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41412919>, accessed 06.04.2021 [in Rus].

3. Bikmetova Z.M. (2019) *Actualniye voprosy sovremennoy ekonomiki*, no. 6—2, pp. 272—282 [in Rus].

4. Dmitrieva I.N., Chernenko A.F. (2011) *Financial management and audit of leasing operations*. Chelyabinsk, Publishing center SUSU, 203 p. [in Rus].

5. Dzerdeva O.V., Mullinova S.A., Dzerdeva A.V. (2018) *Vestnik Akademiyi znaniy*, no. 5 (28), pp. 118—123 [in Rus].

6. Zernova L.E., Ilyina S.I. (2019) . *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami*, no. 4 (122), p.43, available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_39788245_51628243.pdf. Accessed 06.04.2021 [in Rus].

7. Zolotareva G.I., Bakhmareva N.V. (2016) *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta*, vol. 17, no. 2, pp. 510—517 [in Rus].

8. Zolotareva G.I., Bakhmareva N.V. (2018) *Kontrolling*, no. 68, pp. 74—79 [in Rus].

9. Zolotareva G.I., Bakhmareva N.V. (2018) *Auditor*, vol. 4, no. 4, pp. 43—47 [in Rus].

10. Kobzev V.V., Izmaylov M.K. (2020) *Organizator proizvodstva*, vol. 28, no. 3, pp. 52—62 [in Rus].

11. Kontsipko N.V. (2017) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, no. 37, pp. 153—168 [in Rus].

12. Korovkina N.I. (2018) *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki*, no. 2—1, pp. 67—74 [in Rus].

13. Kuzmina T.M. (2020) *Transportnoye delo Rossii*, no. 2, pp. 18—20 [in Rus].

14. Kukharchuk A.A. (2019) *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-economiceskogo instituta*, no. 3, pp. 70—76 [in Rus].

15. Mysenko S.M. (2014) *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta*, no. 5 (89), pp. 105—108 [in Rus].

16. Polskaya G.A., Polskoy V.S. (2018) *Integrativniye tendentsiyi v meditsine i obrazovanii*, vol. 3, pp. 101—107 [in Rus].

17. Ryazantsev I.S. (2009) *Formation of the strategy of innovative development of industrial enterprises on the basis of its integral assessment*. Thesis. Orel [in Rus].

18. Sidorenko O.V., Shabannikova N.N. (2019) *Vestnik agrarnoy nauki*, no. 1 (76), pp. 108—119 [in Rus].

19. Sushko N.A., Kulygina M.K. (2020) *Vestnik Kerchenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 120—131 [in Rus].

20. Fiapshev A.B., Fiapsheva N.M., Bekshokov T.V. (2014) *Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchet = International Accounting*, no. 11 (305), pp. 13—20 [in Rus].

21. Shabanova M.R., Shumyatskiy R.I. (2020) *Fi-nansy i upravleniye*, no. 1, pp. 103—113 [in Rus].

For citing: Maslova T.N., Necheukhina N.S., Chernenko A.F. Choosing a source of financing the fixed assets renovation // *Socium i vlast'*. 2021. № 2 (88). P. 73—85. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-2-73-85.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-73-85

UDC 329.273

CHOOSING A SOURCE OF FINANCING THE FIXED ASSETS RENOVATION

Tatiana N. Maslova,

Chelyabinsk branch of AO "Halyk-Leasing",
Branch Manager.
Russian Federation, 454020,
Chelyabinsk, ulitsa Kurchatova, 23
E-mail: maslovatn@bk.ru

Nadezhda S. Necheukhina,

Ural State University of Economics,
Head of the Department of Accounting and Auditing,
Doctor of Economics, Associate Professor.
Russian Federation, 620219,
Yekaterinburg, ulitsa 8 Marta /
Narodnoy Voli, 62/45.
E-mail: nnecheuhina@yandex.ru

Alexey F. Chernenko,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch, Professor
of the Department of Economics and Management;
Ural State Economic University, Professor
of the Department of Accounting and Auditing,
Doctor of Economics, Professor.
Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: 2052@bk.ru

Abstract

Introduction. The condition of fixed assets and their rational management largely determine the competitiveness of an enterprise. Updating the production base is possible both at the expense of their own funds and at the expense of borrowed

funds. When choosing sources of financing for renovating fixed assets, it is important to assess the impact of the chosen acquisition method on cash flows and the financial result of an enterprise.

The purpose of the article is to assess the impact of the chosen method of financing the acquisition of fixed assets on the company's financial results and cash flow.

Methods. Comparison, induction, analysis, synthesis, direct counting, the author's methodology for assessing the impact of the source of renovation on the financial result of the enterprise and cash flow.

Scientific novelty of the research. The authors propose an additional criterion for assessing the efficiency of managing fixed assets of an enterprise: choosing the most optimal method of acquisition, based on assessing its impact on the financial results of activities, and they also proposed to supplement the options for renovating the main environments using leases, since, depending on the economic situation, this option may have financial advantages over credit, loan and leasing.

Results. The authors predict the influence of the method of financing the acquisition of fixed assets (credit, leasing, rent, own funds) on the financial result of an enterprise and cash flows; develop the general approaches to the method of choosing the optimal source of financing for the renovation of fixed assets. **Conclusions.** The acquisition of ownership of fixed-capital assets is not always advisable. The article shows that not only credit or leasing operations, but also rent are comparable in efficiency. When choosing a source of financing for renovating fixed assets, it is necessary to compare the costs of acquiring property and their distribution by periods, to analyze the impact of the method of acquiring them on the financial result of the enterprise and cash flow.

Keywords:
fixed assets,
leasing,
rent,
credit,
financial results.

Для цитирования: Ершов Ю. Г. Права человека как юридическая фикция и социокультурная ценность // Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 86—94. DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-86-94.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-86-94

УДК 130.3

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИКЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ

Ершов Юрий Геннадьевич,

доктор философских наук,
профессор.

Российская Федерация, г. Екатеринбург.

E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию философско-правовой природы основных прав и свобод человека, которые трактуются как естественные и присущие человеку от рождения. Показано, что «естественность» прав и свобод является юридической фикцией. В действительности естественные права и свободы имеют социокультурный, то есть «искусственный» характер. Они закрепляют достигнутый уровень гарантий свободы личности и гуманности общественных отношений.

Ключевые понятия:

права человека,
идеализация,
юридическая фикция,
ценность,
естественное,
искусственное.

Введение

Идеология «естественных и неотчуждаемых» прав и свобод человека со времени окончания Второй мировой войны претендовала на роль безусловного критерия оценки стран — членов международного сообщества на соответствие их внутренней и внешней политики стандартам цивилизованного государства. Считалось, что конституционная и фактическая защищенность прав человека служат достаточно надежным показателем высокого уровня общественного развития: разумной социально-экономической организации и демократической политической системы. В теоретической модели правового государства основные права должны обладать непосредственным юридическим действием, а органы правосудия не только могут, но и юридически обязаны принимать решения, апеллируя к общепризнанным правам человека. Крах мировой системы социализма внушил иллюзию о «конце истории» и торжестве либерально-демократической идеологии, ценности которой рано или поздно разделят все государства земного шара.

Сегодня ситуация кардинально изменилась. Конфликтность современных геополитических отношений, гуманитарные интервенции в страны Азии и Африки, спорные решения ООН, Совета Европы, других международных организаций применительно к ряду государств во многом генерируются проблемой нарушения прав человека. Права человека все чаще становятся разменной монетой политических сделок, «двойных стандартов» в международных отношениях, прикрытием интересов властвующих элит, транснациональных монополий и т. п. Судебные реформы «молодых» членов Евросоюза — Польши и Венгрии бросают вызов устоявшимся представлениям о принципах правового государства применительно к правосудию и разделению властей. Гуманитарные интервенции в отношении репрессивных режимов трактуются как ширмы злонамеренных действий, лицемерно прикрываемых пафосом человеческой свободы, но в действительности ведущих к катастрофическим последствиям. Как в приснопамятные времена «холодной войны», геополитические «партнеры» обмениваются взаимными упреками в экстремизме. Поводом может служить все, что угодно: от выборов до разгона пикетов и демонстраций, которые взаимно интерпретируются в диаметрально противоположном духе. Обвинения в нарушении прав человека

ухудшают или осложняют дипломатические отношения, служат причиной санкций и информационных войн.

Различные, порой враждебные интерпретации доктрины прав человека ощутимо влияют на формирование силовых линий мирового геополитического пространства.

Но вот что интересно. За исключением небольшого числа стран-изгоев мало кто решается открыто бросить вызов идеологии основных (естественных, присущих от рождения, неотъемлемых и т. д.) прав и свобод человека. Как язвительно писал в 1978 году «реальной политике» советский писатель-диссидент Владимир Максимов: «Можно ожидать, что вскоре о правах человека заговорят даже крокодилы» [6, с. 117].

Правда, порой политические режимы авторитарных государств, в том числе образовавшихся в результате распада СССР, не более чем имитируют приверженность идеям прав и свобод человека. Они формально закрепляют их в своих конституциях, формально участвуют в международных организациях по контролю над их соблюдением. На деле же в них довлеют ментальные матрицы прошлого и государственно-политические практики, нацеленные на сохранение репрессивной машины государства, господствующего положения нового правящего класса. По своему смыслу эти практики или прямо противоположны идеям «неотчуждаемых и естественных прав», или существенно сужают их реализацию. Тем самым фактически легитимируются произвол и противоправная деятельность властей различного уровня, классовый характер суда и т. п.

Сыграл свою роль в негативном отношении к идеологии прав человека и рост международного терроризма, обостривший проблему ценностей безопасности. Во имя подлинной или мнимой безопасности люди готовы жертвовать своими правами. Дополняют ситуацию действия спецслужб, зачастую пренебрегающих правами человека при борьбе с террористической угрозой. Но, если в демократических странах происходит временное и контролируемое обществом сужение сферы прав человека в борьбе с терроризмом, то деспотические режимы стремятся к полному уничтожению этой сферы, широко используя политическую демагогию для самооправдания.

В какой мере освоение доктрины естественных прав и свобод человека и обусловленных ею конструкций правового государства проблематично для современной России? Об этом можно судить по следующим фактам:

- в Конституции РФ провозглашены в качестве основ конституционного строя идеологический плюрализм и многопартийность, свободные выборы, свобода предпринимательства, независимое правосудие и т. д. В реальности с отрицательной динамикой происходит деформация принципа разделения властей и системы их сдержек и противовесов. Произвол становится универсальной нормой действия обладателей властных полномочий. Правосудие трансформируется в рутинные процедуры вынесения наказаний, игнорирующие действительные обстоятельства, аресты производятся без адвокатов, начинают преследоваться сами адвокаты;
- в противоположность юридическому правопониманию, четко разделяющему право и закон, господствует позитивистское понимание права и законодателями, и судьями, и государственными служащими. Право с его формальной определенностью, с его четко прописанными процедурами, с его иерархией и неразрывной связью со справедливостью в России в значительной степени деформировано.
- из всех прав человека большинство российского населения освоило знание и практики защиты прав потребителя, при этом не испытывая потребностей в политических правах и скептически, а то и враждебно относясь правозащитной деятельности.

Попробуем разобраться в ситуации, в том числе учитывая те перекосы в защите прав человека, которые наносят ущерб единству и целостности общества как социокультурной системе.

Обсуждение

А. Ю. Сунгуров выделил пять основных смыслов, обычно вкладываемых в понятие прав человека. Во-первых, права человека как синоним свободы; во-вторых, права человека как отражение достоинства личности; в-третьих, права человека как притязание на обладание определенными предпосылками и возможностями; в четвертых, права человека как характеристика отношения «человек — государство»; и, наконец, права человека понимаются как инструмент ограничения власти [6, с. 90]. Опираясь на проделанный анализ, автор предложил

следующее интегративное описание: «Права человека — это понятие, тесно связанное с понятием свободы, понятие, отражающее как само достоинство человеческой личности, так и притязание на обладание конкретными возможностями, позволяющими сделать жизнь этой личности действительно достойной. Права человека являются одновременно и характеристикой отношений «человек — государство», и инструментом ограничения власти правительства (государства) над человеком» [8, с. 90—91]. В данном подходе содержатся возможности разрывания исходного определения в содержательную, многостороннюю концепцию. Но в нем не фиксируется генеалогия идеи естественных прав и свобод человека, не решается вопрос об их социокультурной природе. Между тем он требует концептуального ответа, т. к. некоторые трактовки природы права человека вызывают сомнение.

Например, для многих работ философско-правового и правоведческого характера свойственно буквальное понимание прав человека как притязаний на свободу в силу их трактовки как «естественных и неотчуждаемых». Свобода трактуется как качество, **естественно** присущее людям, отличающее их от иных живых существ. Права человека **естественны**, поскольку формируются независимо от воли государства и прежде их позитивации в законе; они — **неотчуждаемы**, так как государство не может их отменить или упразднить. Более того, на этом основании права человека рассматриваются как источник существования самого государства и его законов, как пределы публично-властных (в том числе и законодательных) полномочий. Для понимания сути проблемы важно подчеркнуть, что «естественные и неотчуждаемые» права человека первоначально определяются как притязания на не более чем абстрактную свободу, т. е. формально равную с другими людьми возможность самостоятельного (свободного от внешнего принуждения) выбора варианта своего поведения. Такой подход характерен для новоевропейских идеологов, борющихся с изживающим себя, поэтому — «искусственным» (ненормальным) — сословным феодальным обществом.

Абстрактность подобной свободы неизбежно создает противоречие, первоначально скрытое и неактуальное. Сегодня оно (противоречие) явно обнаруживается столкновением, с одной стороны, требований универсальности стандартов прав человека, закрепленных в международных конвенциях и, с другой, отклонений или даже

отрицаний этих стандартов в политической практике суверенных государств. В социально неоднородном обществе, как и в столкновении цивилизаций не может быть и речи о существовании универсальных ценностей, «конца истории» в обозримой перспективе человечества не предвидится.

При этом всегда актуален вопрос о доминирующей системе ценностей в том или ином обществе (цивилизации), векторе и динамике их развития. Само происхождение концепции естественных прав и свобод человека проблематизирует противоречие «универсальное — локальное», коль скоро впервые эта идея возникает в протестантизме во времена Реформации. Далеко не сразу эта концепция была принята католицизмом, православная же церковь, особенно российская, и по сей день относится к ней настороженно, оспаривая общепризнанность универсальных норм прав человека. В значительной мере не совпадают ценности европейского либерализма с идеалами других религиозных систем — ислама, иудаизма, буддизма и т. д. Существенно и то, что провозглашение приоритета общечеловеческих прав человека по отношению к национальному суверенитету, закрепленное в Уставе ООН было обеспечено (в определенном смысле — навязано) волей стран-победительниц во Второй мировой войне. (Советский Союз формально подписал учредительные документы и Декларацию прав и свобод, но не утруждал себя их соблюдением, апелляцию же к ним трактовал или как злостную политическую демагогию, или как антисоветскую пропаганду).

В общем плане отрицательное (от раздражения до ненависти) отношение к самой идее прав человека (равно как и вытекающим из нее правовым ценностям) присуще крайним полюсам политического спектра. На одном — радикализм правого, националистического толка; на другом — левый экстремизм. Обе идеологические ориентации присущи авторитарным государствам с полицейско-репрессивными режимами.

Проблема основных прав человека в последние годы обострилась массовым притоком беженцев в Европу из стран Азии, Африки, Ближнего Востока. Результатом скачкообразного роста миграции, стало небывалое — как по своей плотности, так и продолжительности — взаимодействие различных этносов, культур, конфессий в пределах европейских государств. Следуя либерально-демократическому законодательству, Европейский Союз распахнул двери потокам людей, бегущих от бедствий

и страданий, нищеты, вызванных гражданскими войнами и иными острыми конфликтами. Неустроенность жизни беженцев в принимающих государствах, сопряженная с радикально иной цивилизационной идентичностью, скученность в гетто ведут к угрозе сохранению национально-культурной идентичности принимающих государств. Нарушение стабильного этнокультурного воспроизводства выводят ксенофобию, шовинизм, расизм и т. п. за пределы маргинальных групп. Социально-психологическая реакция на угрозу потери идентичности становится болезненной и приобретает политический характер, питая правый популизм. Совместное существование различных государств, этносов и конфессий чревато риском конфликтов между ними и последующих непредсказуемых по разрушительности последствий в жизни людей и государств. Напряженности, создаваемые этнокультурными различиями, борьба за материальные и символические ресурсы между этнокультурными группами, и в ближайшей, и в отдаленной исторической перспективе, неустраимы.

В государствах западной цивилизации доминирующее положение приобрела идея толерантности к иным мнениям и обычаям, особая тщательность во внимании к особенностям образа жизни тех или иных меньшинств, защите их ценностей от дискриминации. Толерантности отводится роль одного из важнейших способов их предотвращения. стабилизации межгрупповых отношений. Задача политики толерантности состоит в минимизации рисков, которыми этнокультурная конкуренция грозит соблюдению прав человека.

Но требование полного безразличия (индифферентности) в отношении межгрупповых различий, в том числе этнокультурных, утопично, особенно в случае роста экономической и политической напряженности в обществе.

Странники мультикультурализма настаивают на праве этнических и религиозных групп соблюдать свои обычаи в отношениях мужчин и женщин, в том числе — на подчиненном положении женщин в семье и обществе, включая, например, их обязанность носить хиджабы. Приверженцы приоритета индивидуальных прав человека выступают против любых форм дискриминации женщин.

Тем самым камнем преткновения становится вопрос о пределах толерантности. За требованием права каждой культуры на собственный путь развития, самобытность

и своеобразие могут скрываться как стремление к самоизоляции, так и маскировка авторитарно-репрессивных практик. Принцип толерантности критикуется как консерваторами (за нигилизм — разрушение традиционных ценностей культуры), так и релятивистами, полагающими толерантность в условиях ценностного плюрализма вещью устаревшей и не достижимой, поскольку плюрализм делает невозможным достижение какого-либо консенсуса в обществе. Казалось бы, соблюдение прав человека означает признание и уважение этнокультурных различий, поскольку индивид в норме реализует свою личность в рамках собственной культуры. Но тогда неизбежно возникает вывод о невозможности оценочного сравнения различных этнокультурных систем.

Критика любой правозащитной идеологии сплошь и рядом основана на обвинениях плюралистов в «воинственном отрицании традиционалистских взглядов», представляющих собой ориентации на абсолютные нравственные ценности. Разумеется, сразу возникает вопрос о трактовке «абсолютных ценностей». В контексте постнеклассической рациональности универсальность («абсолютности») ценностей, в том числе правовых, отрицается в принципе. Социокультурная реальность понимается как многообразная, вероятностная, нестабильная, сложная и непредсказуемая. Идея абсолютных ценностей с необходимостью приводит к манихейскому взгляду на мир, поскольку отрицание принципа относительности морали с необходимостью ведет к навязыванию силой единственно возможной версии ценностей. Защита нравственных устоев общества объективно возможна или преимущественно силами самого общества или принудительно-репрессивной силой государства.

Неустраимая субъективность оценки значимых событий приводит к существенным различиям, а то и диаметральной противоположности квалификаций происходящего. Действия, направленные на защиту государственного суверенитета (борьба с сепаратизмом), могут определяться как нарушение права нации на самоопределение, «гуманитарная интервенция» при массовом нарушении прав человека может быть признана вторжением во внутренние дела государства, то есть попранием государственного суверенитета.

Многообразие культур, ситуации постоянной нестабильности и непредсказуемости во взаимоотношениях государств и их блоков, сопровождаемые ценностными кон-

фликтами, требуют поиска новых способов цивилизованного разрешения конфликтов.

Что может стать всеобщими правилами действия, претендовать на статус если не универсальных, то хотя бы общезначимых норм? Будем помнить при этом, что «сегодня стала очевидной завышенность претензии человеческого Разума, которую можно обозначить как «миф позитивного права», построить идеальную (завершенную, непротиворечивую, охватывающую все возможные юридически значимые ситуации) правовую систему» [9, с. 10]

Ценность права во многом состоит в обеспечении стабильного функционирования и поступательного развития социума. В каждую конкретно-историческую эпоху, в границах определенной цивилизации создаются нормы, которые функционально значимы для сохранения идентичности единичного общества, его уникального Космо — Психо — Логоса. Как отмечал В. А. Бачинин, «Естественное право не тождественно действующему законодательству (положительному праву), предполагая глубинные связи со всей целостностью нормативно-ценностного континуума мировой культуры, с религиозными, нравственно-этическими и метафизическими принципами, расширяющими и углубляющими его юридическое содержание. [2, с. 75].

Глобализация делает правомерной подобную постановку вопроса применительно к человечеству в целом. Но уголовно-правовых запретов убийства, кражи, грабежа и других преступлений сегодня мало. Для нормального функционирования современного общества необходимы вполне определенные конституционные и гражданско-правовые нормы. Они охраняют право частной собственности, запрещают политическую и экономическую монополию и др. Подлинная демократия невозможна вне норм, регулирующих свободные и регулярно проводимые выборы, свободу средств массовой информации, многопартийность и др. Фундаментом подобных политико-правовых систем в современном мире и выступают основные, сиречь, естественные права и свободы.

Но если в множестве субъективных прав выделяются «естественные» права, то логично предположить, что все иные права должны быть определены в качестве искусственных.

Так и полагают Г. Ч. Синченко и Н. М. Николаенко: «ясно, что оперирование понятием естественных прав предполагает разбиение всего универсума субъективных прав на естественные и иные, которые,

вообще говоря, было бы логично назвать искусственными. Однако во избежание отвлекающей внимание коннотации «искусственного» с «поддельным» остановимся на прилагательном «вторичные». В самом деле, если естественные права — базисные, первичные, то иные от них производны и, соответственно, вторичны» [7, с. 47]. Например, роль пусковой причины возникновения неотчуждаемого права играет единственный юридический факт — рождение человеческого индивидуума. Вторичные же права образуются уже в силу не менее двух фактов — для возникновения права на защиту диссертации к рождению добавляется получение высшего образования etc. По нашему мнению, именно прямой смысл антитезы «естественного» и «искусственного» проясняет социокультурную ценность и правовую фикционную конструкции «естественных» прав и свобод. «Естественное» и «искусственное» образуют категориальную пару, фиксирующую разные, но обретающие смысл во взаимном противопоставлении аспекты предметов социогуманитарного познания, образуя тем самым и особый познавательный принцип. В соответствии с этим принципом любой феномен культуры может рассматриваться и как результат целеполагающей человеческой деятельности и как процесс, протекающий по объективным законам.

Квалификация процессов и отношений в категориях искусственного и естественного определяет терминологическую форму выражения этих процессов и отношений: искусственное выражается в терминах норм, проектов, целей, естественное — в терминах законов, описаний и моделей.

Этимология слова «естественный» полисемантическая, но среди всего многообразия его смыслов нас интересуют в первую очередь значение нормальности, обусловленности самим ходом развития, его внутренней логикой. То есть, уже предварительно можно утверждать, что естественные права и свободы являются закономерным результатом поступательного хода всемирной истории. Почему же тогда ставится вопрос об их юридически фикционной природе?

Для этого необходимо выяснить гносеологическую природу как теоретической фикции вообще, так и правовой фикции. Теоретическая фикция применяется в самых разных формах духовной и теоретической деятельности, в том числе как юридико-технический прием во всех отраслях права. Правовая фикция, в самом общем виде — это несуществующее положение, но в силу

определенных соображений признаваемое законодателем как действительно существующее и ставшее в силу этого обязательным. Как отмечает Е. С. Аничкин, «по сути, фикция выступает в качестве особого приема юридической техники, позволяющего исключить избыточность правового регулирования, восполнить пробелы в праве, упростить правовое регулирование чрезмерно сложных правовых отношений и в целом оптимизировать нормативную систему» [1, с. 89].

Правовая фикция, будучи закрепленной в норме права, становится общеобязательной. Императивный характер фикции предписывает понимание ситуации, сконструированной при ее помощи как реального положения вещей.

Формально создание правовой фикции произвольно, в отличие от правовой аксиомы или презумпции, имеющих в основе своего закрепления определенные основания. Но эта произвольность условна, так как применение фикции в качестве регулятора целесообразно получением необходимого результата, созданием и развитием общественно необходимого правоотношения. Конструируя условную реальность, регуляция которой закреплена нормативно, и является обязательным предписанием, правовая фикция делает это открыто и недвусмысленно.

К определению правовой фикции как изначально ложного предположения порой добавляют, что его ложность не опровергается, поскольку в этом просто нет смысла. С таким подходом невозможно согласиться, поскольку именно объяснение формальной неистинности фикции как раз и обнаруживает ее смысл. Содержательная же истинность или ложность правовой фикции определяется результатами общественно-исторической практики, на протяжении определенного времени, порой достаточно продолжительного.

Аналогично, утверждение, что правовая фикция не имеет референтов в реальности и не является результатом обобщения, поскольку конструируется как идеализация, моделирующая правоотношение, страдает узкоюридическим подходом. В теоретическом познании процесс идеализации — мысленное конструирование понятий об объектах, не существующих и не осуществимых в действительности, но имеющих прообразы в реальном мире. Процесс идеализации характеризуется отвлечением от свойств и отношений, необходимо присутствующих предметам реальной действительности, и введением в содержание образуемых понятий таких признаков, которые в принципе не

могут принадлежать их реальным прообразам. В зависимости от цели, предмета, гипотезы исследования создаются различные абстракции одного и того же реального объекта. Но метод идеализации основан не только на абстрагировании, но и на мысленном конструировании объектов, в котором то или иное свойство, состояние, функция представлены в наиболее выраженном, предельном виде. Результативность идеализации обеспечивается применимостью на практике теории, созданной на основе одной или системы идеализаций. Кроме того, в социогуманитарном познании в идеализациях более ярко, рельефно выражен дескриптивный аспект, выражающий момент долженствования, то есть приоритет определенных ценностей.

Словом, сегодня прежнее определение Р. Иерингом правовой фикции как технического обмана, юридической лжи, освященной необходимостью, выглядит архаично.

Фикционная природа естественного права проявляется в его самолегитимации — волевым возведении собственного субъективного содержания в общезначимые юридические нормы, их закреплении в декларациях и конституциях. Использование концепта «естественное право» в смысле мировоззренчески обоснованных и императивно предъявленных первичных прав индивидов перед обществом в целом и государством, по умолчанию игнорирует существование и возможность иных трактовок естественного права. Разумеется, они также могут претендовать на интерпретацию в качестве справедливых, неоспоримых, неотчуждаемых, присущих от рождения, неотторженных и т. д. Например, «естественно» божественное происхождение законов для средневекового религиозного мировоззрения; жизнь «по понятиям» «естественна» в границах криминальной субкультуры и т. д. Зрелая греческая культура и философия мыслит незыблемые законы вселенной в гармоническом единстве с природой и обществом. Они предопределяют меру должного поведения человека, включенного в божественный порядок, этические и правовые требования к индивиду. Все это одни из многих конкретно-исторических версий «естественного» права. Поэтому редукция естественного права к «атомарному» индивиду так же исторически релятивна, как и выведение его из божественной воли или Космоса. Любая конкретно-историческая форма мировоззрения, с большей или меньшей определенностью, вырабатывает свою концепцию природы человека как «естественного» существа.

Возникающие правовые учения, в своем фундаменте всегда имеют философско-правовые представления о свободе и справедливости, человеке как субъекте права, о его правах и обязанностях, Юридические концепции, как и любые другие теории, претендуют на выражение действительного положения вещей, того, что существует само по себе — естественно. Но все дело в том и состоит, что любое «естественное» в условиях существования человеческого общества состоит в «искусственности» его способа жизнедеятельности — культуры.

Воспринимаемое как откровение и истина в последней инстанции на рубеже 1990-х годов утверждение о глубоком и истинно человеческом смысле естественно-го права, отвечающем сути разума и утверждающем свободу человека, сегодня обнаруживает свою теоретическую уязвимость.

Традиционное международное право, отводя роль субъекта государствам, индивидов рассматривало в качестве объектов защиты государством. Но сегодня и западная правовая доктрина, и правоприменительная практика (например, Европейского суда по правам человека), выступая от имени международного права, придает индивиду статус субъекта, а не только объекта правового регулирования. Соответственно, деятельность современных институтов и норм в контексте идеологии прав человека регламентирует, прежде всего, взаимоотношения между государством и человеком, а не между двумя государствами или двумя правительствами. Апелляция к «естественному» праву предоставляет широкие возможности для обоснования ограничений догматики позитивизма, соответственно, критики нарушений прав и свобод человека. В тоже время, как свидетельствует конституционная практика многих стран, неоправданно широкая трактовка содержания «естественного права» таит в себе известную угрозу злоупотребления целями и требованиями конституционной практики. Эта угроза состоит в непрерывном возникновении и росте личностных самооценок индивидов, требующих от государства гарантий признания и защиты новых прав, трактуемых как «естественные и неотъемлемые». Об этой угрозе писал В. И. Крусс — о невиданных ранее правопритязаниях личности, представляющей человечество на рубеже третьего тысячелетия от Рождества Христова. Их содержание можно выделить и обособить в группу таких, «которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» чело-

века самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию», и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами» [4, с. 43]. Согласился с автором, что вряд ли найдутся аргументы об универсальности «новых» правопритязаний. Правда, точно также можно оценить и обращение к христианству как безусловной инстанции в обосновании «естественности» одних и «неестественности» других прав.

По мнению А. А. Владимирова, естественное право «требует» от позитивного права государства защиты и обеспечения прав человека, а не прав чиновников или органов власти. Поэтому «... этот исходный принцип содержит эвристически мысль о неизбежной антигуманности позитивного права и санкционированного им государства» [3, с. 280]. На наш взгляд, нельзя противопоставлять естественное и позитивное права — они всегда существуют в органичной и конкретно-исторической связи между собой, при этом различные субкультуры общества будут создавать свои особые варианты взаимосвязи нормативности и ее ценностного содержания. Наивно полагать, что «идеально, чтобы позитивное право соответствовало законам или закономерностям жизни человека, государственно-организованного общества и человечества» [10, с. 113]. Подчеркнем, любому варианту позитивного права имманентно и определено естественное-правовое измерение, поскольку категория естественного права позволяет различать сущее и должное в правопорядке.

Заключение

Таким образом, содержание и форма естественного права историчны, они всегда производны от достигнутого уровня культуры и цивилизации, степени гуманизации общественных отношений и индивидуально-личностного развития человека. Права человека не существуют помимо социальной индивидуальности индивида, так как именно общество формирует и закрепляет притязания человека на определенную меру свободы, справедливости и равенства. Поэтому права человека — не просто правоспособность и правосубъектность человека в юридическом измерении. Это еще и определение того, кто в данной социокультурной и политико-правовой системе признается в качестве человека. Отсюда — меньше всего «естественные» права человека выступают в качестве

дара природы. Они всегда были итогом постоянной борьбы за эти права, принадлежат тем, кто их завоевал и заслужил. Естественные права обладают вполне определенной конкретно-исторической природой, выражая детерминированность как временем (исторической эпохой), так и пространством (цивилизацией). Наделение этих прав статусом «естественных» — не что иное, как правовая фикция, закрепляющая достигнутый рубеж индивидуальной свободы и гуманизма.

Здесь мы опять возвращаемся к исходному противоречию — между наделением основных прав статусом «общечеловеческих» и генетически их «западным» характером. Вариантом ответа могло бы быть признание западной цивилизации флагманом всемирно-исторического развития, дающим благодарному человечеству образцы социальной, экономической и политической организации. Но вряд ли с очередным вариантом «европоцентризма» «согласятся» другие цивилизации, да и по существу это будет противоречить принципу толерантности, в целом духу современного правового государства, обеспечивающего соблюдение прав и свобод. Например, развитие социальных прав, выступающих как естественное продолжение естественных прав-свобод, парадоксально ведет к сокращению сферы их применения. Движение «Black Lives Matter», возникнув как стихийная антирасистская акция, через некоторое время обнаружило стремление сделать процедуру коленопреклонения обязательной. Нетрудно заметить угрозу появления феномена, чуждого изначальной идее расового равенства. Стремясь обеспечить права разных меньшинств, безотносительно к условиям места и времени, либеральная демократия рискует парадоксально превратиться в свой антипод — бюрократическую форму организации жизни, выхолащивающую ее содержание во имя торжества абстрактных принципов. Прав В. И. Крусс, предлагающий ориентироваться на «...например, принципы объективной соразмерности экономических интересов, политической честности, взаимной добросовестности выполнения договорных обязательств, признания фундаментальной несправедливости ресурсного монополизма, последовательного, а не «выборочного», социального партнерства, экологической и национальной безопасности или обязательного минимума элементарной разумности в общении» [5, с. 46—47].

По нашему мнению, именно таково решение поставленной проблемы — через использование коммуникативной концепции

социальной нормативности Ю. Хабермаса, основанной на формальной, дискурсивной рациональности. По ней, социальные, следовательно, и правовые нормы, обретают социальную значимость после их коллективного признания. Тем самым аудитория, руководимая мотивом совместного поиска истины, добывается общезначимости нормативного регулирования. Разумеется, при этом, должны быть соблюдены условия иммунитета против подавления и неравенства, симметричность коммуникации. Но, согласимся, в условиях современных геополитических конфронтаций, ожесточенной борьбы за лидерство в сложившемся миропорядке, просто отрицания основополагающей роли ценностей основных, естественных прав и свобод, такой способ решения проблемы пока гипотетичен.

Тем не менее, несмотря на бурные, подчас ожесточенные дискуссии, невзирая на произвол и политические репрессии, идея основных и неотъемлемых прав и свобод человека занимает прочное место в ценностях современной цивилизации. Идея прав и свобод человека стала важным ориентиром в усилиях по достижению договора об общих принципах совместной жизни на Земле людей разных взглядов и убеждений. При всех внутренних противоречиях концепции прав и свобод человека, лицемерных практиках ее реализации и временных отступлений, она способна создавать прочный фундамент международного взаимопонимания и сотрудничества.

Идея новоевропейских естественных и неотчуждаемых прав человека изначально была связана со стремлением ограничить абсолютистский произвол государственной власти. Как бы ни были спорны современные трактовки содержания, сущности, самой возможности тех или иных основных прав, несомненна их ключевая роль в концепции либеральной демократии.

Именно в этом и заключается причина неприятия, доходящего до ненависти, к либерализму авторитарно-репрессивных режимов современности.

1. Аничкин Е. С. Фикции в конституционном праве Российской Федерации: особенности, виды, действие // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 87—105.

2. Бачинин В. А. Естественное право как предмет философского правоведения // Современное право. 2008. № 8. С. 70—76.

3. Владимиров А. А. Проблема прав человека в «философии права» // Вестник ВГАВТ. 2016.

Вып. 47. Раздел X. Философия. Общество. Культура. С. 280—284.

4. Крусс В. И. Личные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: постановка проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43—50.

5. Крусс В. И. Актуальные аспекты проблемы злоупотребления правами // Государство и право. 2002. № 10. С. 46—53.

6. Максимов В. Е. «Реальная политика» или средство самообмана // В. Е. Максимов. Собрание сочинений. Т. 9. М.: Terra — Terra, 1994. С. 117—120.

7. Синченко Г. Ч., Николаенко Н. М. Естественные права, естественное право и творческое наследие русского космизма // Философия права. 2007. № 2. С. 47—54.

8. Сунгуров А. Ю. Права человека как предмет политической науки и как междисциплинарная концепция // Полис. Политические исследования. 2010. № 6. С. 90—105.

9. Честнов И. Л. Ценность права в постклассическом измерении // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 7—17.

10. Юнусов А. А., Юнусов Э. А. Права человека и естественное право // Право и образование. 2006. № 5. С. 112—129.

References

1. Anichkin E.S. (2018) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, vol. 18, iss. 2, pp. 87—105 [in Rus].
2. Bachinin V.A. (2008) *Sovremennoe pravo*, no. 8, pp. 70—76 [in Rus].
3. Vladimirov A.A. (2016) *Vestnik VGAVT*, iss. 47, part X. *Filosofija. Obshhestvo. Kul'tura*, pp. 280—284 [in Rus].
4. Kruss V.I. (2000) *Gosudarstvo i pravo*, no. 10, pp. 43—50 [in Rus].
5. Kruss V.I. (2002) *Gosudarstvo i pravo*, no. 10, pp. 46—53 [in Rus].
6. Maksimov V. (1994) «Real'naja politika» ili sredstvo samoobmana // V. E. Maksimov. *Sobranie sochinenij*. Vol. 9. Moscow, Terra. P. 117—120 [in Rus].
7. Sinchenko G.Ch., Nikolaenko N.M. (2007) *Filosofija prava*, no. 2, pp. 47—54 [in Rus].
8. Sungurov A.Yu. (2010) *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 6, pp. 90—105 [in Rus].
9. Chestnov I.L. (2015) *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij*, no. 3 (4), pp. 7—17 [in Rus].
10. Yunusov A.A., Yunusov Je.A. (2006) *Pravo i obrazovanie*, no. 5, pp. 112—129 [in Rus].

For citing: Ershov Yu.G. Human rights as a legal fiction and sociocultural value // *Socium i vlast'*. 2021. № 2 (88). P. 86—94. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-2-86-94.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-86-94

UDC 130.3

HUMAN RIGHTS AS A LEGAL FICTION AND SOCIOCULTURAL VALUE

Yuri G. Ershov,

Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, Yekaterinburg.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Abstract

The article is focused on studying the philosophical and legal nature of fundamental human rights and freedoms, which are interpreted as natural and inherent in a person from birth. It is shown that the “naturalness” of rights and freedoms is a legal fiction. In reality, natural rights and freedoms have a sociocultural, that is, “artificial” character. They strengthen the achieved level of guarantees of individual freedom and humanity in public relations.

Keywords:

human rights,
idealization,
legal fiction,
value,
natural,
artificial.

Для цитирования: Дядык Н. Г. Искусство второй половины XX — начала XXI веков как визуальная философия // Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 95—106. DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-95-106.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-95-106

УДК 7.01

ИСКУССТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКОВ КАК ВИЗУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Дядык Наталья Геннадьевна,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии и культурологии,
кандидат философских наук,
Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр.
Ленина, д. 69.
E-mail: djadykng@cspu.ru

Аннотация

Введение. Данная статья посвящена исследованию области пересечения современного искусства и философии, она является продолжением исследовательского проекта про концептуальное искусство и его пересечение с философией, начатого нами ранее. Под концептуальным искусством мы понимаем искусство, нацеленное на интеллектуальное осмысление увиденного, искусство, апеллирующее к мышлению и порождающее философские смыслы. Но если ранее мы исследовали концептуальный кинематограф и преимущественно визуальное искусство начала XX века, то в данной статье мы хотим обратиться к визуальному искусству второй половины XX века — начала XXI, называемого искусствоведами также актуальным искусством. Эмпирическим материалом исследования послужили работы таких современных художников, как Э. Уорхолла, Д. Кунса, Д. Херста, Й. Оно, Ф. Бэкона, И. Кабакова, Д. Кошута, движения «новых реалистов» и фотореалистов, движение московских концептуалистов и др. Современное искусство является одним из способов познания мира, визуальной философией, что представляет интерес для философского осмысления.

Цель. Провести философский анализ визуального искусства второй половины XX — начала XXI веков с целью выявления его философских источников и содержания.

Методы. Общенаучные методы: анализ и синтез, индукция, дедукция, абстрагирование. При анализе произведений концептуального искусства мы использовали герменевтический и феноменологический методы, семиотический подход. Также нами использовался символическо-контекстуальный метод анализа выставочных концепций, который основан на выявлении философских смыслов и идей выставок современного искусства.

Научная новизна. Современное искусство рассматривается нами как визуальная философия. Философствование, по нашему мнению, может существовать в различных видах и формах от обыденно-практической (так называемого наивного философствования) до художественно-образной, то есть визуальной. Философские идеи или концепты рождаются не только у профессиональных мыслителей, но также и у художников. Художественные концепты современных художников схожи с концептами философов, поскольку целью обоих является познание мира и схватывание бытия. Нами установлена и описана область взаимопересечения современной философии и современного искусства, каждое из которых находит в ситуации кризиса по отдельности и непрерывного диалога вместе.

Результаты. В ходе исследования нами были выявлены и описаны философские истоки визуального искусства второй половины XX века — начала XXI: постмодернистское философское сознание, концептуализм, идеи «смерти автора» и «смерти искусства», симулякра, китча и кэмп, метод деконструкции и его применение в современном искусстве.

Выводы. Визуальное искусство второй половины XX века — начала XXI является визуальной формой философского вопрошания о сути самого искусства, об экзистенции человека и бытии в целом. В основе работ современных художников находятся философские проблемы: смысла, речи и значения, соотношения рационального и иррационального, проблема заброшенности и одиночества человека, проблема «смерти автора» и отчуждения творца от своего произведения, идея невозможности объективного познания действительности.

Ключевые понятия:
концептуальное искусство,
китч,
симулякр,
деконструкция,
кэмп.

Введение

Современное искусство нельзя оценивать с позиций «красиво — некрасиво», поскольку оно находится вне эстетики и зачастую оказывается визуализированной философией. Нельзя оценивать в категории «красиво — некрасиво» картины С. Дали, Р. Магритта, В. Кандинского и других художников XX века. Это концептуальное искусство, преследующее совершенно иные цели, нежели доставление зрителю эстетического удовольствия. Искусство XX века в целом и современное искусство в частности не ставит своей целью изобразить мир и его объекты красиво, не ставит своей целью изобразить мир точно или хотя бы иметь претензию на реальность изображаемого, для этого есть технические средства; оно преследует принципиально иные цели: выразить ту или иную философскую концепцию или концепт, поэтому можно заключить, что современное искусство является визуальной философией. Современное искусство описывается концепцией «вне эстетики». «Мысли, высказывания, нарративы, утверждения, смыслы — вот что воспринимает зритель, посетив событие актуального искусства. Кураторские проекты можно воспринимать и анализировать как философские концепции с одной или несколькими основными идеями», — пишет М. В. Бирюкова [4, с. 38]. Так, например, посетив выставку современного художника Д. Херста, мы встречаемся с высказываниями и нарративами на тему смерти, которая является главной темой в творчестве художника, рассматривая как его живопись, представляющую преимущественно собой цветные кружочки, напоминающие гомеопатические таблетки, которые должны продлить нашу жизнь, так и инсталляции (животные в формальдегиде) и скульптуру. Говоря о международных выставках современного искусства (Биенале, Документа), можно констатировать, что в основе каждой из них лежит какая-либо философская концепция. «Современное искусство — это визуальная философия, выставка современного искусства — это визуализированная философская концепция», — пишет теоретик искусства М. В. Бирюкова [4, с. 18]¹. Целью данной статьи является изучение философских концепций, лежащих в основе современного искусства.

Условия философии по А. Бадью. Философия, «подшитая» к искусству: диалог постмодернистского философского сознания и современного искусства

Для понимания сущности современного искусства и современной философии, по нашему мнению, методологически важными оказываются условия философии, сформулированные французским философом А. Бадью в «Манифесте философии» (1989). Бадью выделяет следующие условия философствования: матему (или науку), поэму (или искусство), политику и любовь. В классической философии эпохи Декарта и Лейбница главенствует математическое условие: философия стремится быть наукой, что далее проявится в позитивизме. Начиная с Руссо и Гегеля, философия находится под влиянием историко-политического дискурса. Затем, начиная с Ницше и Хайдеггера, для философии ведущим условием оказывается искусство [2, с. 21]. Философия, по мнению Бадью, передает свои функции одному из своих условий, она как бы оказывается «стянутой наложенным швом» к одному из своих условий [2, с. 21]. Так, Бадью выделяет позитивистский или сциентистский «шов», политический (марксизм), художественный (Ницше, Хайдеггер и вся так называемая «литературная» философия второй половины XX — начала XXI века). Философия «больше не знает, есть ли у нее свое собственное место», «она пытается привиться к вполне установившимся видам деятельности: к искусству, поэзии, науке, политической деятельности, психоанализу» — пишет А. Бадью, описывая ситуацию «кризиса философии» [2, с. 139]. Применяя идеи Бадью к анализу современного искусства, видно, как философия «подшивается» к искусству, современные художники создают свои произведения, опираясь на философские идеи, в основе их находятся философские смыслы и концепции, международные выставки современного искусства сегодня зачастую оказываются визуализированными философскими концепциями.

Современное искусство неразрывно связано с философией постмодернизма, для которого характерны интертекстуальность, игра со зрителем и игровое начало в целом, концепция «смерти автора» и «смерти искусства», метод деконструкции, предложенный Ж. Деррида, множественность интерпретаций, концепция симулякра. Все то, что происходит в современной

¹ Бирюкова М. В. Философия кураторства. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. 336 с.

философии, оказывается тесным образом связано с современным искусством. Под современным искусством или актуальным искусством мы понимаем искусство второй половины XX — начала XXI века. Так, например, в 1967 году были опубликованы знаковые для философии постмодернизма работы: Р. Барт «Смерть автора», книги Жака Деррида «Письмо и различие», «О грамматологии». В современном искусстве мы находим смысловые параллели в виде параграфов о концептуальном искусстве Сола Левитта, выставок оп-арта «Восприимчивый глаз» (Нью-Йорк); выставки «Свет и движение/кинети́ческое искусство». В 1965 году немецкий художник Йозеф Бойс показывает важный в культурологическом и философском смысле перформанс «Как объяснить картины мертвому зайцу», смысл которого раскрывается важной для философии XX века темой связи между мыслью, речью и формой. В 1981 году выходит книга Жана Бодрийера «Симулякры и симуляция», а также книга Жюль Делеза «Френсис Бэкон: логика чувств». В мировой художественной жизни в это время проходит «Документа 7», 40-я Венецианская биеннале, темой которой являлось «Искусство как искусство: продолжительность произведения», то есть можно заключить, что современное искусство так или иначе реагирует, вступает в резонанс с основными философскими концептами современной философии. Рассмотрим подробнее, как основные философские идеи XX века отразились в визуальном искусстве второй половины XX века — начала XXI веков.

1. Деконструкция и современное искусство

Для понимания произведений современного искусства продуктивной является идея Ж. Деррида о деконструкции текста. Художественное произведение — это текст, который необходимо интерпретировать. Часто само оно является цитатой из классического искусства, но такой, в которой классический текст подвергается деконструкции. Целью деконструкции, по Дерриду, является критика корпуса прошлой культуры, разрушение его целостности, обнаружение скрытых текстов, выявление внутренней диалектики, ведущее к новой интерпретации [8].

Визуальным применением метода деконструкции являются такие художественные направления современного искусства, как кубизм, абстракционизм, супрематизм, концептуализм. Все они стремятся разрушить каноны, заложенные классическим

искусством: так кубизм пытается изобразить предмет в объеме, с разных ракурсов, абстракционизм изгоняет из живописи реальные предметы, супрематизм Малевича стремится абстрактными средствами изобразить духовное, концептуализм создает новый способ создания произведений искусства, основанный на идее реди-мэйда.

В современном искусстве метод деконструкции применяется также в том, что любой элемент художественного языка классики может быть свободно перенесен в другой исторический, социальный, политический, культурный контекст, и задачей современного искусства является показать множественность интерпретаций классического наследия в контексте современности [4, с. 245]. Например, на выставке «Френсис Бэкон и художественная традиция» (2004, Художественно-исторический музей Вены) были представлены работы художника в сопоставлении с работами мастеров, ставших источником вдохновения для Бэкона. Так работа Бэкона «Портрет на фоне мяса» (1954) является апелляцией к работе фламандского художника Мартена ванн Клеве «Туша быка» (1566). Философский смысл данной картины Бэкона состоит в диалектике смерти и жизни, в стирании границ между животным и человеческим началом в процессе насильственного лишения жизни и жертвенной смерти, что для Бэкона связано с символикой Распятия. Тема жертвы является программной для творчества английского живописца: его триптих «Распяятие» (1945), представляет собой извивающиеся в мучительных конвульсиях антропоморфные тела, является, с одной стороны, цитатой классической евангельской темы «Христос на кресте», с другой стороны, вписан в актуальный ему политический контекст современности и отражает умонастроение публики, уставшей от ужасов войны.

Классический для живописи концепт «смерть» является также главной темой для художника Дэмиэна Херста, но раскрывается им другими художественными средствами. Программная работа Херста «Физическая невозможность смерти в сознании живущего» представляет собой настоящую акулу, помещенную в раствор формальдегида. Намерением художника в данном случае было стремление заставить зрителя выйти из зоны комфорта. Изымая акулу из естественной среды обитания и помещая ее в формальдегид, создающий иллюзию жизни, Херст исследует наши самые большие страхи и трудности, связанные с адекватной попыткой их выразить. Он как бы говорит

зрителю, что сколько бы он ни пытался избежать смерти, она настолько значительна, что он не может уйти от нее. Часто в современном искусстве художник, помещая традиционную тему в новый контекст, создает интеллектуальную провокацию, тем самым создавая новое прочтение. В случае с рассмотренным выше примером творчества Херста художник помещает реальную акулу (которую специально убили для создания данного произведения искусства) в раствор формальдегида, препятствующий разложению ее трупа, и все это демонстрируется на выставке современного искусства: тем самым акула действительно оказывается как бы живой в сознании смотрящего. Интеллектуальная провокация берет свое начало с традиции реди-мэйда, заложенной в начале XX века Марселем Дюшаном, который наделял реальные объекты, не созданные рукой художника новыми смыслами, тем самым положив начало концептуализму как направлению современного искусства. Метод деконструкции, используемый в современном искусстве, проявляется также в том, что оно нередко демонстрируется в выставочном пространстве в контексте классического искусства: представители новых течений рядом со старыми мастерами. Считается, что от такого соседства выигрывают все: и музей, привлекающий новую публику, и старые мастера, произведения которых обретают актуальность, и само современное искусство, зачастую цитирующее и переосмысливающее классику в современном контексте.

2. Концептуализм в искусстве. Западный и московский концептуализм

Под концептуализмом в искусстве мы понимаем художественное направление, возникшее в 1960-х годах и обращающееся к интеллектуальному осмыслению произведения, что роднит его с философией. Арт-объект в концептуализме имеет своей целью передать ту или иную идею художника, которая зачастую претендует на статус философской. Важно отметить, что классическое искусство было в известной степени концептуальным: оно побуждало к интеллектуальному осмыслению созданных художником образов. Однако в классическом искусстве идея художника и выражающая ее форма образовывали неразделимое единство. Концептуализм предпринял попытку изолировать идею произведения, четко обозначить границу между содержанием и формой.

Родоначальник американского концептуализма, художник и теоретик искусства Д. Кошут в своём эссе «Искусство после философии» писал: «Все искусство после Дюшана¹ — концептуально по своей природе, потому что искусство и существует лишь в виде идеи» [11, с. 545]. В подтверждение своей философии Кошут создает программное произведение «Один и три стула», которое представляет собой инсталляцию, состоящую из реального стула, описания словарной статьи, что такое стул, и фотографии этого же стула. Работа Кошута является философской, поскольку отсылает к трактату Платона «Государство». В «Государстве» Платон объясняет, какое искусство должно соответствовать идеальному обществу: «Скажи мне насчет живописца вот еще что: как, по-твоему, пытается ли он воспроизвести все то, что содержится в природе, или же он подражает творениям мастеров? // Творениям мастеров.<...> // Какую задачу ставит перед собой каждый раз живопись? Стремится ли она воспроизвести действительное бытие или только кажимость? Иначе говоря, живопись — это воспроизведение призраков или действительности? // Призраков. // Значит, подражательное искусство далеко от действительности. Потому-то, сдается мне, оно и может воспроизводить все, что угодно, ведь оно только чуть-чуть касается любой вещи, да и тогда выходит лишь призрачное ее отображение» [13, с. 125]. Таким образом, в основе работы Кошута лежит идея Платона о том, что художник отображает не саму действительность, не сами объекты, а только их копии, то есть, по сути, концепты. Концепт — это содержание понятия, смысловое значение знака, которое отличается от самого знака и его предметного значения. Художественный образ по сути — это концепт — многоуровневое смысловое образование, имеющее эксплицитный и имплицитный смысл, требующей процесса интерпретации. «В произведениях художников-концептуалистов идея оказывается важнее ее художественного воплощения, идея, то есть концепт сам по себе может быть произведением искусства. При этом концепты художников схожи с концептами философов», — писали мы ранее [10, с. 104].

Концептуализм как художественное направление построен на игре со смыслами, для этого художники-концептуалисты используют в своих произведениях тексты или предметы реди-мэйда. Реди-мэйд (англ.

¹ Марсель Дюшан — французский художник-дадаист, являющийся предтечей концептуализма.

ready-made) — «готовые продукты», — так М. Дюшан называл предметы фабричного производства, которые он наделял концептуальным смыслом, посредством чего они становились произведениями искусства. Художественные эксперименты Дюшана открыли новый тип искусства, основанный на отчуждении автора от его произведения, что явилось предтечей постмодернистской идеи «смерти автора».

«Концептуальное искусство создается для того, чтобы привлечь ум зрителя, а не его взгляд или эмоции. <...> Все, что привлекает внимание и вызывает интерес к материальности, уводит нас от понимания идеи и используется как экспрессивное средство. Концептуальный художник будет стремиться к тому, чтобы свести к минимуму акцент на материальной стороне произведения либо представить эту сторону парадоксальным способом (обратить ее в идею). Этим видом искусства следует заниматься с предельной экономией средств. <...> Идеи могут также быть выражены в числах, фотографиях, словах или любым иным способом по выбору художника, при этом форма будет не важна» — писал в 1967 г. Сол Левитт — один из лидеров американского концептуализма [14, с. 11]. Итак, художник-концептуалист обращается к интеллектуальному осмыслению увиденного, для него важнее задействовать мыслительную сферу зрителя, нежели экспрессивную в отличие от традиционного искусства, для этого он часто использует тексты в своих произведениях, наделяя их новым смыслом. Сам текст зачастую оказывается концептом. Приведем для иллюстрации творчество русского художника И. Кабакова и соц-арт в целом, для которого такими концептами, подвергающимися деконструкции, оказываются тексты советской идеологии. Например, картина Кабакова «Выписка из приложения» (1982), представляет собой текст реальной выписки из положения о найме жилого помещения, объекта изображения как такового нет, сам текст становится арт-объектом: «1. Наниматель имеет право с согласия проживающих с ним совершеннолетних членов своей семьи и с согласия наймодателя сдать часть занимаемого им помещения. 2. Для оформления договора наниматель получает в квартирной группе бланк заявления по установленной форме о сдаче жилплощади в поднаем и заполняет его и т. д.». Или например, знаменитая работа Кабакова «Лопата» (1984), представляющая собой инсталляцию состоящую из настоящей лопаты и текстов инструкций к ней. Это лопата, которой советская моло-

дежь строила светлое коммунистическое будущее. Тексты-инструкции, рожденные советской идеологией и бытом, в работах Кабакова создают ощущение абсурда, напоминая тексты писателя Д. Хармса, вызывая иронию и ностальгию одновременно по советскому прошлому. Текст-лозунг «Слава КПСС», написанный большими красными буквами на фоне голубого неба становится главным объектом изображения на одноименной картине Эрика Булатова. Новаторство Булатова заключалось в том, что он соединил в одном картинном поле два разных художественных языка: натуралистическую, иллюзорную живопись и плоскостной, текстовый стиль советской наглядной агитации, что порождает концептуальное прочтение его работы. И. Кабаков и Э. Булатов наряду с И. Чуйковым, В. Пивоваровым, В. Комаром и А. Медамином составляют группу «московских романтических концептуалистов» по аналогии с западным концептуализмом. Московский концептуализм сделал метод социалистического реализма, идеологизированную советскую картину предметом художественного анализа и деконструкции, материалом, с которым они работали, подобно тому, как массовая культура была предметом анализа поп-арта. Если в западном обществе существует перепроизводство товаров, реакцией на которое был поп-арт, то в СССР наблюдалось перепроизводство идеологии, реакцией на которую стал соц-арт. Концептуализм к концу 1980-х годов приобретает статус ведущего направления в российском искусстве, вытеснив с этого места соцреализм.

Таким образом, главным тезисом концептуализма становится утверждение, что произведение искусства может не иметь материального воплощения. Идея сама по себе является таким же произведением искусства, как и законченный художественный объект. Для выражения чистой идеи художник-концептуалист использует минимальные художественные средства — текст. Концептуализм направлен на интеллектуальное осмысление арт-объекта, он порождает игру смыслов и множественность интерпретаций.

3. Симулякры и современное искусство

Термин «симулякр» впервые употребляется у Платона. По Платону, любая вещь есть симулякр, поскольку она является лишь отражением эйдоса. Ж. Бодрийяр впервые употребил термин «симулякр» по отноше-

нию к анализу социальной действительности. По Бодрийяру симулякр означает пустую реальность, фикцию, пустой знак; это изображение без оригинала, репрезентация чего-то, чего на самом деле не существует. Вся современная культура, связанная с культурой общества потребления, является, по мнению Бодрийяра, культурой симулякров [6]. Так реклама, манипуляция сознанием при помощи создания новостей, слухи, глянец, социальные сети и компьютерные игры — все это является симулякрами.

Концепция «симулякра» часто находится в основе произведений современного искусства: так симулякр является концептуальной сущностью поп-арта. Искусство супермаркета, эстетизирующее банку «Кока-колы», портреты кинозвезд, банки супа «Кэмпбэлл», тесно связано с философией общества потребления и рекламой. Поп-арт намеренно хочет быть искусством банального, и в этом он похож на китч. В своих картинах и скульптурах художники поп-арта (Рой Лихтенштейн, Клас Ольденбург, Энди Уорхолл и др.) обращались к языку городской культуры, рекламы, комиксов, фотографии, дизайна, отчасти утверждая, а отчасти критикуя его. Состоявшаяся в 1968 году выставка «Документа 8» принесла художественное признание картинам, основанным на плоском цвете и простых формах, на скульптуре из дешевых материалов. Сегодня работы поп-артистов давно уже стали классикой искусства XX века, но их выставки по-прежнему вызывают горячий интерес у зрителя и споры о художественной сущности поп-арта, подтверждением чему стала выставка «Я, Энди Уорхолл» (2020) в новой Третьяковке.

Икона поп-арта Энди Уорхолл намеренно делал предметами изображения банальные вещи, связанные с американской культурой потребления. Поп-арт не изображает предметы в традиционном понимании, это не реализм. Предметом изображения для картин поп-арта служит реальность, уже опосредованная массмедиа: реклама, упаковка, фотографии, телевидение. Одной из самых известных широкому зрителю работ Уорхолла является серия раскрашенных в анилиновые цвета фотографий Мэрилин Монро — диптих 1962 года. У него также есть так называемая «золотая Мэрилин». Уорхолл поместил образ иконы стиля на обширное поле, которое охватило его как настоящая паспарту, и покрыл всю поверхность золотой краской, цветом небесного Иерусалима, который придавал иконам их вневременное действие, буквально превратив образ кинодивы в икону. Так художник

указывал на способ производства мифического образа в средствах массовой информации, который превращается в симулякр. У Э. Уорхолла есть также серия работ, посвященная автокатастрофам и электрическому стулу: она представляет собой раскрашенные в характерной уорхолловской манере газетные снимки со сценами автокатастроф и снимки электрического стула. С одной стороны, здесь мы видим обращение художника к теме смерти, попытка «заговаривания» смерти, то есть снятие страха перед ней посредством приема тиражирования. С другой стороны, смерть, опосредованная массмедиа, уже не так страшна для нас: мы не воспринимаем известие о смерти, полученное из новостей, так лично, как если бы это была смерть близкого нам человека, это уже не экзистенциальное переживание смерти. Опасность симулякров состоит в том, что они порождают гиперреальность, за которой ничего не стоит.

По Бодрийяру, поп-арт является формой современного искусства, выражающей логику знаков и потребления, он также сам является результатом моды и сам выступает как чистый объект потребления [5, с. 197]. Работы художников поп-арта, особенно Уорхолла, были коммерчески успешными. Уорхолл создал новый тип художника: художника-шоумена, светскую фигуру, противопоставив его трагической фигуре художника-отшельника, человека не от мира всего, которую мы наблюдаем в классическом искусстве. На специально созданной «Фабрике» Уорхолл организовал конвейерное производство картин, основанное на разделении труда. Изготовление картин происходило наполовину механически, наполовину вручную, посредством использования техники трафаретной печати. Такой способ производства произведений искусства противоречил классическому пониманию искусства как уникального и рукотворного, но являлся отражением постмодернистской идеи «смерти автора» и «смерти искусства», предшествовал рождению концептуализма. По нашему мнению, поп-арт следует рассматривать как разновидность концептуализма в искусстве.

Работа с симулякрами советской действительности находится, по нашему мнению, в основе соц-арта, изобретенного в 1970-х художниками-концептуалистами, представителями московского концептуализма, А. Меламидом и В. Комаром. Издевка над советской идеологией и одновременно ностальгия по ней является концептуальной идеей всего творчества Комара

и Меламида. По сути, советская идеология — это тоже симулякры, поскольку часто имело место замалчивание новостей, представление информации в искаженном виде (фейк-ньюс), что отражено в перформансе «Котлеты «Правда» или биточки пресные» (1975), где художники на самом деле делают узнаваемые котлеты из советских столовых из газеты «Правда» — главного рупора политической власти. Карнавальная стихия игры, нарушение всяческих табу в искусстве позволяла русским концептуалистам избавиться от страха перед советским режимом, комплекса неполноценности перед Западом. Воссоединение с пространством западного арт-мира символически выразилось в работах эпохи перестройки «Горби» (1989) и «Ленин-кока-кола» Александра Косолапова и «Сталин и Мэрилин» (1992) Леонида Сокова, где переплетаются разные идеологии: поп-арт с соц-артом.

Понятие симулякра в современном искусстве противостоит классическому понятию искусства как мимесиса (подражания, воспроизведения), возникшему в античности. Понятие мимесис в античности было связано с имитацией жизнедеятельности мира природы в искусстве. Так, у Демокрита, например, ткачество есть подражание пауку, пение — птицам. У Платона искусство — это подражание внешней стороне мира, являющейся только видимостью высшего мира идей или эйдосов, то есть «подражание подражанию». В искусстве XX века искусство теряет свою функцию подражания природе: возникает беспредметная живопись, объектом изображения часто становится не реальный мир объектов, а его субъективное видение художником, возникает беспредметная живопись. До 1960-х годов, характеризовавшихся экономическим подъемом и потребительским бумом в Западной Европе, художественным откликом которых стал поп-арт, в современном искусстве господствует абстракция. Поп-арт возвращает в живопись объект изображения, но это не реальный объект, а симулякр.

После изобретения фотографии художники больше не изображают реальность, они изображают гиперреальность, что отражается в произведениях фотореалистов, которые начинают творить, исходя не из самой реальности, а из косвенной реальности фотографии, что они используют. В 1968 году американец Малкольм Морли повторил в живописи подвиг героя рассказа Борхеса, Пьера Менара, заново написавшего «Дон Кихота». Морли по фотографии создал точную копию картины голландского

живописца Яна Вермеера «Искусство живописи». Данный жест иллюстрирует тезис о «смерти автора», поскольку невозможно точно ответить на вопрос, кто является автором данного произведения: Вермеер, Морли или объектив фотокамеры. Данный метод — создание картины по фотографии — стал основой гиперреализма или фотореализма, возникшего в Америке в конце 1960-х годов и получившего распространение в Европе в 1970-е. Гиперреализм развил метод поп-арта, использовавшего готовые образы-симулякры, в том числе и фотографии, доведя механизацию живописи до чистой идеи. Таким образом, симулякр как постмодернистская разновидность мимесиса становится неотъемлемой характеристикой современного искусства. С понятием симулякра тесно связано понятие «китч» или «кэмп» в современном искусстве.

4. Китч и кэмп в современном искусстве

На выставках современного искусства мы часто можем столкнуться с китчевыми на первый взгляд арт-объектами. Под китчем в искусствоведении понимается все то, что недостойно высокого искусства, безвкусное, пошлое, то, что нравится всем: голливудские фильмы, гляцевые журналы, поп-музыка, безделушки и пр. Для классического искусства характерно дистанцирование от китчевых форм, поскольку они ассоциировались с духовным убожеством, низкими культурными запросами, обывательской манерой жизни. Американский арт-критик и теоретик искусства Гринберг в эссе «Авангард и китч» (1939) противопоставляет элитарный авангард низкому китчу. По Гринбергу, авангард и китч являются двумя главными тенденциями современного искусства, но авангард критик трактует как явление положительное, а китч получает у него негативную оценку. Китч, по мнению Гринберга, является продуктом индустриальной революции, его зарождение происходит, когда крестьяне переселяются в большие города и постепенно становятся пролетариями и мелкой буржуазией. Научившись читать и писать, они испытывают духовный голод, который и удовлетворяет китч. Китч — это «суррогат, который способен удовлетворить жажду тех, кто испытывал духовный голод, но был невосприимчив к произведениям подлинной культуры» [7]. Таким образом, у Гринберга категория «китча» имеет негативную оценку, недостойную высокого искусства. Картины Пикассо — это авангард, но

соцреализм и все советское искусство, по мнению Гринберга, — это уже китч.

Искусство второй половины XX века переосмысливает категорию китча, делая его продуктом деконструкции искусства. Намеренно китчевые объекты наделяются современными художниками новыми смыслами, превращая китч в художественный прием. Сушилка для бутылок, колесо или «Фонтан» М. Дюшана — это тот же китч, поскольку банальный предмет становится арт-объектом, но это также и начало концептуализма в искусстве. Китч или кэмп — это феномен подражания или пародии на «настоящее искусство», продукт симулякра в современной художественной индустрии. Кэмп — понятие, введенное искусствоведом Сьюзен Зонтаг, которым она обозначает разновидность китча, окрашенного сознанием самоиронии, не претендующего на статус «высокого искусства» [20, с. 129].

Примером использования китча в контексте современного искусства является экспозиция «Тривиальной эмблематики» в разделе «Параллельные художественные миры» в выставочном проекте «Документы 5» (1972) куратора Х. Зеемана. На выставке в качестве художественных артефактов были выставлены расписные пивные кружки, игрушки, сувениры, безвкусовые статуэтки из фарфора, рядом демонстрировались предметы культа и политические плакаты. На первый взгляд, кажется, что все эти артефакты не имеют никакого отношения к искусству. Однако важнейшим результатом экспозиции куратора данной выставки Х. Зеемана стала постановка вопроса о том, какие художественные формы имеют право называться искусством и где критерии такого различия. Искусство второй половины XX века снимает вопрос о «сильных» и «слабых» формах, больше нет высокого и низкого искусства, искусство становится более демократичным, по этому пути идет поп-арт, оп-арт и концептуализм. И в то же время, несмотря на кажущуюся внешнюю простоту, оно обращается к интеллектуальному осмыслению, к философской рефлексии по поводу увиденного.

Ярким примером использования китча в качестве выразительного средства является творчество американского художника Джеффа Кунса, делающего масштабные скульптуры в виде копий детских игрушек и воздушных шаров. Работы Кунса — это китчевые арт-объекты. Почему Д. Кунс делает скульптуры из высокотехнологизированных материалов, являющиеся точной копией детских игрушек (надувного зайца и пр.),

раскрашенные в вызывающе-безвкусные анилиновые цвета? Это авторский прием, в основе которого находится обращение к поп-арту, к философии общества потребления, к реди-мэйдам М. Дюшана, а также к философии гедонизма. Поп-арт делал предмет искусства готовые объекты — фотографии звезд, этикетки, упаковки, — все то, что ранее считалось китчем, недостойным высокого искусства, наделяя их концептуальным смыслом и вводя важное для постмодернизма понятие симулякра. Работу Кунса — это тот же своего рода поп-арт, но художник сознательно делает акцент на их китчевом характере. Рассматривая работы Д. Кунса, каждый из нас может почувствовать свое детское «я», вспомнить радостное детское ощущение реальности; недаром, что работы Кунса всегда яркие и жизнерадостные. По мнению, М. В. Бирюковой, китч у Кунса не вызывает эстетического отторжения благодаря авторской иронии, перемещающей образы художника из профанной области дешевого китча в более интеллектуальную область кэмп [4, с. 130].

Говоря о влиянии китча на современное искусство, необходимо сказать о движении «новых реалистов», которое возникает в Европе в 1960-х годах. «Новые реалисты» работали с городским мусором — рванными рекламными плакатами, киноафишами, пищевыми отбросами, хламом, превращая его в арт-объекты. Так, например, «аккумуляции» французского художника Армана представляют собой мусор, заключенный в витрины из прозрачного пластика и претендуют на статус современной скульптуры. Китчевый выбор материала содержит критику по отношению к обществу потребления. Если американские художники поп-арта работали с образцами «товарного рая», то «новые реалисты», используя китч, создавали образ «товарного ада», изнанки цивилизации. Таким образом, китч в искусстве второй половины XX века — начала XXI больше не имеет негативного значения, он становится приемом, сознательно используемым художником.

5. «Смерть автора» и «смерть искусства»

Концепция «смерти автора», важная для понимания сути современного искусства, принадлежит Р. Барту. Барт впервые выступил против истолкования произведения искусства исходя из личности автора, его исторической и культурной принадлежности. По Барту, текст подобен ткани,

сотканной из цитат, взятых из «бесчисленных центров культуры», а не из одного индивидуального опыта. Писатель «рождается одновременно с текстом, ни в коей мере не обладает бытием во время, до или после написания, и не является субъектом с книгой в качестве предиката, — пишет Барт [3, с. 224]. Исходя из концепции Барта, произведение искусства рождается здесь и сейчас, создается заново в сознании интерпретатора, то есть зрителя, зритель не только считывает смысл, заложенный автором, но и сам творит свой собственный смысл. Произведение современного искусства инициирует его внутренний экзистенциальный и культурный опыт и порождает его личностное понимание данного произведения. Концепция Барта снимает такие вопросы, как «что хотел сказать автор», «в чем главная идея произведения» и т. п., потому что читатель имеет дело с текстом (произведением искусства), а не с автором, читатель волен интерпретировать любое произведение так, как ему заблагорассудится. Смерть автора в концепции Барта обусловлена самой сущности современного искусства, которое имеет игровой характер. В современном мире писатель или художник не может создать ничего нового, поэтому его деятельность ограничивается компиляцией, пародированием, стилизацией уже созданных ранее произведений. Отсюда все попытки преодолеть всякое искусство в визуальном искусстве XX — XXI века: стремление создать живопись без живописи, традиция реди-мэйда, изобретение новых форм изобразительного искусства, таких как перформансы и инсталляции. «Коль скоро под живописью понимается придание эстетической ценности цветам, женщинам, эротике, повседневности, искусству, дада, психоанализу и войне во Вьетнаме, то мы не живописцы», — такой текст сопровождал одну из выставок группы художников-концептуалистов БМПП в 1967 году [10, с. 24]. Художники данной группы ставили своей целью деконструкцию картины, они писали исключительно геометрические абстракции, уподобляя себя рабочим, изготавливающим детали по заданным чертежам, тем самым художники группы стремились к демистификации искусства.

Поскольку зритель волен интерпретировать произведение искусства так, как ему заблагорассудится, и не существует единственной раз и навсегда данной интерпретации произведения искусства, то современное искусство меняет свои отношения со зрителем, приобретая интерактивный характер, появляется тенденция к коллективным спо-

собам организации художественной активности (хеппенинг, перформанс); современное искусство стремится вовлечь зрителя в художественный процесс. Проиллюстрируем данный тезис на примере перформанса Ико Оно «Отрежь» (или «Отрежь кусок», 1965), суть которого состояла в том, что художница позволила зрителям отрезать любые куски ткани с ее одежды. Философский смысл данного перформанса состоит в том, что женское тело, которое исторически было объектом эстетического созерцания, трансформируется в жест политического действия против насилия, сексизма и расизма. Перформанс «Отрежь кусок» поднимает также вопрос о природе взаимоотношений художника и зрителя. Одной из главных целей этой работы была бескорыстная отдача всего желаемого зрителям.

Идею «смерти автора» и «смерти искусства» демонстрирует также перформанс немецкого художника И. Бойса «Как объяснить картины мертвому зайцу» (1965). Суть его состояла в том, что художник, обмазав лицо медом в шапочке из золотой фольги, держал на руках чучело зайца и что-то бормотал ему, сидя спиной к зрителям. Смысл перформанса можно интерпретировать следующим образом: художник неслучайно использует чучело зайца, поскольку заяц — животное с широким, многовековым символическим значением во многих религиях. В древнегреческой мифологии он ассоциировался с богиней любви Афродитой, у римлян и германских племен заяц служил символом плодородия, а в христианстве он ассоциировался с мифом о Воскресении. Сам Бойс объяснял, что заяц для него является символом воплощения того, что человек может сделать только в воображении. Также он отмечал, что заяц роет норы, строя себе дом в земле, таким образом, воплощаясь в земле. Данная интерпретация также подтверждается «маской», которую Бойс носил во время своего выступления: золото как символ силы Солнца, мудрости и чистоты, а мед как германский символ возрождения. Философский смысл перформанса раскрывается также в теме одиночества, непонимания между художником и зрителем (Бойс сидел к своим зрителям спиной), отсылающим к фигуре художника как отшельника, одинокого индивидуалиста, мученика или жертвы. Бойс объясняет смысл картин чучелу мертвого зайца, тем самым говоря о «смерти автора» и о «смерти искусства» в целом, о непонимании, царящем между зрителем и художником, но лицо его обмазано медом — символом жи-

вой человеческой мысли, что все-таки все-ляет оптимизм и надежду на будущее современного искусства. Бойс поясняет смысл перформанса: «Намазывая голову медом, я определенно делаю нечто имеющее отношение к мышлению. Способность человека состоит не в производстве меда, но в размышлении, в производстве идей. Таким образом, характер мышления, подобный смерти, становится вновь жизнеподобным. Так как мед, безусловно, живая субстанция. Человеческое мышление тоже может быть живым» [16].

Вывод. Резюмируя все вышесказанное, можно констатировать, что искусство второй половины XX века — начала XXI предстает как визуальная философия. По мнению А. Бадью, философия периодически «подшивается» к различным типам дискурса: так в случае с современным искусством мы имеем дело с философией, подшитой к искусству или дискурсу художественному. Это проявляется в двойном процессе. С одной стороны, само искусство становится предметом осмысления для профессиональных философов, подтверждением чему является постмодернистская философия в целом и работы Ж. Деррида, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза в частности. С другой стороны, «подшивание» философии к искусству проявляется также в том, что художники, которые не являются профессиональными философами, строят свои работы, опираясь на философские концепты «смерти автора» и «смерти искусства», симулякра, деконструкции (деконструкция как прием и как концепт), китча. Современное искусство в целом обретает концептуальный характер, что сближает философию и искусство, делая последнюю более доступной для широкого зрителя, поскольку посетив выставку современного искусства, зритель не сможет понять суть произведений современных художников, не ознакомившись философскими первоисточками. Таким образом, современное искусство и философия находятся в непрерывном диалоге.

1. Андреева Е. Ю. Все и Ничто: Символические фигуры в искусстве второй половины XX века. СПб. : Изд-во Ивана Лимабха, 2011. 512 с.

2. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. — 184 с.

3. Барт Р. Смерть автора. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1984. 334 с.

4. Бирюкова М. В. Философия кураторства. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. 336 с.

5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М. : АСТ, 2020. 384 с.

6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула : Тульский полиграфист, 2013. 204 с.

7. Гринберг К. Авангард и китч. URL: <https://www.photographer.ru/cult/theory/3000.html> (дата обращения: 06. 01. 2020).

8. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.

9. Дядык Н. Г., Конфедерат О. В. Концептуальный фильм как форма философствования (экзистенциальная проблематика фильмов В. Вендерса) // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 95—106.

10. Дядык Н. Г. Концептуальное искусство как способ философствования: живопись вместо философии // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 104—115.

11. Кошут Д. Искусство после философии // Искусствознание. 2001. № 1. С. 543—563.

12. Обухова А. Е, Орлова М. В. Живопись без границ от поп-арта к концептуализму: альбом. М. : Галарт : Олма-Пресс, 2001. 176 с.

13. Платон. Государство. М. : Академический Проект, 2015. 400 с.

14. Сол Левитт. Параграфы о концептуальном искусстве. URL: http://contemporaryartists.ru/Paragraphs_on_Conceptual_Art.html (дата обращения: 06. 01. 2020).

15. Duve Th. de. The Definitively Unfinished Marcel Duchamp. Halifax : Nova Scotia College of Art and Design ; Cambridge : MIT Press, 1991. 488 p

16. Encyclopedia of World Biography on Joseph Beuys. URL: <https://www.britannica.com/biography/Joseph-Beuys> (дата обращения 7.02.2021).

17. Fontaine C. Ready-Made Artist and Human Strike: a few Clarifications. URL: http://www.ubu.com/papers/Fontaine_Readymade.pdf (дата обращения: 06.01.2020).

18. Graham L. Duchamp & Androgyny: Art, Gender, and Metaphysics. Berkeley : No-Thing Press, 2003. 88 p.

19. Greenberg C. Art and Culture: critical Essays. Beacon Press, 1961. 278 p.

20. Sontag S. Against Interpretation and Other Essays. New York : Farrar, Strauss & Giroux, 1966.

References

1. Andreeva E.Yu. (2011) Vse i Nichto: Simvolicheskie figury v iskusstve vtoroj poloviny XX veka. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limabha, 512 p. [in Rus].

2. Bad'ju A. (2003) Manifest filosofii. St. Petersburg, Machina, 184 p. [in Rus].

3. Bart R. (1984) Smert' avtora // Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika. Moscow, Progress, 334 p. [in Rus].

4. Birjukova M.V. (2018) Filosofija kuratorstva. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 336 p. [in Rus].

5. Bodrijar Zh. (2020) Obshestvo potreblenija. Moscow, Izdatel'stvo AST, 384 p. [in Rus].

6. Bodrijar Zh. (2013) Simuljaky I simuljacija. Tula, Tul'skijpoligrafist, 204 p. [in Rus].

7. Grinberg K. Avangardikitch. Available at: <https://www.photographer.ru/cult/theory/3000.html>, accessed 06.01.2020 [in Rus].

8. Derrida Zh. (2000) O grammatologii. Moscow, Ad Marginem, 512 p. [in Rus].

9. Djadyk N. G., Konfederat O. V. (2019) *Socium I vlast'*, no. 3 (77), pp. 95—106 [in Rus].
10. Djadyk N. G. (2020) *Socium I vlast'*, no. 1 (81), pp. 104—115 [in Rus].
11. Koshut D. (2001) *Iskusstvoznanie*, no. 1, pp. 543—563 [in Rus].
12. Obuhova A. E, Orlova M. V. (2001) *Zhivopis' bez granicot pop-arta k konceptualizmu*. Moscow, Galart, Olma-Press, 176 p. [in Rus].
13. Platon (2015). *Gosudarstvo*. Moscow, Akademicheskij Proekt, 400 p. [in Rus].
14. Sol Levitt. Paragrafy o konceptual'-nomiskusstve. Available at: http://contemporary-artists.ru/Paragraphs_on_Conceptual_Art.html, accessed 06.01.2020 [in Rus].
15. Duve Th. De (1991). *The Definitively Unfinished Marcel Duchamp*. Halifax, Nova Scotia College of Art and Design, Cambridge, MIT Press, 488 p. [in Eng].
16. Encyclopedia of World Biography on Joseph Beuys. Available at: <https://www.britannica.com/biography/Joseph-Beuys>, accessed 07.02.2021 [in Eng].
17. Fontaine C. Ready-Made Artist and Human Strike: a few Clarifications. Available at: http://www.ubu.com/papers/Fontaine_Readymade.pdf, accessed 06.01.2020 [in Eng].
18. Graham L. (2003) *Duchamp & Androgyny: Art, Gender, and Metaphysics*. Berkeley, No-Thing Press, 88 p. [in Eng].
19. Greenberg C. (1961) *Art and Culture: critical Essays*. Beacon Press, 278 p. [in Eng].
20. Sontag S. (1966) *Against Interpretation and Other Essays*. New York, Farrar, Strauss & Giroux [in Eng].

For citing: Dyadyk N.G. Art of the second half of XX — early XXI centuries as visual philosophy // *Socium i vlast'*. 2021. № 1 (87). P. 95—106. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-95-106.

DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-95-106

UDC 7.01

ART OF THE SECOND HALF OF 20th — EARLY 21st CENTURIES AS VISUAL PHILOSOPHY

Natalia G. Dyadyk,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: djadykng@cspu. Ru

Abstract

Introduction. The article is focused on studying the area of intersection of contemporary art and philosophy, it is a continuation of the research project on conceptual art and its intersection with philosophy, which we started earlier. By conceptual art, we mean art aimed at intellectual comprehension of what has been seen, art that appeals to thinking and generates philosophical meanings. But if earlier we explored conceptual cinema and mainly visual art of the early 20th century, then in this article we want to turn to the visual art of the second half of the 20th century — the beginning of the 21st century, which is also called contemporary art by art critics.

The empirical material of the study was the works of such contemporary artists as E. Warhol, D. Koons, D. Hirst, J. Ono, F. Bacon, I. Kabakov, D. Kosuth, the movement of “new realists” and photo-realists, the movement of Moscow conceptualists and etc. Contemporary art is one of the ways of understanding the world, visual philosophy, which is of interest for philosophical understanding.

The purpose of the article is to conduct a philosophical analysis of visual art of the second half of the 20th — early 21st centuries in order to identify its philosophical sources and content.

Methods. The author uses the following general scientific methods: analysis and synthesis, induction, deduction, abstraction. When analyzing works of conceptual art, we use hermeneutic and phenomenological methods, a semiotic approach. We also use the symbolic-contextual method of analyzing exhibition concepts, which is based on identifying the philosophical meanings and ideas of exhibitions of contemporary art.

Scientific novelty of the study. We regard contemporary art as a visual philosophy. Philosophizing, in our opinion, can exist in various forms and forms from everyday practical (the so-called naive philosophizing) to artistic-figurative, that is, visual. Philosophical ideas or concepts are born not only from professional thinkers, but also from artists. The artistic concepts of contemporary artists are similar to the concepts of philosophers, since the goal of both is to cognize the world and grasp being. We find and describe the area of intersection of modern philosophy and contemporary art, each of which is in a situation of crisis separately and continuous dialogue together.

Results. In the course of our research, we identify and describe the philosophical origins of visual art in the second half of the twentieth century - early twenty-first century: postmodern philosophical consciousness, conceptualism, the idea of “death of the author” and “death of art”, simulacrum, kitsch and camp, the method of deconstruction and its application in modern art.

Conclusions. Visual art of the second half of the 20th century — early 21st century is a visual form of philosophical questioning about the essence of art itself, about the existence of a person and being in general. The works of contemporary artists are based on philosophical problems: meaning, speech and meaning, the ratio of the rational and the irrational, the problem of abandonment and loneliness of a person, the problem of the “death of the author” and the alienation of the creator from his work, the idea of the impossibility of objective knowledge of reality.

Keywords:
concept art,
kitsch,
simulacrum,
deconstruction,
camp.

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельный файл в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast'» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. key concepts (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board. The articles are to be run through the «Antiplagiat» system. By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

